

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ  
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

АНДРЕЕВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ

ФЕНОМЕН «МЯГКОЙ» СИЛЫ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ,  
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Специальность 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата

политических наук

Научный руководитель  
доктор политических наук, профессор  
О.М. Михайленок

Москва – 2023

## СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ» СИЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ВЛИЯНИЯ.....	22
1.1. Политическое взаимодействие и его формы.....	22
1.2. «Мягкая» сила в контексте многообразия политического опыта.....	41
Глава 2. АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ «МЯГКОЙ» СИЛЫ: ИМИДЖЕВАЯ ОСНОВА, ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ ВЛИЯНИЯ.....	52
2.1. «Мягкая» сила в формате «американской мечты».....	52
2.2. Американизация: идея и практики.....	55
2.3. Особенности американской модели «мягкой» силы.....	68
Глава 3. КУЛЬТУРА В ФУНКЦИИ «МЯГКОЙ» СИЛЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ КНР.....	93
3.1. «Мягкая» сила восходящей державы.....	93
3.2. Могущественное культурное государство: концепция и ее практическая реализация.....	107
Глава 4. «МЯГКАЯ» СИЛА РОССИИ: ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ.....	129
4.1. Образы «северного колосса» в динамике имиджевых циклов.....	129
4.2. СССР как субъект «мягкой» силы: институты и технологии политического влияния.....	143
4.3. «Мягкая» сила современной России.....	165
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	190
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	198
ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ.....	219

## ВВЕДЕНИЕ

*Актуальность темы исследования.* Политика во все времена была сферой борьбы за власть, влияние и интересы. Однако формы этой борьбы определяются конкретными историческими условиями. Изменения этих форм в свою очередь отражаются в развитии политической теории. Одной из сравнительно недавних, но уже успевших доказать свою научную и практическую значимость актуальных теоретических инноваций, является концепция «мягкой» силы. «Мягкая» сила понимается как способность социально организованных акторов публичного политического пространства, в первую очередь государств, добиваться своих целей путем убеждения и завоевания симпатии со стороны взаимодействующих с ними участников политических процессов. Такая постановка вопроса, возникшая на рубеже 1980-х и 1990-х гг., отразила эволюцию инструментально-технологической стороны политики в той исторической ситуации, когда «мягкая» сила из вспомогательного инструмента, каким она была на протяжении столетий, стала превращаться в фактор *стратегического* значения. И ныне концепт «мягкой» силы уже стал неотъемлемым элементом современного политического мышления.

Актуальность проблематики «мягкой» силы определяется необходимостью осмысления как современных политических практик, так и тех новых, чрезвычайно широких инструментальных возможностей, которые открывает применение «мягких» воздействий в эпоху цифровых информационных технологий и глобальных информационных сетей, а в будущем и искусственного интеллекта. Очевидно, что такие технологии, в особенности технологии формирования «картин мира», идентичностей, вкусов, ценностных установок миллионов людей, в недалеком будущем приобретут еще большее значение, что может привести к существенному реформированию известных на сегодня моделей политики. Исходя из этого, разработку проблематики «мягкой» силы можно охарактеризовать как одно из перспективных, авангардных направлений политической науки. Рискнем даже высказать предположение: от того, как пойдет осмысление этой проблематики, во многом зависит облик, который в дальнейшем примет вся политическая наука в целом.

Между тем, за то время, которое концепция «мягкой» силы находится в научном обращении, она, на наш взгляд, так и не была доведена до уровня непротиворечивой, логически связной теории с четко очерченной предметной областью. Как первоначальная концепция, так и предложенные в дальнейшем её модификации, оказались уязвимыми для критики. По этой причине изучение феномена «мягкой» силы по-прежнему остается не решенной до конца научной задачей. Трактовка «мягкой» силы в ее первоначальном, «базовом» варианте была основана на политическом опыте США и представляла американские технологии политического влияния как своего рода парадигмальный образец «мягкой» силы. И это было не просто некой теоретической аберрацией, но и фактором реальной политики: такая трактовка становилась своего рода затемняющим фильтром, мешающим видеть и адекватно оценивать ресурсы, которые не «прописаны» в нормативных теориях американского происхождения. Поэтому развитие теории «мягкой» силы с ориентацией на опыт незападных стран, в том числе и на российский опыт, могло бы стать определенным вкладом в политическую науку и вместе с тем способствовало бы повышению эффективности инструментов влияния России несмотря на активное противодействие ее политическим стратегиям и идеям.

***Степень научной разработанности темы исследования.*** Технологии политического влияния, опирающиеся на создание привлекательного образа субъекта влияния, известны с давних времен. Однако проблематика «мягкой» силы как таковой в качестве особого направления исследований разрабатывается в политической науке лишь с начала 1990-х гг. Сам термин предложил американский теоретик, а в прошлом высокопоставленный чиновник Госдепартамента и министерства обороны США Дж. Най, разработавший концепцию «мягкой» силы в серии получивших широкую известность работ, в том числе монографических<sup>1</sup>. Уже первые его публикации на эту тему вызвали оживленные дискуссии, в которых участвовали не только политологи, но и действующие политики. С учетом критических замечаний,

---

<sup>1</sup> Наиболее известная из его книг - Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006.

концепция «мягкой» силы была значительно модифицирована. Но эти модификации не помогли довести концепцию до безусловного соответствия критериям валидности научной теории. Не было, в частности, прояснено и место концепта «мягкая сила» в системе категорий политической науки, включая такие ключевые её понятия, как «власть», «влияние», «политическая идеология», «политическая культура» и др.

В этой связи необходимо отметить, что вопрос об актуальности дальнейшей разработки проблематики «мягкой» силы отнюдь не сводится к запросам научного перфекционизма. Ещё более важным фактором постоянной реактуализации этой проблематики является динамизм политических практик и изменение условий применения различных инструментов и технологий политического влияния. По сравнению со временем формирования концепции «мягкой» силы и периодом её освоения в экспертном сообществе и интеллектуальной среде политической науки эти условия существенно изменились. Возникает, в частности, вопрос: сохраняет ли «мягкая» сила свою прежнюю политическую роль в условиях предельного обострения конфликтов между коллективным Западом и Россией, а также (пока, правда, в несколько меньшей степени) между коллективным Западом и КНР? Или же инструменты «мягкого» влияния вновь, как это было ещё в сравнительно недавнем прошлом, уступают своё место стратегиям вооружённого давления и различного рода санкций? Дж. Най считает, что это не так<sup>2</sup>, в чём, пожалуй, можно было бы с ним согласиться. Мы полагаем, что специфика современной ситуации как раз и состоит в том, что переход к политике вооружённых противостояний не только не сводит на нет роль «мягкой» силы, но, как это ни парадоксально, даже повышает её значение. С одной стороны, использование её инструментов позволяет умерить готовность противников перейти ту черту, за которой начинается подпитываемое

---

<sup>2</sup> Joseph S Nye, jr. Says more... // Project Syndicate, Jun 6, 2023. URL: [https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm\\_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm\\_campaign=6c92d09c6e-sunday\\_newsletter\\_06\\_11\\_2023&utm\\_medium=email&utm\\_term=0\\_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc\\_cid=6c92d09c6e&mc\\_eid=aa1eebfd2](https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=6c92d09c6e-sunday_newsletter_06_11_2023&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc_cid=6c92d09c6e&mc_eid=aa1eebfd2) [https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm\\_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm\\_campaign=6c92d09c6e-sunday\\_newsletter\\_06\\_11\\_2023&utm\\_medium=email&utm\\_term=0\\_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc\\_cid=6c92d09c6e&mc\\_eid=aa1eebfd2](https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=6c92d09c6e-sunday_newsletter_06_11_2023&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc_cid=6c92d09c6e&mc_eid=aa1eebfd2) (access 11.06.2023).

категорическим взаимным неприятием тотальное противостояние, с другой же стороны она начинает выступать как один из элементов так называемых «гибридных войн», включающих в себя информационные противостояния и своего рода «войны имиджей». Таким образом, запрос на «мягкую» силу как таковую не аннулируется, но способы её применения меняются. Соответственно должны корректироваться и наши представления о возможностях «мягкой» силы и границах этих возможностей. Однако для разработки соответствующих меняющимся условиям стратегий «мягкой» силы необходимо заново осмыслить природу этого феномена в более широком плане, том числе – на основе его рассмотрения с самых разных позиций, отражающих различия в политическом опыте, менталитете, традициях, а также в технологических и институциональных возможностях.

В этой связи особый интерес представляет разработка концепции «мягкой» силы в КНР, где данная проблематика тесно увязывалась не только с внешнеполитическими стратегиями Пекина, но и с более общими вопросами создания «хорошего общества» (в китайском его варианте воплощенного в так называемом обществе *сяо кан*). Поучительно, что для китайской трактовки «мягкой» силы характерна иная расстановка акцентов, чем для англо-американской – китайцы выдвигают на первый план не права человека и демократию, а богатые культурные традиции Поднебесной. Развивая эту тему, китайские авторы разработали оригинальную концепцию «могущественного культурного государства»<sup>3</sup>. Фактически китайская политическая мысль первой попыталась дать самостоятельную трактовку «мягкой» силы, альтернативную той, которую вслед за Дж. Наем развивают на Западе, и этот опыт полезно осмыслить, в том числе в контексте сравнительных сопоставлений и решения актуальных проблем современной политики.

---

<sup>3</sup> Зиневич О.В., Селезнёва Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-университета. 2022. Т. 15. № 6. С. 36 – 54; Наумов А.О., Положевич Р.С. Проблематика «мягкой силы» в китайском научном и общественно-политическом дискурсе: история и современность // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2021. № 71 С. 74 – 82.; Чжань Десюн. Китайское «могущественное культурное государство» и западная культура // Иносми.ру, 25.03.2010). URL: <https://inosmi.ru/fareast/20100325/158804621.html>. (Дата посещения 24.05.2020); Shao-Cheng Sun. The Confucius Institutes China's Cultural Soft Power Strategy // Journal of Culture and Values in Education. 2023. Vol. 6. № 3. P. 52 – 68

В последние годы «мягкой» силе уделялось большое внимание и в исследованиях российских ученых. Критическому анализу взглядов Дж. Ная и общим проблемам теории «мягкой» силы посвящены монографии и статьи таких известных российских авторов, как А.В. Торкунов, М.А. Неймарк, Е. А. Антюхова, О.А. Наумов, О.Г. Карпович, М.М. Лебедева, М.В. Харкевич, П.Б. Паршин, О.Ф. Русакова, Л.Р. Рустамова, О.Г. Леонова, Н.Н. Федотова, Г.Ю. Филимонов, А.В. Манойло, Е.Б. Шестопап, Н.В. Юдин и др.<sup>4</sup> За последние полтора – два десятилетия было защищено немало кандидатских, а также докторские диссертации по данной проблематике. С течением времени поток публикаций по «мягкой» силе дробился на тематически специализированные «ручейки». С одной стороны, это работы по «мягкой» силе отдельных стран и её воздействию на другие страны и регионы<sup>5</sup>, а с другой – исследования, посвященные различным факторам привлекательности, из

<sup>4</sup> Монографии: Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия. – М.: Изд. МГУ, 2020; Неймарк М.А. Кризисная геополитика: опыт и перспективы «мягкой силы» России. М.: Дашков и К<sup>о</sup>, 2023; Неймарк М.А. Геополитика «мягкой силы»: опыт России. 2-е изд. М.: Дашков и К<sup>о</sup>, 2022; Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» и публичная дипломатия. М.: КноРус, 2021; Lebedeva M.M. Russian Public Diplomacy. From USSR to the Russian Federation. L.: Routledge, 2021; Наумов А.О. Мягкая сила и публичная дипломатия. – М.: Изд. МГУ, 2020; Торкунов А.В. По дороге в будущее. 4-е изд., переработанное и дополненное. М.: Аспект пресс, 2020; Харитонова Е.М. Мягкая сила Великобритании. М.: ИМЭМО РАН, 2018; Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: Юнити-Дана, 2015.

Статьи: Манукян А.Р. Роль образования в «мягкой силе» современного государства // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 133 - 137; Косякина А.С. Российский подход к концепции «мягкой силы» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 2. С. 63 - 75; Федотова Н.Н. Мягкая сила России: вызовы и перспективы // Вестник гос. университета Дубна. Сер. Науки о человеке и обществе. 2022. № 2. С. 10 - 17; Наумов А.О. Идеино-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Ная // Новая и новейшая история. 2021. № 1. С. 223 - 229; Шестопап Е.Б. «Они» и «мы»: восприятие своей и других стран российскими гражданами // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 90 - 102; Емельянова Н.Н. Использование коллективной памяти как инструмента «мягкой силы» // Вестник Моск. университета. Сер. 12: Политические науки. 2020. № 4. С. 83 - 90; Леонова О.Г. Политика «умной силы» – продукт эволюции «мягкой силы» // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 25 - 32; Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-пи. 2017. № 1 (26). С. 61 – 72; Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 122 - 133; Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-университета. 2014. № 2 (35). С. 22 - 29; Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 134 - 163 и мн. др.

<sup>5</sup> Например: Шангараев Р.Н., Исхаков А.С. Роль «мягкой силы» во внешней политике Турции // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 9. С. 3056 - 3066; Дубасова П.К. Культура и культурная дипломатия как основной инструмент внешней политики «мягкой силы» Италии // Россия в глобальном мире. 2022. № 24 (47). С. 7 - 22; Козлов К.В. Упадок «мягкой силы» США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 10. С. 63 - 77; Зарянский С.А. Современное состояние «мягкой силы» Японии: достижения и проблемы // Дискурс-пи. 2021. № 2. С. 91 - 110; Устинович Е.С., Переверзева О.В. «Мягкая сила» Испании: потенциал и проблемы наращивания // Вестник Юго-Западного. гос. ун-та. Сер. История и право. 2020. Т. 10. № 6. С. 154 - 166; Мохаммад М.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике королевства Саудовская Аравия // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14. № 1. С. 183 – 198 и др.

которых складывается «мягкая» сила, её, если так можно выразиться, «смысловой огранке», а также обеспечивающим её функционирование институциональным структурам и технологиям<sup>6</sup>.

Данная дифференцирующая тенденция способствует детальной проработке многих конкретных вопросов, связанных с пониманием механизмов взаимодействия между политическими субъектами, располагающими набором институциональных и технологических возможностей по применению «мягкой» силы. Но целостное представление о «мягкой» силе как особом политическом феномене при этом в значительной мере «размывается». В последнее время в общем потоке публикаций о «мягкой» силе преобладают case-studies описательного характера, и лишь в отдельных немногочисленных работах предпринимались попытки обобщения на основе сопоставительного анализа институтов и практик использования «мягкой» силы различными государствами<sup>7</sup>. При этом и в российских, и в зарубежных публикациях «мягкая» сила обычно представлена как некая данность, без развернутого анализа того, как формировались и изменялись со временем смысловая конструкция, институциональные основы и технологии её применения.

В этом контексте хотелось бы также обратить внимание на то, что со времени первых работ Дж. Ная и вплоть до настоящего времени в общем потоке публикаций доминирует взгляд на «мягкую» силу как на фактор международной политики<sup>8</sup>. И

<sup>6</sup> Например: Паксютов Г.Д. Влияние стриминговых сервисов на киноиндустрию и стратегию «мягкой силы» Китая // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 122 - 135; № 3; Солги Т., Старовойтова И.Е. Кино как инструмент «мягкой силы» и его влияние на культурный капитал страны // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 1 (37). С. 167 - 172; Леонтьев Е.Д. Спорт как элемент «мягкой силы» государства // Вестник государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. № 1 (846). С. 40 - 44; Кузюра Ю.С., Рычкова А.Л. Роль спорта как инструмента «мягкой силы» в политике стран АТР // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 12 (88). С. 4449 - 4455; Смирнов В. Индустрия впечатлений как пространство аппликации «мягкой силы» // Индустрии впечатлений. 2022. № 1. С. 117 - 136; Подосокорский Н.Н. «Мягкая сила» тиктока: соцсеть, которая покорила мир // Наука телевидения. 2022. Т. 18. № 2. С. 117 - 146; Иванченко В.С., Чимерис Е.С. Русский язык на постсоветском пространстве как фактор политики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 8. С. 2473 - 2486; Русакова О.Ф., Грибовод Е.Р. Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы» // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 1 (56). С. 62 - 72 и др.

<sup>7</sup> Отметим в этой связи три работы: Антюхова Е.А. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. № 10. С. 86 - 98; Борзова А.Ю., Николашвили Н.Д. Сравнительный анализ испанской и португальской модели «мягкой» силы // Современная Европа. 2021. № 3 (103). С. 38 - 49; Муратшина К.Г., Бородин Е.А. Культурные связи Китая и Индии: битва «мягких сил»? // Азия и Африка сегодня. 2022. № 10. С. 27 - 33; Борзова А.Ю., Николашвили Н.Д. Сравнительный анализ испанской и португальской модели «мягкой» силы // Современная Европа. 2021. № 3 (103). С. 38 - 49.

<sup>8</sup> См. об этом: Касюк А. «Мягкая сила и ее роль во внутренней политике государства // Вестник российской нации. 2019. № 1. С. 93 - 105.



те работы, которые написаны в «проблемном» ключе и посвящены анализу различных составляющих «мягкой» силы, также обычно имеют конкретизирующую и в то же время ограничивающую их страноведческую привязку<sup>9</sup>. Однако на самом деле «мягкая» сила – это феномен, имеющий более широкое значение. Обладать «мягкой силой» могут не только государства, но и другие политически значимые акторы – например, церковь, возникшие вне государственной системы органы самоуправления (как, например, советы в период российской революции 1905 – 1907 гг.), крупные корпорации, в отдельных случаях (нередко ситуативно) отдельные научные, просветительские, образовательные организации. Так, в СССР в специфической ситуации конца 1980-х гг. влиятельным носителем «мягкой» силы стала Академия наук – не столько потому что избирательный закон 1988 г. наделил эту организацию статусом политического субъекта (за ней было закреплено 20 вакансий народных депутатов СССР), сколько потому, что она пользовалась большим доверием и авторитетом в обществе, при том, что целый ряд представителей академического сообщества стали в то время «властителями дум» немалой части населения страны. В последнее время одним из значимых и нередко самостоятельных субъектов не только внутренней, но уже и внешней политики выступают сети неправительственных организаций<sup>10</sup>.

Что же касается государства, то его «мягкая» сила всегда проявляется одновременно в двух проекциях – внутренней и внешней. По понятным причинам эти проекции в той или иной степени различаются, хотя и тесно связаны между собой. Другой вопрос, что «мягкую» силу проще представить как особый предмет исследования тогда, когда субъект и объект воздействия четко разделены, а «мягкая» сила совершенно определенно направлена от субъекта к объекту. Но в тех случаях,

---

<sup>9</sup> Например: Темербаева А.С. Американские кинокомиксы как инструмент «мягкой силы» США // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 3 (104). С. 40 - 44; Бу Р.Х. Туризм и внешняя политика Китая. СПб: Нестор-история, 2021; Антюхова Е.А. Образование в политике мягкой силы США // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 123 - 136; Андреев И.А. Китайское кино: контуры «мягкой силы» // П.О.И.С.К: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 1 (72). С. 101 - 109; Катасонова Е.Л. Япония – Южная Корея: поп-культурные войны // Актуальные проблемы современной Японии. 2018. № 32. С. 221 – 239.

<sup>10</sup> Сухарев А.И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира: дис. ... доктора политических наук. М.: 2011.

когда речь идет об отношениях государства к собственному населению (внутренняя проекция «мягкой» силы), данное условие не может быть строго соблюдено, поскольку граждане государства инкорпорированы в политическое тело этого государства, не отделены от него и в определенном смысле составляют с ним одно целое. Учитывая эти соображения и принимая во внимание общеметодологический принцип последовательного усложнения теоретической модели предмета исследования, нам было удобнее демонстрировать результаты анализа сущностных характеристик феномена «мягкой» силы в диссертации, главным образом, на основе описания её внешних проекций.

Особое внимание при этом было уделено инструментально-техническим и институциональным аспектам формирования и продвижения привлекательных образов ведущих мировых держав – США, КНР и России. В диссертации мы использовали и систематизировали разнообразный материал, характеризующий социокультурные основания политических практик. Так, когда речь идет о «мягкой» силе США, мы опирались на обширную историко-политологическую литературу, посвященную так называемой американской мечте, американизации, продвижению американских интересов<sup>11</sup> и публичной дипломатии США<sup>12</sup>. Существенную помощь в понимании технологий «мягкой» силы США оказывала и литература, описывающая мировое влияние американской кино- и медиаиндустрии, а также поп-культуры<sup>13</sup>. В процессе изучения исторической динамики «мягкой» силы Китая и её социокультурных оснований диссертант опирался на научные публикации китайских

---

<sup>11</sup> Согрин В.В. Американская цивилизация. М.: Весь мир, 2020; Супоницкая И.М. Цивилизация США. Контур истории. М.: URSS, 2017; Stead W.T. Americanization of the World, or The Trend of the Twentieth Century. Whitefish, Montana: Kessinger Publishing, 2011; Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire. New York: Penguin Press, 2004; Nolan M. Visions of Modernity. American Business and the Modernization of Germany. N.Y., Oxf.: Oxford Univ. Press, 1994; Moffett S.E. The Americanization of Canada. N.Y.: Columbia University, 1907.

<sup>12</sup> Великая А.А. Публичная дипломатия России и США. М.: Аспект-пресс, 2023; Hart J. Empire of Ideas: The Origins of Public Diplomacy and the Transformation of US Foreign Policy. N.Y.: Oxford University Press, 2013.

<sup>13</sup> Артамонова У.З. «Попкорн-дипломатия»: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 76 - 90; Юсев А. Кинополитика. Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. М.: Альпина паблишер, 2017; Артюх А.А. Новый Голливуд. История и концепция. СПб.: Алетейя, 2015; Артюх А.А. Время конгломератов. Последствия глобализации американской киноиндустрии // Искусство кино. 2010. № 3. С. 79 - 87; Kooijman J. Fabricating the Absolute Fake. America in Contemporary Pop Culture. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2013.

авторов<sup>14</sup>, на работы российских китаеведов и зарубежных ученых, исследовавших транслируемые в информационное пространство образы этой страны в контексте особенностей китайской культуры<sup>15</sup>.

Надо отметить, что для характеристики «мягкой» силы России также большое значение имеют не только официальные источники и политологические исследования, но и литература по русской культуре, в том числе классического периода («золотой» и «серебряный» века), работы по диалогу русской и зарубежных культур, международным связям русских писателей, художников, ученых и т.п. Эта литература столь обширна, многогранна и в целом пользуется такой известностью в научных кругах, что, кажется, нет необходимости давать на нее специальную ссылку. Упомянем только ряд особенно полезных для раскрытия темы нашей диссертации работ, посвященных технологиям, институтам и опыту продвижения советского влияния на Западе и на Востоке: деятельности различных организаций солидарности с Советской Россией, «идейной» эмиграции в СССР, культурной, церковной и публичной дипломатии советского периода, формированию образа «весны человечества», научным и культурным обменам и др.<sup>16</sup>

<sup>14</sup> Бинцин Ч. «Мягкая сила» в концепции внешней политики Китая // Информационные войны. 2022. № 1 (61), С. ; Лю Хаочунь, Цю Ипин. Китайское телевидение за рубежом как канал «мягкой силы» Китая // Научный аспект. 2022. Т. 3 № 4. С. 23 - 25; Цзи Юэшэн. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации // Власть. 2017. № 10. С. 148 – 154 и др.

<sup>15</sup> Зиганшин Р.М. Мягкая сила Китая. М.: Ин-т востоковедения, 2022; Кобзева М.А. Дискурсивная власть Китая: инструменты и стратегия // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 173 - 184; Янгутов Л.Е. Буддизм как фактор мягкой силы в политической стратегии Китая // Философская мысль. 2019. № 10. С. 49 - 53; Рогожина Н.Г. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXXIV. М.: Ин-т востоковедения, 2017. С. 24 - 33; Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е. «Мягкая сила» как орудие политики Китая в Африке // Азия и Африка сегодня. 2017. № 3. С. 2 - 8; Михневич С.В. Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций, 2016, т. 11, № 1. С. 92 - 125; Сафонова Е.А. Стратегия «Один пояс, один путь» как носитель «мягкой силы» Китая // Новый шелковый путь и его значение для России. М.: ИДВ, 2016; Dooley Н. J. The Great Leap Outward: China's Maritime Renaissance // The Journal of East Asian Affairs. 2012. Vol. 26. № 1. P. 53 - 76; Shambaugh D. China's Soft-Power Push – the Search for Respect // Foreign Affairs. 2015 July/August. P. 99 - 107; Glaser B., Murphy M. Soft Power with Chinese Characteristics: The Ongoing Debate // Chinese Soft Power and Its Implications for the United States. A Report of the CSIS Smart Power Initiative. March, 2009. URL: [https://books.google.ru/books?id=6ac9x01eRJwC&pg=PA10&hl=ru&source=gbs\\_toc\\_r&cad=3#v=onepage&q&f=false](https://books.google.ru/books?id=6ac9x01eRJwC&pg=PA10&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false) (дата посещения 24.05.2020).

<sup>16</sup> Логвенков И.С. Образ советского прошлого как фактор «мягкой силы» России // Современный мир: стратегии развития, технологии и образы будущего. Материалы международной научно-практич. конференции. М.: НИУ МЭИ, 2020. С. 231 - 235; Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 130 - 149; Докучаева С.В., Никонова О.Ю. Институциональная структура и целевые аудитории советской культурной дипломатии в странах Латинской Америки в 1950 - 1960-е гг. // Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2018. Т. 18. № 1. С. 14 - 17; Трегубов Н.А. Советское агитационное

Наряду с этим, проблематика «мягкой» силы России, на наш взгляд, имеет ещё одно специфическое проблемное измерение, которое в современной политической ситуации приобретает особую значимость. А именно: оценивая потенциал «мягкой» силы России и условия её применения нельзя пройти мимо исторически укорененной на Западе традиции рассматривать ее как «варварскую страну», которая (традиция), надо признать, нередко оказывает определенное влияние и на восприятие образа России самими россиянами. Этой темой занимались как российские, так и зарубежные ученые<sup>17</sup>. В то же время в контексте проблемы эффективности «мягкой» силы России нам казалось важным специально обратить внимание и на противоположное явление – зарубежное русофильство, представленное в разные исторические периоды и в разных странах яркими общественными деятелями и интеллектуалами<sup>18</sup>. Это явление изучено меньше и, на наш взгляд, наследие

---

воздействие на целевую аудиторию в социалистических, развивающихся и капиталистических странах (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Управление в современных системах. 2017. № 4. С. 22 - 31; Голубев А.В., Небезин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М.: Ин-т российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016; Устюжанцева О.В. Образовательное сотрудничество в российско-индийских отношениях // Сибирские исторические исследования. 2016. № 3. С. 43 - 64; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921 – 1941 годы. М.: Новое лит. обозрение, 2015; Алленов С.Г. «Да», которое мы говорим России, означает «нет» Западу (истоки и метаморфозы «восточной ориентации» немецкого национализма 1910-х – 1920-х гг.) // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2012. № 2 (65). С. 120 - 137; Холландер П. Политические пилигримы. Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928 – 1978. СПб.: Лань, 2001; Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton: Princeton Univ. Press, 1960.

<sup>17</sup> Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионология. 2023. Т. 31, № 1. С. 30 - 45; Чугров С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88 - 98; Купина Н.А. Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 82 - 90; Попова Е.А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2022. № 12. С. 40 - 45; Небренчин С.М. Русофобия в медиа-войне против России: целеполагание, контент, технологии // Информационные войны. 2020. № 2. С. 18 - 22; Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М.: Паулсен, 2016; Неменский О.Б. Русофобия. Аналитические обзоры РИСИ. Вып. 5. М., 2014; Poe M.T. “A People Born to Slavery”: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476 – 1748. Ithaca, London: Cornell Univ. Press, 2000; Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to Mausoleum. Cambr. (Mass), L.: The Belnup Press of the Cambridge University Press, 1999; Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: a Study of the Interaction of Policy and Opinion. N.Y.: Octagon Books, 1971; McNally T. The Origins of Russophobia in France: 1812 - 1830 // American Slavic and East European Review. 1958. Vol.17, № 2. P. 173 – 189.

<sup>18</sup> Васильченко М.А. Российская цивилизация в работах Т.Г. Масарика // Власть. 2021. № 5. С. 159 - 164; Мильчина В.А. «Русский мираж» как прообраз «русской идеи» // К истории идей на Западе: «Русская идея». М.: Изд. Пушкинского дома, Изд. дом «Петрополис», 2010. С. 206 - 217; Рыбаченок И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. М.: РОССПЭН, 2004; Whale S. W. Madame Adam (Juliette Lambert). La Grande Française: From Louis Philippe until 1917. L.: Chapman and Hall, 1917.

данной традиции до последнего времени недостаточно использовалось для смысловой аранжировки образа России и укрепления её политического влияния.

Что касается «мягкой» силы России наших дней, то на текущий момент она исследована довольно фрагментарно. Существующая литература касается преимущественно отдельных аспектов российской внешнеполитической пропаганды и национальной безопасности<sup>19</sup>, а также использования инструментов «мягкой» силы для укрепления российского влияния в отдельных странах и регионах<sup>20</sup>. Вопрос о связи внешней и внутренней проекций «мягкой» силы при этом, как правило, не ставится. И, насколько можно судить, ни обобщающих, ни установочных политологических исследований, дающих теоретическую основу для разработки стратегии наращивания «мягкой» силы России исходя из ее специфических возможностей, традиций, политического опыта, в нашем распоряжении пока нет. По сути дела, данная проблема всё ещё остается неразработанной; в имеющихся преимущественно страноведческий уклон публикациях она в конструктивном ключе практически не обсуждается.

**Объектом исследования** в диссертации является взаимодействие акторов публичного политического пространства.

**Предметом исследования** выступает феномен «мягкой» силы, в анализе которого можно выделить две стороны: с одной стороны, саму способность социально организованных политических акторов, в первую очередь государств, к осуществлению

---

<sup>19</sup> Погорлецкий А.И. «Мягкая сила» и экспортный потенциал России в несырьевых секторах экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 102 - 110; Эфендиева Н.Э.К. Лингвокультурная организация инноваций в МИА «Россия сегодня» // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 247 - 255; Агеева А.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике России: проблемы и перспективные решения // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 190 - 193; Чаевич А.В. Мягкая сила как фактор обеспечения национальной безопасности современной России. М.: Спутник, 2019; Толоконникова А.В., Будакова Д.О. Роль телеканала RT в формировании международного имиджа России // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2019. № 5. С. 89 - 119.

<sup>20</sup> Березина Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. 2021. № 9. С. 25 - 41; Кошкарова Н.Н., Мукушев И.О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 3 (87). С. 87 - 100; Салимова Э.А. «Мягкая сила» во внешней политике Российской Федерации в арабских странах // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1 (21). С. 73 - 78; Калитко И.И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2020. Т. 10. № 3. С. 29 - 36; Саримсоков З.С. Инструменты «мягкой силы» России и их применение в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 5. С. 1267 - 1279 и др.

направленного воздействия на других представленных в политическом пространстве субъектов без применения к ним прямого принуждения, а с другой стороны – обеспечивающий формирование и реализацию этой способности комплекс разнообразных факторов, включающий в себя различные институциональные структуры, технологии влияния, элементы политической культуры, ценностные установки, идеалы и образы массового сознания, политические концепции и основанные на этих концепциях стратегии влияния.

**Цель исследования** – изучение природы феномена «мягкой» силы на основе сопоставления технологий и институтов политического влияния ведущих мировых держав – США, КНР и России, а также обоснование принципа разнообразия (плюрализма) исторически сложившихся моделей «мягкой» силы.

**Исследовательские задачи**, решение которых позволяет достигнуть заявленной цели, состоят в том, чтобы:

- раскрыть природу «мягкой» силы в контексте проблематики политической власти и политического влияния;
- исследовать особенности взаимодействия субъектов политического пространства в процессе применения технологий «мягкой» силы;
- разработать динамический подход к феномену «мягкой» силы, представляющий ее формирование и реализацию как многофазный политический процесс, протекающий в меняющейся политической среде и в меняющихся социально-исторических условиях;
- рассмотреть особенности институционального оформления и технологий применения «мягкой» силы в политической практике различных государств; провести параллельный анализ «мягкой» силы, сконцентрированной на основных полюсах формирующегося многополярного мира (США, КНР и Россия), дать им оценку по эффективности применения технологий «мягкого» влияния в различных социально-исторических ситуациях.

- исследовать социокультурную основу процессов формирования и функционирования «мягкой» силы России, США и КНР;
- разработать типологию моделей «мягкой» силы, раскрыть связь различных типов «мягкой» силы с национальной культурой, менталитетом, политическими и культурными традициями.

**Основная гипотеза исследования** заключается в том, что «мягкая» сила – это не статичное свойство политических субъектов (как его рассматривал, в частности, Дж. Най), а динамическое качество, представляющее собой функцию как от меняющегося внутреннего состояния самих этих субъектов, так и от вызовов окружающей их политической среды.

**Теоретические основы исследования и использованные методы.** Как уже отмечалось выше, современная политическая наука располагает достаточно обширной литературой по «мягкой» силе. В то же время дискуссии показали, что теоретическое осмысление феномена «мягкой» силы все еще не доведено до необходимого уровня методологической корректности. Причины этого разбираются в основном в первой главе диссертации, в которой использовались стандартные методы анализа научных понятий и теорий – выявление противоречий, указание на неполноту описания фактов, оценка обоснованности категориальных дистинкций, характеристика меры объективности в отношении предмета исследования и др.

Анализируя технологии «мягкой» силы и практики их использования, диссертант пришёл к выводу, что «мягкую» силу можно отнести к тому классу феноменов, которые в современных исследованиях по методологии научного познания выделяются в особый класс так называемых «сложностных» объектов<sup>21</sup>. Такие объекты не могут быть адекватно поняты в рамках классической парадигмы методологической схематизации, разделения на части и познания этих частей (аспектов) в отдельности<sup>22</sup>, в том числе – в рамках отдельных специализированных подходов. В «мягкой»

---

<sup>21</sup> См. напр.: Майнцер К. Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

<sup>22</sup> Ср.: Аршинов В.И. На пути к сетцентрическому пониманию сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2018. № 3. С. 36.

силе есть и собственно политические, и социокультурные, и коммуникативные, и социально-психологические аспекты, но их невозможно отделить друг от друга, и рассматривать их надо во взаимной связи и единстве. Для этого необходим «охватывающий» интегративный метод, в рамках которого все эти специализированные («частичные») методы и соответствующие языки описания, подобно пазлам, складываются в единую «картину явления». Если принять основную гипотезу исследования, согласно которой «мягкая» сила представляет собой не статичное свойство, а динамическую функциональную характеристику, то такую интегрирующую роль, на наш взгляд, может сыграть *метод историко-политологического анализа*, позволяющий представить «мягкую» силу тех или иных политических субъектов (в том числе ведущих стран мира) в процессе становления и эволюции. В этой связи диссертант обращается к *методу нарративного анализа* как способу представления политической истории и истории культуры, включая историю ментальностей. При этом показано, что на каждом этапе своей эволюции «мягкая» сила того или иного политического субъекта представлена как единство смыслов, формирующих образ (имидж) этого субъекта (*системный подход*). В диссертации применён *метод параллельного анализа*, создающий основу для сопоставления институциональной инфраструктуры и технологий «мягкой» силы мировых держав, что позволяет рассматривать представленную на защиту работу как пример *политической (политологической) компаративистики*. С целью дифференцированной количественной оценки реальной действенности «мягкой силы» США, КНР и России используются данные социологических исследований (*метод вторичного социологического анализа*).

***Источниковая и эмпирическая база исследования.*** В качестве источников, на которые опиралось проведённое исследование, использовались официальные

---



политические документы<sup>23</sup>, установочные выступления и публикации американских<sup>24</sup>, китайских<sup>25</sup> и российских<sup>26</sup> политических лидеров, материалы, размещаемые на сайтах официальных учреждений (Официальное Интернет-представительство Президента России Kremlin.ru, МИД РФ, Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Белый дом, Госдепартамент США, Посольство КНР, Китайский фонд международного образования, Форум китайско-африканского сотрудничества и др.<sup>27</sup>), а также аналитических центров, публикующих важные для понимания эффектов «мягкой» силы данные социологических исследований (Gallup, Pew Research Centre, Portland Communications, Institut für Medien- und Kommunikationspolitik и др.<sup>28</sup>), отдельные произведения мемуарной литературы<sup>29</sup>.

<sup>23</sup> Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023) URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата посещения 11.05.2023); Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно нравственных ценностей (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9.11.2022). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

<sup>24</sup> Remarks by President Biden before the 76<sup>th</sup> Session of the UN General Assembly // White House, September 21, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/21/remarks-by-president-biden-before-the-76th-session-of-the-united-nations-general-assembly/> (access 11.05.2023); Bush, J. Remarks Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in New York City // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-accepting-the-presidential-nomination-the-republican-national-convention-new-york> (access 3.11.2022); Inaugural Address of J.F. Kennedy. URL: [https://translated.turbopages.org/proxy\\_u/en-en.ru.c04aa28b-636542f0-8173cf04-74722d776562/https/web.archive.org/web/20070514235348/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/presiden/inaug/kennedy.htm](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-en.ru.c04aa28b-636542f0-8173cf04-74722d776562/https/web.archive.org/web/20070514235348/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/presiden/inaug/kennedy.htm) (access 3.11.2022); President Harry Truman's Address before a Joint Session of Congress, March, 12, 1947. URL: [https://avalon.law.yale.edu/20th\\_century/trudoc.asp](https://avalon.law.yale.edu/20th_century/trudoc.asp) (access 3.11.2022); Roosevelt T. True Americanism // The Works of Theodore Roosevelt. American Ideals. New York and London, The Co-operative publication society, 1896. P. 31 – 50.

<sup>25</sup> Си Цзинпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая, 16 октября 2022. URL: [https://russian.news.cn/2017-11/03/c\\_136726299.htm](https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm) (дата посещения 10.06.2023); Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзинпин на XIX съезде КПК // Сайт агентства «Синьхуа». URL: [https://russian.news.cn/2017-11/03/c\\_136726299.htm](https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm) (дата посещения 11.05.2023); Стремиться к общему и устойчивому развитию, создавать партнерство на основе сотрудничества и взаимовыигрыша. Выступление Председателя КНР Си Цзинпина на саммите ООН по развитию/ 28.11.2015 // Сайт посольства КНР в Москве. URL: [http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zxbd/QQ13/201512/t20151202\\_3113372.htm](http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zxbd/QQ13/201512/t20151202_3113372.htm) (дата посещения 10.06.2023)

<sup>26</sup> Путин, В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – 27.02.2012.

<sup>27</sup> Официальные Интернет-адреса (в порядке упоминания): <http://www.kremlin.ru/>; <https://www.mid.ru/>; <https://rs.gov.ru/>; <https://russkiymir.ru/>; <https://www.whitehouse.gov/>; <https://www.state.gov/>; <http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/>; <https://cief.org.cn/>; <http://www.focac.org/eng/>.

<sup>28</sup> Интернет-адреса (в порядке упоминания): <https://www.gallup.com/home.aspx>; <https://www.pewresearch.org/>; <https://portland-communications.com/>; <https://medienpolitik.eu/>.

<sup>29</sup> В частности: Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. – М.: АСТ, СПб: Полигон, 2009; Маркес, Г. СССР: 22400000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Габриэль Гарсиа Маркес. Палая листва. – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 462 – 500; Робертсон, Р. Черный о красных. 44 года в Советском Союзе. Автобиография черного американца. / Роберт Робинсон. Пер. с англ. Г. Лапиной. — СПб.: Симпозиум, 2010.

**Научная новизна исследования** заключается в следующем:

1. Разработана концептуальная основа для анализа политических взаимодействий. Исследованы смысловые связи и соотношение концепта «мягкой» силы с фундаментальными категориями политической науки («политическое», «власть», «влияние», «пропаганда»), введены новые дескриптивные понятия, расширяющие возможности научного описания и анализа феномена «мягкой» силы («политическая акупунктура», «имиджевые циклы», «эмпатический интерес» и др.). Предложена трактовка «мягкой» силы как *реляционного* понятия, относящегося не столько к абсолютным, сколько к относительным и притом интерактивным свойствам политических субъектов.
2. Предлагается новый ракурс критического анализа парадигмальной концепции «мягкой» силы Дж. Ная – с точки зрения характеристики эпистемологического статуса разработанной им американоцентричной модели «мягкой» силы. В отличие от большинства критиков данной концепции, ограничивающихся возражениями частного характера, диссертант доказывает, что данная концепция в принципе не обладают той степенью универсальности и объективности, которая позволила бы квалифицировать её как *научную* теорию.
3. Функциональный подход к феномену «мягкой» силы в диссертации впервые системно увязан с принципом историзма: «мягкая» сила рассматривается не только как функционально-технологическая характеристика взаимодействия политических субъектов, но и как явление политической истории, как имеющий определенные социокультурные основания и свою особую динамику политический процесс.
4. В диссертации впервые в российской политической науке представлен параллельный анализ процессов формирования и эволюции «мягкой» силы ведущих глобальных держав – США, КНР и России на временных интервалах большой протяжённости.
5. Разработана оригинальная типология моделей «мягкой» силы, основанная на различиях в её («мягкой» силы) интегральной смысловой направленности (проектный, посреднический, инерционный, компенсаторный типы).

6. На базе исторического подхода к процессам формирования институтов и технологий политического влияния обоснована принципиальная многовариантность моделей «мягкой» силы.

***Основные положения, выносимые на защиту:***

1. В контексте общей концепции политических взаимодействий следует четко различать политическую власть и влияние. Политическое влияние, в отличие от власти, не предполагает институционального отношения соподчиненности между политическими субъектами и, таким образом, «мягкую» силу надо рассматривать как специфический фактор политического влияния.

2. Понятие «мягкой» силы отражает важные особенности взаимодействия представленных в политическом пространстве субъектов. Но первоначальная концептуализация «мягкой» силы, ориентированная почти исключительно на западные (в особенности американские) политические практики, должна рассматриваться не столько как научная концепция, сколько как представление одного из феноменов политической реальности в «превращенных» формах идеологии. Из этого следует необходимость разработки альтернативных трактовок «мягкой» силы на базе сопоставления и параллельного анализа политического опыта различных стран, включая Россию.

3. Формирование «мягкой» силы и ее использование представляет собой *особый политический процесс*, связанный с социальной и политической историей той или иной страны и отражающий социально-исторические условия, состояние данного общества в тот или иной момент исторического времени, его политическую культуру, традиции и особенности развития.

4. В контекстах взаимодействия политических акторов и субъектов политического пространства «мягкую» силу следует оценивать не с точки зрения соответствия какой-либо «образцовой» модели (например американской), а с точки зрения реальной эффективности её применения с учётом наличных ресурсов, а также конкретных интересов и целей применяющих «мягкую» силу политических субъектов.

5. Различные исторически сложившиеся варианты «мягкой» силы можно обобщенно сгруппировать в несколько основных типов: проектный, посреднический, инерционный и компенсаторный. «Мягкая» сила глобальных держав, в том числе США, КНР и России, тяготеет к проектному типу, отличающемуся от остальных тем, что её составной частью является определённый предлагаемый всему человечеству проект будущего.

6. «Мягкая» сила России сопоставима по качеству с «мягкой» силой других глобальных держав – США и КНР. Она опирается на наработанные в разные периоды истории оригинальные технологии «мягкого» влияния, а также на разветвленную институциональную инфраструктуру. Динамическая траектория «мягкой» силы России на длительных исторических периодах имеет нелинейную конфигурацию с чередованием повышающих и понижающих фаз. В целом после 2000 г. наблюдается переход процесса в повышающую фазу; при этом, однако, выявляются определённые проблемы, трудности и препятствия, снижающие привлекательность позитивного образа России. Среди них в первую очередь следует назвать развёрнутую на Западе антироссийскую кампанию, сопровождаемую попытками «отмены» российской культуры, ревизией итогов Второй мировой войны и широкой популяризацией глобальными СМИ искажённых представлений об историческом пути России и её вкладе в мировую историю.

***Теоретическая значимость исследования*** определяется вкладом в разработку научного понимания феномена «мягкой» силы, альтернативного широко распространённой американоцентричной концепции Дж. Ная.

***Практическая значимость исследования*** обусловлена запросами современной политической практики на технологии «мягкого» воздействия, учитывающие политический опыт, специфические ресурсы страны и запросы, вытекающие из особенностей той или иной конкретной политической ситуации. Материалы диссертации могут быть использованы в преподавании дисциплин «Политология», «Международные отношения» и «Основы российской государственности», а также для подготовки учебных пособий.

**Область диссертационного исследования.** Содержание работы соответствует областям исследований 2, 14, 15, 16, 24, 29, 30 паспорта специальности 5.5.2 – «Политические институты, процессы, технологии».

**Апробация работы.** Надежность теоретико-методологической базы исследования основывается на анализе и обобщении значительного числа опубликованных и признанных в научном сообществе результатов исследований российских и зарубежных авторов. Основные результаты диссертационного исследования раскрываются в статье, входящей в МБД, 4 статьях, опубликованных в журналах из списка ВАК, в ряде других публикаций, а также в выступлениях на всероссийских и международных конференциях: V Международной научной конференции «Арефьевские чтения» (Москва, НИУ МЭИ, 2019), XII гуманитарной научно-практической конференции «Лефортовские чтения» (Москва, НИУ МЭИ, 2020), Международной научной конференции «Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития» (Краснодар, Краснодарский гос. институт культуры, 2021), Международной научно-практической конференции «СССР: социальный опыт и культурные ценности» (Москва, Литературный институт им. А.М. Горького, 2022).

**Структура диссертации,** которая определяется её целями и научными задачами, состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также электронных ресурсов.

## ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ» СИЛЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И ВЛИЯНИЯ

### 1.1. Политическое взаимодействие и его формы

Политические взаимодействия с известной долей условности можно разделить на симметричные (например, отношения равноправного сотрудничества) и асимметричные, а среди этих последних в качестве особого типа рассматривать взаимодействия, связанные с использованием политического влияния. Феномен политического влияния в известном смысле сродни феномену власти. И в том, и в другом случае речь идет о воздействиях, способных направлять либо модифицировать поведение участвующих в политических процессах субъектов, вносить в него те или иные изменения. Вопрос же о различиях между ними вызывает дискуссии. В большинстве случаев соотношение понятий «власть» и «влияние» рассматривается в плане их логического соподчинения, хотя взгляды на это соподчинение могут быть прямо противоположными. Отдельные авторы трактуют влияние как родовое понятие, а власть – как одну из ее разновидностей<sup>30</sup>, другие считают влияние формой власти<sup>31</sup>, а третьи рассуждают о том, пересекаются ли предметные области этих понятий<sup>32</sup> или, напротив, не пересекаются<sup>33</sup>. Мы же полагаем, что различия между властью и влиянием надо искать в несколько иной плоскости. А именно, власть есть отношение внутри некоторой институционализированной или стремящейся к институционализации структуры (учреждения, ведомства, государства в целом, но также и теневых или конспиративных организаций типа мафии, подпольных политических групп и т.п.). При этом власть следует отличать и от институционально не подкрепленного насилия. Когда, к примеру, террористы заставляют

---

<sup>30</sup> Lasswell G. D., Kaplan A. *Power and society: a framework for political inquire*. New Haven: Yale Univ. Press, 1950; Пугачев В.П., Соловьев А.И. *Введение в политологию*. М.: Аспект-пресс, 2005; Гаджиев К.С. *Политология. Базовый курс*. М.: Юрайт, 2013.

<sup>31</sup> Oppenheim F. *Power and Causation* // Barry B. (ed.) *Power and Political Theory: Some European Perspectives*. L.: Wiley, 1976.

<sup>32</sup> Льюкс С. *Власть: радикальный взгляд*. М.: Высшая школа экономики, 2010.

<sup>33</sup> Mokken R.J., Stokman F.N. *Power and Influence as Political Phenomena* // Barry B. (ed.) *Power and Political Theory: Some European Perspectives*. L.: Wiley, 1976. P. 33 – 54.

заложенных исполнять их требования, это сложно назвать властью в политическом смысле этого слова, хотя принуждение здесь, безусловно присутствует.

Властные отношения опираются на правила функционирования соответствующей структуры и на вытекающую из этих правил субординацию, которая поддерживается посредством прямых и легитимных для данной структуры санкций. Влияние же надо понимать как отношение, складывающееся за рамками институционализированных субординаций. Например, мы можем говорить о влиянии одного государства на политику другого именно потому, что формально правительство одной страны не обязано подчиняться правительству другой, ибо обе они обладают одинаковым суверенитетом (если, разумеется, исключить особый случай оккупационных режимов). По тем же причинам мы должны рассматривать именно как влияние деятельность, которую ведут в политических кругах лоббисты, представляющие интересы различных финансово-промышленных кругов.

Влияние, в отличие от власти, построено преимущественно на использовании неформальных стимулов и косвенных мотиваций. Оно опирается на способность оказывающего влияние субъекта вносить благоприятные и/или неблагоприятные изменения в среду деятельности объектов влияния. При этом влияние часто служит своего рода эпифеноменом власти или, если угодно, ее спутницей, входящей в «ауру власти». Но так бывает не всегда, а лишь тогда, когда власть тверда, достаточно эффективна и популярна. Слабые властители, в особенности стоящие в шаге от потери своих прерогатив, обычно не пользуются влиянием (вследствие чего подчиненные, формально соблюдая субординацию, на деле «обходят» тех, чьи распоряжения они должны выполнять). Власть, в отличие от этого, не может сопутствовать влиянию как таковому. Возможны, однако, ситуации, когда ее механизмы приводятся в действие посредством влияния. Пример: должностное лицо какого-либо государства, находящееся под негласным влиянием «зарубежных друзей», побуждающих это лицо отдавать нужные для них распоряжения (и, соответственно, блокировать или саботировать то, что их не устраивает).

Факторы, а следовательно, и технологии влияния весьма разнообразны. Разумеется, это в первую очередь доверие, убеждение, симпатия и эмпатия,

покровительство, различные виды морального авторитета. Но сюда же следует отнести и различные виды угроз, шантаж, подкуп, создание «агентур влияния», предоставление и распространение информации (включая ложную, провоцирующую и компрометирующую), а также неформальный обмен услугами.

Длинный список приемов и методов влияния отнюдь не закрыт. В частности, в последние несколько десятилетий научно-технический прогресс добавил к нему целый ряд совершенно новых форм воздействия на человеческое сознание и поведение, таких как информационно-психологическое манипулирование, нейролингвистическое программирование, сетевое общение (включая сетевой троллинг), конструирование виртуальных реальностей, политический брендинг и др. Новые инструменты не просто радикально расширили область применения того, что можно образно назвать «политической акупунктурой», открыв для направленных внешних воздействий ранее недоступные для них сверхчувствительные точки. Важно и то, что появились методы, позволяющие осуществлять «операции влияния» в замаскированных формах (например, посредством подспудного «давления» на подсознание и культурных перекодировок), не давая при этом самоочевидных для ставшего объектом влияния социума поводов для оказания решительного отпора. На смену простым «двухтактным» процедурам, для которых характерна непосредственная и легко просматриваемая связь с произведенным результатом по принципу «причина – следствие», пришли ветвящиеся цепочки воздействий, многие из которых значимы не столько сами по себе, сколько в составе различных комбинаций с отложенным конечным эффектом. В результате деятельность по генерированию и распространению «волн» политического влияния усложнилась и стала приобретать все более комплексный характер, что потребовало ее серьезного интеллектуального переоснащения. Тут нужны не только интуитивное «чувство партнера», основанный на прецедентах опыт, общая информированность и здравый смысл (которых, пожалуй, еще в середине XX в. было достаточно) – теперь в дополнение к этому понадобились и специальные знания в области психологии, психолингвистики, семантики, культурологии, социологии, применение которых корректируется прикладными исследованиями и сценарным прогнозированием.



Однако, подготовка специалистов соответствующего профиля и их услуги стоят достаточно дорого, причем не в смысле одних только финансовых вложений, но и в смысле интеллектуального капитала. Поэтому использовать весь диапазон современных средств влияния могут себе позволить далеко не все политические организации и даже далеко не все государства.

Перечисленные обстоятельства, если взять их в совокупности дают достаточно оснований, чтобы говорить о качественном изменении ситуации в сфере политических взаимодействий. Это изменение, безусловно, нуждается в научном анализе. Но, вообще говоря, традиция рассматривать политическое влияние как особую проблему к настоящему времени по сути дела только еще начинает складываться. В истории политической мысли вопросы влияния долгое время рассматривались лишь эпизодически, приоритетное же внимание всегда уделялось власти и властвованию. Первые серьезные аналитические публикации, посвященные технологиям и инструментам влияния, появились в 1920-е гг. в США. Это прежде всего «Общественное мнение» У. Липпмана (1922), где исследуется вопрос о механизме формирования «картин в нашей голове»<sup>34</sup>, а позже классические работы по технологиям пропаганды одного из основателей политической науки Г. Лассуэлла<sup>35</sup>. В этой же связи надо назвать британского дипломата и историка левой ориентации Э.Х. Карра, который также отдельно выделял политическое влияние как форму власти – «власти над мнениями» (*power over opinions*, подчеркнуто мною – И.А.)<sup>36</sup>. Несколько позднее, уже в 1970-х гг., проблемы политического влияния начинают обособляться терминологически. Это можно видеть на примере работ англо-американского социального теоретика С. Льюкса и известного немецкого социолога Н. Лумана. Но оба они не занимались эмпирическими исследованиями и ограничились тем, что предложили некие типологические схемы, позволяющие различать власть и влияние, а также различные их формы. Предложенная Луманом концепция

---

<sup>34</sup> Липпман У. Общественное мнение. М.: Изд. Фонда «Общественное мнение», 2004.

<sup>35</sup> Lasswell H. Propaganda Technique in the World War. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1971.

<sup>36</sup> Carr E.H. Twenty years' crisis, 1919 - 1939: An Introduction to the Study of International Relations. N.Y.: Harper & Row, 1964.

«парадигм влияния» (авторитет, репутация и лидерство)<sup>37</sup> носит, на наш взгляд, несколько схематичный характер и, по существу, оставляет в стороне все классические формы недобросовестного влияния (которые, тем не менее, также являются *влиянием*). Точку зрения Льюкса<sup>38</sup>, надо признать, выгодно отличает воспитанная британской логико-аналитической традицией скрупулезность терминологического анализа и поистине декартовская полнота рассмотрения всевозможных имеющих отношение к данной теме конкретных случаев, в том числе и двусмысленных. Он, в частности, правильно обратил внимание на необходимость четко отделить проявления власти от проявлений социальной детерминации, а также на то, что власть всегда используется осознанно, тогда как влияние может быть и бессознательным. Главным критерием разграничения власти и влияния, по Льюксу, является наличие конфликта интересов и санкции – при их наличии дееспособно только применение власти. С этим можно согласиться, но все-таки это чисто феноменологический взгляд на вещи. Нам кажется, что в начале главы мы уже дали собственный ответ на данный вопрос, указав на то, что власть как таковая «работает» только внутри какой-либо институциональной структуры.

Особенно активно проблематику влияния в последнее время разрабатывали не политологи и социологи «общего профиля», а специалисты по международным отношениям, что, видимо, объясняется наличием преимущественного запроса со стороны именно внешней политики. Как известно, испокон веков самым эффективным средством воздействия на политику того или иного государства в интересах других внешнеполитических игроков была вооруженная сила. Разумеется, она и сегодня остается в арсенале внешней политики. Однако несмотря на то, что мощь современной военной техники постоянно возрастает, та роль, которую она играет во внешней политике, по сравнению даже с недавним прошлым, если не снизилась, то, во всяком случае, стала более ограниченной. И это понятно: ведь все понимают, что ядерные арсеналы ведущих мировых держав в случае возникновения

---

<sup>37</sup> Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001.

<sup>38</sup> Льюкс С. Власть. Радикальный взгляд. М.: Изд. ВШЭ, 2010.

неконтролируемой глобальной войны способны уничтожить всю человеческую цивилизацию. Кроме того, как показал опыт, победы над мотивированным противником в современных войнах достигаются с большим трудом: проигрывающая в открытом столкновении сторона может переходить к партизанским действиям, которые могут продолжаться десятилетиями. Война как продолжение политики иными средствами в этих условиях становится как бы «кинжалом без рукоятки», который приходится держать прямо за лезвие.

Потеряв десятки миллионов жизней в двух мировых войнах, человечество попыталось выстроить глобальную политическую систему, в рамках которой отношения между государствами, включая различного рода конфликты, регулируются правовыми и переговорными механизмами под наблюдением авторитетных международных организаций (прежде всего ООН). Да, система получилась недостаточно эффективной. Уже после 1945 г. в разных местах планеты произошло множество вооруженных конфликтов, в которых участвовали в том числе и крупнейшие мировые державы, включая США, Великобританию, Францию, СССР/Россию, КНР и Индию. Но всё же это были локальные войны малой и средней интенсивности, а масштабных столкновений с миллионными жертвами<sup>39</sup>, несмотря на возникновение нескольких критических ситуаций (Карибский кризис и ряд др.) миру удавалось избегать. Во многих же конфликтных ситуациях задачи вооруженных сил ограничивались так называемым проецированием мощи, символическими демонстрациями, «прощупыванием» противника и его сдерживанием.

Как нам представляется, при всём непреходящем значении вооруженной силы как инструмента политики, её функции на протяжении нескольких десятилетий трансформировались. Если исключить из рассмотрения экстремальные случаи, когда эскалация конфликта между политически оформленными социальными сообществами – и в том числе государствами – принимает форму неконтролируемого режима с обострением, вооруженная сила, при всем своем неоспоримо громадном значении, всё больше превращалась в силу преимущественно *поддерживающую*,

---

<sup>39</sup> Мы говорим здесь о чисто военных потерях и не затрагиваем случаи массовых этнических чисток, которые обычно связаны с военными действиями, но сами по себе имеют иную природу.

обеспечивающую действие какого-то другого инструмента *непринудительного* воздействия – некоего «фактора Икс», активизация и использование которого не создает экзистенциальных рисков и не вызывает того взаимного отчуждения, неприязни, ненависти между «Мы» и «Они», которая является неизбежным следствием любой войны, да и всяких других вредоносных действий вообще. В итоге политический опыт всё чаще подводил политических деятелей и экспертов к мысли о том, что, пробуждая к себе доверие и симпатию, можно добиться большего, чем угрозами и давлением. В этой ситуации и возникла потребность теоретически отрефлексировать упомянутый нами выше гипотетический «фактор Икс», выделив его в качестве отдельного предмета исследования.

В 1990 г., откликаясь на данный запрос, один из основоположников неолиберального подхода к теории международной политики и по совместительству высокопоставленный чиновник американских внешнеполитических ведомств Дж. Най предложил ввести в оборот особое терминологическое обозначение – «мягкая» сила (*soft power*). Он же разработал и первую теорию, давшую «мягкой» силе системную аналитическую трактовку. Американский ученый определил данный фактор как некую способность, благодаря которой можно «получить то, что вы хотите получить, через привлечение, а не через подавление или некие «проплаты»<sup>40</sup>. При этом взаимодействие политических субъектов понимается как бы по аналогии с физическим взаимодействием тел – и то, и другое есть приложение силы. Но в политике сила может иметь разное качество, и в этой связи Най разграничил «жесткую» и «мягкую» силы. Первая из них предполагает те или иные формы прямого или косвенного принуждения (военное вторжение, дестабилизирующие операции, блокирование снабжения необходимыми для подвергающегося давлению субъекта ресурсами жизнеобеспечения и т.п.), вторая же не принуждает, а «притягивает», побуждает и убеждает; она не закрывает возможностей выбора, но подталкивает

---

<sup>40</sup> Най Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. С. 18.

контрагента к мысли о том, что какой-то устраивающий обладателя «мягкой» силы вариант является наилучшим и для него.

Инструменты «мягкой» силы – это слова, нарративы, образы, а также их сочетания, передающие значимые для человека смыслы. Поэтому в технологическом плане использование «мягкой» силы надо понимать как целенаправленное создание определенных смыслов и их трансляция. Для характеристики психологического механизма «мягких» влияний Дж. Най предложил очень красноречивую и выразительную метафору – «власть соблазнения». Поэтому и технологии «мягкой» силы можно было бы обобщенно охарактеризовать как технологии, использующие эффект соблазнения. Главными субъектами «жесткой» силы, по его мнению, являются государства и квазигосударственные образования (например, повстанческие движения, контролирующие некоторую территорию и создавшие там определенные административные структуры); обладатели же «мягкой» силы типологически разнообразнее: наряду с государством и государственными учреждениями, это могут быть также различные неправительственные организации, группы активистов, интеллектуальные клубы, СМИ, экспертно-консультативные структуры, виртуальные сообщества, учебные и научные учреждения, фонды, крупные корпорации и, наконец, отдельные личности, способные привлекать к себе внимание как широкой общественности, так и отдельных располагающих властью или влиянием индивидов. Данная точка зрения очень быстро приобрела значительную популярность и фактически стала, если можно так выразиться, «парадигмообразующей».

Новым словом в политологии было то, что Най стал рассматривать «мягкие» влияния не как вспомогательное средство, а как самостоятельную и целостную стратегию. В современных условиях, когда политические среды приобрели принципиально новое качество *взаимосвязанной сложности* (а это значит, что любое воздействие рефлексивно отражается и на самом воздействующем субъекте), такая стратегия выдвигается на первый план. И ныне значительная часть арсенала инструментов и способов эффективного политического воздействия – это те, которые могут быть отнесены к «мягкой» силе. Концепция «мягкой» силы (или «мягкой» власти – *soft power*, слово «power» в данном контексте может быть переведено и

как «сила», и как «власть») стала, по существу, первой специальной теорией политического влияния. В общем-то «мягкая» сила («мягкая» власть), в отличие от «жесткой власти» или даже «просто власти» (без конкретизирующего прилагательного), это, собственно, и есть влияние – правда, лишь в одной своей ипостаси. «Мягкая» сила – это всегда сила влияния, хотя политическое влияние не всегда осуществляется в формах «мягкой» силы (см. рис.).

**Рис 1. Соотношение понятий «влияние», «политическое влияние», мягкая сила»**



Возникает вопрос: как «мягкая» сила соотносится с таким хорошо известным явлением, как пропаганда? На этот счет высказывались разные точки зрения. Есть тенденция к сближению или даже отождествлению «мягкой» силы с пропагандой, но есть и точка зрения, согласно которой это совершенно разные, в известном смысле даже противоположные друг другу, явления. Критерии различия между ними усматривают, например, в том, что «мягкая» сила – это как бы привлекательность сама по себе, тогда как пропаганда требует какого-то информационно-психологического нажима, она навязчива, склонна к дезинформации и манипулированию<sup>41</sup>. На наш взгляд, попытку противопоставления пропаганды и «мягкой» силы можно упрекнуть в субъективизме. С одной стороны, опыт массового общества и

<sup>41</sup> Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-университета. 2017. № 3 (54).

массовой культуры XX века убеждает нас в том, что все на свете нуждается в рекламе. Реклама же не может не использовать приемов «проникновения в сознание», включая и довольно агрессивные. С другой стороны, даже робкие попытки донести до кого-то самую простую истину могут показаться навязчивыми, особенно если не хочется эту истину принимать. Мы предложили бы провести смысловую грань между пропагандой и «мягкой» силой несколько иначе: первое понятие характеризует интенцию и цель источника пропаганды, тогда как второе – наличие хотя бы некоторого реального воздействия с его стороны (иначе, собственно, незачем было бы говорить о силе). Таким образом, пропаганда становится одним из воплощений «мягкой» силы не иначе, как в случае своей хотя бы некоторой успешности.

Отметим, что в английском языке для обозначения влияния имеется специальное слово – *influence*. Но Най его не использует, а обозначает интересующее его явление как «*power*», и это, на наш взгляд, симптоматично. Можно усматривать в таком словоупотреблении попытку подчеркнуть некую неотвратимость «мягкого» воздействия: мягкое-то мягкое, но все равно «подчиняет». Исходя из этого, полагаем, что, передавая смысловые оттенки введенного американским политологом словоупотребления, можно было бы по-русски употребить выражение «императивное влияние». Отклонить такое влияние теоретически можно, но на практике оно по силе воздействия приближается к власти.

«Мягкая» сила имеет определенную структуру и включает в себя ряд элементов: это располагающий к себе имидж данного политического субъекта, его позитивная репутация (готовность помогать нуждающимся, договороспособность и др.), декларируемые и реально отстаиваемые им политические и социальные ценности, достижения и т.д. В этом же ряду фигурирует способность «устанавливать повестку дня». Для наглядности удобно представить основные характеристики «мягкой» и «жесткой» силы в виде табл. 1<sup>42</sup>.

---

<sup>42</sup> Источник: Най Дж. С. Гибкая власть. С. 34.

**Табл. 1. Соотношение признаков «жесткой» и «мягкой» силы**

Тип силы (power)		
	Жесткая	Мягкая
Спектры поведения	Команда Принуждение; понуждение	Установление целей Привлекательность Кооперация
Наиболее вероятные ресурсы	Сила (принуждение – force) Санкции Проплаты; взятки	Институты; ценности Культура; политика

Позднее профессор Уэслианского университета (США) Дж. Галларотти предложил разделить источники (ресурсы) «мягкой» силы на внешнеполитические и внутривнутриполитические (см. табл. 2)<sup>43</sup>.

**Табл. 2. Источники (ресурсы) «мягкой» силы**

Внешние источники	Внутренние источники
Уважение к международным законам	<u>Культура</u>
Фундаментальная опора на мультилатерализм и избегание чрезмерной односторонности	Провозглашение социального единства Свобода Достаточно широкие возможности
Уважение к международным договорам и обязательствам	Терпимость Привлекательный образ жизни
Готовность жертвовать краткосрочными национальными интересами во имя общего блага	<u>Политика</u> Демократия Конституционализм Либерализм/плюрализм Хорошо функционирующее управление

На базе этой многокомпонентной модели «мягкой» силы были разработаны различные социологические операционализации данного понятия, позволяющие проводить количественные сопоставления градаций «мягкой» силы различных

<sup>43</sup> Источник: Gallarotti G. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used // Journal of Political Power. 2011. Vol. 4. Issue 1.



государств и составлять соответствующие рейтинги<sup>44</sup>. Ссылки на них можно встретить как в научных работах, так и в политологической публицистике. Насколько такие рейтинги методологически корректны, адекватны и объективны, это уже другой вопрос, специально рассматривался в ряде публикаций<sup>45</sup>. Заметим в этой связи, что все разработанные на сегодня рейтинги «мягкой» силы относятся лишь к международным отношениям и не касаются меры привлекательности государства для его собственного населения, что, полагаем, сужает интересующую нас проблему.

Надо сказать, что как в политических, так и в академических кругах к концепции «мягкой» силы на первых порах отнеслись скептически. Благожелательность, симпатия, привлекательность – это, конечно, неплохо; но может ли реалистически мыслящий политик всерьез ставить вопрос о конвертировании всего этого в *реальные* политические преимущества? И как этого добиться, если «не надавить»? Весьма образно эту точку зрения выразил автор целого ряда получивших широкий резонанс работ по политической истории Н. Фергюсон: «мягкая» сила – это просто «бархатная перчатка», под которой скрывается железная рука<sup>46</sup>. В свою очередь известный британо-американский политический аналитик К.С. Грей указывал, что увлечение концепцией «мягкой» силы на практике часто приводит к стратегическим просчетам, поскольку создает искушение применять технологии «мягкой» силы там, где успех достигается только военными средствами или экономическим давлением. Вообще же, «мягкая» сила воздействует в основном на тех, на кого легко воздействовать, тогда как для более трудных миссий необходима более универсальная – военная – сила<sup>47</sup>. Отметим в той же связи и одного из интеллектуальных лидеров американских неоконсерваторов Р. Кагана: сравнивая политические стратегии США и европейских государств, он приходит к выводу, что

---

<sup>44</sup> Галларотти Дж. Как измерять «мягкую силу» в международных отношениях // Полис. 2020. № 1.

<sup>45</sup> См.: Андреев И.А. «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта // Вестник Института социологии РАН. 2020. Т. 11. № 3. С. 143 – 154; Песцов С.К., Бобыло А.М. «Мягкая сила в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34).

<sup>46</sup> Ferguson N. Colossus: The Price of America's Empire. New York: Penguin Press, 2004. P. 24.

<sup>47</sup> Gray C.S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in 21<sup>st</sup> Century. Strategic Studies Institute: US Army War College, 2011. P. 52.

ставка преимущественно на инструменты «мягкой» силы является отражением военной слабости и дефицита политической воли<sup>48</sup>.

Возражая против концепта «мягкой» силы, представители академической политической науки указывают на то, что в нем, в сущности говоря, нет ничего нового (поскольку «мягкие» влияния в политике существуют столько же времени, сколько существует сама политика), а с другой стороны, на то, что этот термин является слишком многозначным, не имеющим четких смысловых очертаний, а его автор нередко грешит смешением различных понятий<sup>49</sup>. В принципе многообразные погрешности в логике рассуждений Дж. Найа очень подробно разбираются в научной литературе, и нам кажется излишним далее на этом останавливаться. Но хотели бы кое-что добавить к этой критике. Весомые аргументы против разделения и противопоставления «мягкой» и «жесткой» силы предоставляют события самого последнего времени, а также новейшие практики «гибридных операций», многие черты которых в то время, когда Дж. Най начал разрабатывать свою теорию, в полной мере еще не проявились. Так, если бы крымчане в массе своей не симпатизировали России, возвращение полуострова «в родную гавань» едва ли было бы возможным. Но ведь и без «вежливых людей», присутствие которых блокировало планы подавления Крыма, это возвращение также могло не состояться! Или возьмем ещё один показательный контрпример: направляемую западными спортивными и околоспортивными кругами «допинговая» кампанию по дискредитации российских спортсменов, а посредством этого и самой России? В ней не задействованы ни армейские подразделения, ни ЧВК, ни прямые экономические санкции. Однако и к примерам «обольщения», в смысле Дж. Найа, эту кампанию тоже не отнесешь. А вот в качестве технологии дезавуирования «мягкой» силы России в части ее спортивных успехов она была вполне функциональной и, видимо, достаточно эффективной. Таким образом, «мягкой» силе могут противопоставляться направленные

---

<sup>48</sup> Kagan R. *Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order*. New York: Alfred A. Knopf, 2003.

<sup>49</sup> См.: Рустамова Л.Р. «Мягкая сила» и публичная дипломатия. – М.: КноРус, 2021; Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятия и подходы // Вестник МГИМО-университета, 2017, № 3 (54). С. 212.

против нее контрсилы, чего Дж. Най в своей концепции не учитывает, и никакого места в своей классификации таким контрсилам не отводит.

При внимательном и углубленном рассмотрении существа проблемы становится ясно, что многие факторы политического влияния в разных контекстах могут выступать в разных модальностях – и как «мягкая», и как «жесткая» сила. Положим, применительно к культуре отождествление с «жесткой» силой выглядит абсурдно. А армия, флот? Сами по себе они, конечно же, являются парадигмальным воплощением «жесткой» силы. Но для кого-то они могут представлять символическую ценность, служить предметом восхищения или даже любования, – а ведь это специфические признаки именно «мягкой» силы. Не можем не привести в этой связи один весьма любопытный и в то же время несколько парадоксальный пример – многочисленные эстетически стилизованные, и притом нередко достаточно привлекательные, воплощения образов Красной Армии в популярных японских аниме и мангах (разумеется, наряду с этим японские художники и режиссеры анимации обращаются и к образам американской мощи, и к своей собственной самурайской традиции, однако одно в данном случае не отменяет другого). Пример этот довольно парадоксален, а с точки зрения тех теоретических представлений, которые обосновывает Дж. Най, он вообще не поддается пониманию. Ведь если русская тема практически постоянно присутствует в японской культуре (к манга и аниме надо бы добавить еще и хорошо известную любовь японцев к классической русской литературе, к русской мелодике и танцевальной пластике), то, стало быть, «мягкая» сила России оказывает на японцев значительное воздействие. И в то же время, согласно данным международных социологических опросов, отчетливо благоприятного мнения о России придерживается лишь значительное меньшинство японцев.

Для того, чтобы объяснить это противоречие, на наш взгляд, надо обратиться к анализу проблем, которые не укладываются в схему, которую предложил Дж. Най. Можно предположить, что в данном случае мы имеем своеобразное противоречие между рациональными оценками и глубинными слоями коллективной психики. На уровне *ratio* население страны Восходящего солнца отчетливо выражает претензии к России – по поводу советской, а позднее российской, политической

системы, разрыва в 1945 г. советско-японского пакта о ненападении, суверенитета над Курильскими островами, проведения специальной военной операции на Украине и др. Симпатии же к своей северной соседке в ходе международных опросов в феврале 2020 г. выражало не более четверти японцев, а в конце весны – начале лета 2023 г. всего 5%<sup>50</sup>. Но это *артикулированные*, пропущенные через сознание мнения. На глубинном же уровне, как можно заключить из приведенных примеров, может действовать своего рода подсознательное притяжение ментальностей. Разумеется, это лишь гипотеза, которая нуждается в подтверждении с использованием специализированных методов глубинного зондирования. Такого рода задача, безусловно, выходит рамки нашей диссертации. Однако хотелось бы отметить, что Дж. Най такой проблемы просто не видит и те элементы «мягкой» силы, которые находятся ниже порога сознания, для него как бы не существуют. Поэтому и задача их изучения, а также соответствующая исследовательская программа, на базе его концепции просто не могут быть сформулированы.

Отметим, что в публикациях как самого Дж. Ная, так и других откликнувшихся на его работы авторов, «мягкая» сила понимается как безусловно позитивное качество, дающее ее обладателю некие ключевые преимущества. В целом это действительно так, но все же данный вопрос не столь однозначен, как может показаться. В нем есть своя диалектика, ибо «мягкая» сила может быть не только благом, но, в известном смысле, и бременем. Например, такие факторы «мягкой» силы Западной Европы, как комфорт и благосостояние, провоцировали незаконную миграцию и массовый приток беженцев, с чем государствам региона становится всё сложнее справляться<sup>51</sup>.

Трудности, с которыми столкнулась концепция «мягкой» силы в ее первоначальном варианте, стимулировали попытки ее усовершенствования, либо разработки взамен нее каких-то теоретических альтернатив. К примеру, Дж. Маттерн на

---

<sup>50</sup> Pew Research Centre. Russia and Putin receive low ratings globally. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/> (access 13.07.2020); Overall Opinion of Russia. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/10/overall-opinion-of-russia/> (access 24.09.2023).

<sup>51</sup> Алексеева Т.А. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: тезисы XXX Харакского форума 26 – 30 мая 2016 г., г. Ялта. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 16.

базе конструкционистского подхода к политической реальности предложила концепт «репрезентационной силы», которая понимается как способность выстраивать нарративы, задающие представления о мире и о себе (идентичность). При этом «привлекательность» как главный признак «мягкой» силы, которую Най фактически интерпретирует в духе эссенциализма, у Маттерн является не свойством, присущим политическим субъектам самим по себе, а продуктом коммуникативного взаимодействия, в ходе которого она и конструируется. Такое понимание природы «мягкой» силы фиксируется терминологически (вместо подчеркивающего индивидуальное могущество и преобладание слова «power» используется безличное «force»)<sup>52</sup>. Профессор Копенгагенского университета Я. Маннерс развивает и пропагандирует концепцию «нормативной силы» (или иначе, «нормативной власти» - *normative power*) Евросоюза. Ее суть в утверждении, что ЕС вырабатывает универсальное понимание норм, нормального и нормальности, что наиболее ярко иллюстрируется очень широким влиянием европейской инициативы по отмене смертной казни на правовой режим других стран (включая Россию и США)<sup>53</sup>. Упомянем в этой же связи разработанную директором Европейского совета по международным отношениям М. Леонардом концепцию «трансформативной силы», под которой понималась способность побуждать другие страны к проведению либеральных реформ, способных, по его мнению, вывести современный мир за пределы кровавой истории национализма и империалистических захватов<sup>54</sup>. Как надеялся автор концепции, воплощением такой привлекательной для всех перспективы призван стать Евросоюз, однако последние события (вступление Финляндии в НАТО и др.) заставили его признать, что эта надежда не сбывается, что негативно отразилось на имидже Европы в глазах остального мира<sup>55</sup>.

---

<sup>52</sup> См.: Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium: Journal of International Studies*. 2005. Vol. № 3.

<sup>53</sup> Manners I. Normative Power Approach to European Union External Action // *The External Action of the European Union: Concepts, Approaches, Theories* / Ed. by Sieglinde Gstöhl, Simon Schunz. - London, N.Y., Dublin: Bloombury Publishers, 2021; Manners I. Normative Power Europe: Contradiction in Terms? // *Journal of Common Market Studies*, 2002. Vol. 40. № 2.

<sup>54</sup> Leonard M. *Why Europe will Run the 21st Century*. L.: Fourth Estate, 2005.

<sup>55</sup> Leonard M. Europe's Soft Power Problem // Project Syndicat, May 4, 2022. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/europe-soft-power-problem-by-mark-leonard-2022-05?barrier=accesspaylog> (access 1.05.2023)

Под влиянием критики, Дж. Най и сам счел необходимым скорректировать свои взгляды. Прежде всего он попытался соединить «мягкое» и «жесткое» воздействия в комплексной, многосторонней стратегии, суть которой должна быть выражена новым интегральным понятием «умная сила», выразившим возможность гибкого сочетания и оптимального комбинирования разнотипных воздействий, их чередования применительно к особенностям ситуации. Это понятие впервые появилось в докладе, который в 2007 г. был подготовлен Дж. Наем и бывшим зам. госсекретаря США Дж. Армитиджем для Американского центра стратегических и международных исследований. Доклад имел критическую направленность по отношению к действиям Дж. Буша-младшего, предпринявшего военное вторжение в Ирак и, в сущности говоря, представлял альтернативу его ближневосточному курсу. Но, разумеется, при этом Най и Армитидж вовсе не отступали от догматов американской исключительности, а лишь стремились к совершенствованию инструментов глобального доминирования США.

Новые идеи видных американских политических теоретиков принесли им определенные дивиденды. Некоторые из этих идей были использованы деятелями американской администрации. В частности, понятием «умной силы» охотно пользовалась Х. Клинтон, в бытность ее госсекретарем США. Надо, однако, отметить, что это понятие так и не смогло вытеснить старый термин «мягкая сила», несмотря на то что в ходе дискуссий было указано на неполное соответствие последнего реальным практикам влияния. И это вполне объяснимо: выражение «умная сила» мало что добавляет к нарративам политики и политической науки, выступая по сути дела синонимом таких понятий, как «разумная политика» или «взвешенная политика». К тому же в своих практических приложениях оно оказалось весьма размытым и местами фактически сливалось все с той же «мягкой силой».

В дальнейшем, в книге «Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век» (2011), Дж. Най вновь обращается к концепции «мягкой» силы и обобщает ее с учетом сделанных против нее возражений. На её страницах разбираются всевозможные пограничные, переходные и комбинированные случаи политических воздействий, когда «мягкие» и «жесткие» силы как бы переплетаются и

переходят друг в друга: так, например, когда одна страна оказывает другой военную помощь, она фактически предоставляет в распоряжение другой стороны часть своей «жесткой» силы; однако во многих политических контекстах такая передача имеет еще и важное символическое значение как акт дружбы и демонстрация поддержки, призванные вызвать у получателя помощи чувство доверия и признательности. С этой точки зрения Дж. Най полемизировал и с теми своими оппонентами, которые сочли, что начало специальной военной операции Российской Федерации на Украине дезавуировало его концепцию, по которой «мягкая» сила является наиболее предпочтительным инструментом достижения политических целей<sup>56</sup>.

В методологическом плане Дж. Най в конце концов согласился с необходимостью более четкого различения между понятием силы как *ресурса*, который может измеряться и оцениваться в количественных показателях (численность населения, объемы инвестиций, золотовалютные резервы, ВВП, количество ракет, самолетов, дивизий и проч.), и силы как особого *отношения* между политическими субъектами, характеризуемого тем, что один из них способен воздействовать на ментальные установки и поведение другого в желательном для себя направлении. И действительно, наличие ресурсов как таковых еще не дает 100-процентной гарантии того, что их обладатель сумеет трансформировать данный потенциал в эффективное воздействие; помешать этому могут самые разные обстоятельства, начиная от ошибок в расчетах и неумелых действий до каких-либо непредвиденных природных катаклизмов. Надо признать справедливым и отказ американского теоретика от чисто субстанциональной трактовки «мягкой» и «жесткой» силы (соотнесением первой лишь с идеальными, духовными, а второй с материальными ресурсами) и обоснование контекстно-функционального критерия их различения. Однако следствием принятия этих в принципе правильных посылок стало то, что понятие «мягкой» силы у него фактически распалось надвое: «мягкая» сила как определенный тип политического поведения и «мягкая» сила как особая разновидность силы как таковой. А затем начинается классический процесс стихийного

---

<sup>56</sup> Nye J. Soft Power after Ukraine // Project Syndicate, May 3, 2022. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/soft-power-after-russia-war-in-ukraine-by-joseph-s-nye-2022-05?barrier=accesspaylog> (access 1.05.2023).

умножения сущностей: пытаюсь расклассифицировать разрастающееся многообразие форм политического воздействия, включая его новейшие, буквально на наших глазах возникшие модальности, Дж. Най пополняет категориальный аппарат своей теории новыми понятиями, обозначающими разного рода «силы»: наряду с ранее предложенным им выражением «умная сила» это еще и «киберсила», «морская сила», а позднее (в статьях конца 2010-х гг.) также еще и «острая сила».

При этом, однако, возникает парадокс: он состоит в том, что «жесткая» сила, как одна из первоначальных базовых категорий, из новой классификации политических сил без всяких объяснений исчезает. Но если нет «жесткой» силы, то ведь, в сущности говоря, пропадает смысл говорить и о «мягкой». Не получилось ли в итоге так, что попытки Дж. Най усовершенствовать концепцию «мягкой» силы в конце концов аннулировало эту концепцию? Очевидно, идти дальше в том направлении, которое намечено в последних работах Дж. Най (да и ряда других участников дискуссии о типах «политических сил») мало продуктивно, этот путь, по-видимому, не даст более ничего, кроме усложненных и запутанных схоластических схем. Тем не менее, на наш взгляд, стоило бы отвлечься от логического перфекционизма с его бесконечной шлифовкой терминологии и обратить внимание на практическую политику, где понятие «мягкой» силы, несмотря ни на что, по-прежнему в ходу. Здесь введенная Дж. Наем терминология востребована, и можно сказать, что предложенное им концептуальное разграничение при всем его схематизме, неполноте и расплывчатости достаточно функционально. Ведь когда мы занимаемся не «политикой вообще», а разбором конкретных политических ситуаций, где актуальны оперативные оценки событий и тенденций, редко возникает задача логически безупречной классификации. И в этом случае оппозиция «мягкой» и «жесткой» силы, несмотря на ее недостаточную концептуальную строгость, представляет собой интуитивно понятную, удобную для выражения определенных реально существующих различий метафору и потому широко используется на практике.

Подводя итог данному параграфу, отметим, что концепт «мягкая сила» сложился в ходе теоретического осмысления реальных процессов, происходивших в сфере политических взаимодействий, особенно усилившихся в период после



Второй мировой войны. Введение данного концепта в систему теоретических понятий политической науки (Дж. Най, 1990) позволило рассматривать «мягкую» силу не как вспомогательный инструмент, а как стратегически значимый фактор современной политики. Для понимания природы этого фактора в нашей работе предложено провести более чёткое смысловое разграничение между некоторыми фундаментальными понятиями политической теории, в частности – между понятиями «власть» и «влияние». Различие между ними в том, что власть может осуществляться только в рамках институциональной иерархической структуры, тогда как влияние этим условием не ограничено. Соответственно, в концептуальном плане «мягкая» сила должна рассматриваться как специфическая форма политического влияния. В результате анализа содержания и хода дискуссий по проблематике «мягкой» силы, вектор которых был задан в основном публикациями Дж. Ная, диссертант приходит к постановке исследовательской задачи на разработку новых подходов к проблематике «мягкой» силы, альтернативных воспринимаемой пока в качестве парадигмальной концепции Дж. Ная.

## **1.2. «Мягкая» сила в контексте многообразия политического опыта**

Утверждая за США роль «главного действующего лица» как мировой политики, так и новейшей истории человечества, Дж. Най все же признал, что «мягкой» силой в известной мере наделены и другие институциональные политические акторы, в том числе и другие государства. В некоторых своих работах он приводит такого рода примеры (Япония, Китай, СССР), хотя и без детального обсуждения – если можно так выразиться, в формате «et cetera». В общем и целом, они фигурируют в рассуждениях американского политолога лишь как фон, на котором раскрываются преимущества главного глобального лидера – США. Мы же считали бы необходимым внести в этот общий ряд элемент типологизации, что позволило бы рассматривать феномен «мягкой» силы более конкретно и более дифференцированно, чем это можно сделать в рамках представлений, которых придерживается Най. Возьмем хотя бы такую повсеместно уважаемую страну, как Швейцария и сопоставим ее с США. В регулярно составляемом авторитетным исследовательским

агентством Portland Communications мировом рейтинге «мягкой» силы она, начиная с 2015 г., стабильно занимает места в первой десятке, лишь немного уступая США. Но надо ведь учитывать не только баллы рейтинга, но и то, что «мягкая» сила двух названных стран построена на совершенно разной основе. Дело не только в различии масштабов, позволяющих Соединенным Штатам добиваться резонансных успехов в таких областях, которые недоступны для отнюдь не бедной, но сравнительно небольшой Швейцарии (авиастроение, освоение космоса, атомная энергетика и др.). В отличие от США, Швейцария не пытается претендовать на роль «лидера прогресса», не рвется на первые роли, не пытается навязывать кому-либо свою идеологическую программу или повестку дня. Страна «набирает очки», подавая пример завидно высокого благосостояния (душевой ВВП в Швейцарии в 1,3 – 1,4 раза выше, чем в США), благоустроенности, деловой солидности и стабильности в сочетании с позицией нейтралитета, невмешательства и неучастия в конфликтах, что позволяет ей специализироваться на оказании чрезвычайно востребованных в мировой политике добрых услуг. Такие услуги, в которых в равной степени заинтересованы конкурирующие за доминирующее положение участники мировых процессов, высоко ценятся всеми сторонами, что снискало предоставляющей их Альпийской республике всеобщее доверие, признательность и авторитет в глазах мировой общественности. Не случайно в Женеве, Лозанне, Берне, Базеле и других городах Швейцарии размещены штаб-квартиры множества международных организаций. Эти города охотно выбирают в качестве площадок для проведения сложных, конфликтных международных переговоров, и нередко, когда страны разрывают дипломатические отношения, их правительства обращаются с просьбой взять на себя представительство их интересов именно к швейцарским властям<sup>57</sup>. Политическое влияние Вашингтона ориентировано на реализацию некоего патронируемого им глобального проекта – создание основанной на принципах капиталистической рыночной экономики и либеральной демократии глобальной мировой

---

<sup>57</sup> См.: Файетта М. «Мягкая сила» Швейцарии: равный диалог с мировыми державами и малыми нациями. СПб: СПбГУ, 2016.

системы во главе с США. По сути дела, речь идет о формировании венчающей человеческую историю унифицированной либеральной цивилизации (в духе Фукуямы). Швейцария же не ставит мессианских целей; она сосредоточена на обеспечении привлекательных условий посредничества между геополитическими игроками. Очевидно, что это принципиально разные виды влияния, разные типы «мягкой» силы. Такие различия, на наш взгляд, полезно было бы закрепить терминологически: в первом случае это «мягкая» сила *проектного* типа, а во втором случае – *посреднического* типа.

Хотя приведенные нами примеры этих типов являются, возможно, наиболее характерными, США и Швейцария отнюдь не являются единственными их представителями. Очевидно, в частности, что СССР в свое время также располагал значительным потенциалом «мягкой» силы такого же, как у США, «проектного» типа. Швейцарию же можно сравнить, например, с Австрией, которая, будучи такой же нейтральной страной, не менее успешно наращивает свое влияние, выполняя функции приемлемого для всех международного посредника. Фактически Вена – это второй по значению после Швейцарии европейский центр ООН; кроме того, здесь расположена штаб-квартиры ОБСЕ и ряд других международных организаций.

Особого терминологического обозначения, как нам кажется, требует и еще одна специфическая ситуация, когда бывшая метрополия или имперский центр по традиции сохраняет свое остаточное (что далеко не всегда не означает «незначительное») культурное, языковое и экономическое влияние в бывших колониях или получивших от него независимость окраинах. Так, например, Франция и большинство бывших французских колоний до сих пор связаны некими особыми отношениями, их политические, культурные и военные элиты и сегодня во многом ориентированы на Париж, местные вооруженные силы и полицию также курируют преимущественно французские инструкторы. Здесь, кстати, дело не ограничивается «мягкой» силой в чистом виде: в случае возникновения в этих странах каких-то серьезных столкновений «порядок» в них неоднократно наводили именно французские «пара» и подразделения Иностранного легиона (операции в ЦАР, Конго, Сенегале, Мали, Чаде, Кот д'Ивуаре и др.). Однако такое вмешательство было

эффективно именно потому, что верхний социальный слой в перечисленных странах ментально был в значительной степени ориентирован на Францию, ждал, что она выступит в качестве арбитра и «разрулит ситуацию». Соответственно, он в значительной своей части если и не испытывал особого энтузиазма по поводу французских интервенций, то воспринимал их как должное. Для обозначения культурного, интеллектуального и политического влияния бывших метрополий, как нам представляется, было бы довольно естественно пользоваться выражением «мягкая сила инерционного типа». Тот или иной политический субъект может быть в разных пропорциях наделен «мягкой» силой разных типов. Например, та же Австрия сохраняет определенное остаточное культурное и интеллектуальное влияние в странах, бывших когда-то частями империи Габсбургов – в особенности, в Венгрии и Словакии, а также в какой-то степени в Чехии.

Наконец, представляется целесообразным и обоснованным выделить еще один тип «мягкой» силы – *компенсаторный*. Это тот случай, когда один из политических субъектов становится эмоционально притягательным для других по причине обладания какими-то желанными, но дефицитными для них качествами и характеристиками. Скажем, богатая, процветающая, благоустроенная страна может вызывать восхищение у населения и политических элит более бедных стран. Такова, к примеру, природа увлечения части советских граждан заманчивым для них образом Запада, который ассоциировался с потребительским изобилием и более свободным образом жизни. Зачастую можно было наблюдать, как молодые люди представляли себя в своем воображении «людьми оттуда», психологически компенсируя чувство обделенности труднодоступными благами при помощи разнообразных символов, как бы идентифицирующих их с Западным миром (американизированные псевдонимы, специфический сленг, «западный» стиль в одежде и общении, акцентированная демонстрация привезенных из-за границы или добытых в «Березке» вещей, вплоть до таких мелочей как сигареты или пластиковые пакеты).

Попробуем теперь соотнести теоретические размышления Дж. Ная с их базовым контекстом – американскими стратегиями влияния и реальными политическими практиками. Из всех многообразных и порой довольно разнородных

идейных элементов, составляющих американскую политическую традицию, на формирование представлений о «мягкой» силе в наибольшей степени повлияли вильсонский проект либерального мирового порядка<sup>58</sup> и модные в конце 1980-х – начале 1990-х гг. публикации Ф. Фукуямы, провозгласившего либеральную демократию и коррелирующую с ней модель рыночной экономики вершиной и конечным пунктом мировой истории<sup>59</sup>. Дж. Най без каких-либо оговорок и обсуждения принял заложенное в них убеждение в том, что Америка с ее либеральными ценностями, демократией сдержек и противовесов, образом жизни и массовой культурой это – безусловный «лидер прогресса», воплощающий в жизнь универсально значимый вариант мирового развития. Более того, в полемике с теми политологами, которые еще до известных неурядиц и проблем, возникших в американской внутренней и внешней политике в период президентства Трампа, заговорили о закате американской мировой гегемонии, он прямо утверждал, что по потенциалу «мягкой» силы США заведомо превосходят все остальные государства. При такой постановке вопроса анализ инструментов и технологий влияния, которыми располагают другие страны, становится если не излишним, то, по крайней мере, не имеющим самостоятельного значения. Скажем, Ближний Восток, интересует американского аналитика лишь в плане сопротивления, на которое там натолкнулось распространение западных ценностей; но как источник собственного духовно-религиозного влияния исламский мир при этом не рассматривается.

Выделив в качестве основных элементов «мягкой» силы демократию западного типа, общество равных возможностей, систему либеральных ценностей (толерантность, свобода самовыражения, права человека), репутацию гаранта справедливого мирового порядка, и характерный для так называемого информационного общества тип культуры («от Гарварда до Голливуда»), Дж. Най фактически очертил ту область, в которой США с конца 1980-х и примерно до середины 2010-х гг. чувствовали себя вне конкуренции. При этом, однако, были оставлены в стороне

---

<sup>58</sup> См.: Уткин А.И. Вудро Вильсон. М.: Культурная революция, 2010.

<sup>59</sup> См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: АСТ Москва: Полиграфиздат, 2010.

такие мощные факторы влияния на сознание и поведение политических субъектов, как религиозный энтузиазм, сила традиций и исторической памяти, романтика созидания и разрушения, этническое самоутверждение и дух соперничества наций, энергетика политической харизмы, не говоря уже о почти забытой американской политической наукой классовой солидарности. Не исследовал он и социально-психологических механизмов, присущих только что названным феноменам, поскольку «мягкая» сила в его понимании (во многом отражающем представления «среднего» американца) сводится в основном к притягательности комфорта и благосостояния, а также к стандартному набору стереотипных представлений о личной свободе.

Немного упрощая и слегка заостря суть вопроса, можно сказать, что в первых публикациях о «мягкой» силе Соединенные Штаты по сути дела были представлены читателю как сияющий «град на холме», к благодати которого все сколько-нибудь разумные люди, народы и правительства желали бы приобщиться. Получалось, что если американское правительство не допускает серьезных ошибок, то бесспорное преимущество «лидера прогресса» реализуется едва ли не само собой: ведь оно устанавливается одним простым сравнением разных стилей жизни. Значит, стоит только обеспечить свободное распространение информации, и тяготение к США и Западу, стремление быть с ними и стать такими, как они, вытеснит все возможные альтернативы уже в силу естественной очевидности. Такая логика рассуждений навеевна, видимо, впечатлениями от событий конца 1980-х – начала 1990-х гг., особенно от той эйфории, которую демонстрировало население СССР и других стран Восточной Европы по поводу разрушения социалистической системы и присоединения «к цивилизованному человечеству». Найдя вместе со всем американским политическим мейнстримом восприняли это в каком-то метаисторическом и даже, может быть, провиденциальном ракурсе. Но по прошествии не столь уж долгого промежутка времени ход событий показал, что для этого нет достаточных оснований. История отнюдь не закончилась повсеместным утверждением западных ценностей и американоцентричного «мира, основанного на правилах», а то, что произошло в начале 1990-х годов, оказалось лишь отдельным, хотя и важным эпизодом мировой истории.

Самой серьезной неудачей, продемонстрировавшей ограниченность американской «мягкой» силы (равно как и стратегии ее применения), стала быстрая утрата влияния на российское общество, в идеологическую обработку которого в желательном для себя направлении американские правящие круги на протяжении нескольких десятилетий вкладывали очень солидные средства. Эффект от этого был, и накануне распада СССР россияне были настроены по отношению к США не только очень дружелюбно, но, в какой-то мере и восторженно. Окончание «холодной войны», и перспектива присоединения к «цивилизованному миру» во главе с США вызывало у значительной их части настоящую эйфорию. По данным социологических опросов, в 1995 г. около 80% российских граждан воспринимали США вполне позитивно и лишь 9% испытывали по отношению к ним какие-то отрицательные эмоции. Но уже к концу десятилетия ситуация стала меняться, а недавнее очарование развеивалось и уступало место скептицизму. Ожидавшегося многими зарубежными, да и отечественными, экспертами «слома ядра русской культуры»<sup>60</sup> и «перепрограммирования» системы ценностей в соответствии с ориентированной преимущественно на американские образцы «этики успеха» не произошло. Вместо этого уже с конца 1990-х гг. наблюдается обратный процесс возвращения российского социума к собственным «корням», в результате чего его цивилизационная специфика, еще недавно рассматривавшаяся многими как фактор, отделяющий его от «нормального общества», стала вновь осознаваться как ценность. Всего за несколько лет россияне убедились в том, что «искушение» (или, если употребить аутентичный термин *Ная*, «соблазнение») Америкой не подкреплено желанием другой стороны учитывать интересы России и содействовать ее развитию. На этом фоне негативное отношение к США стало быстро усиливаться; к 2001 г. число солидаризировавшихся с таким отношением россиян, уже превысило число проамерикански настроенных граждан. С тех пор перевес антипатий над симпатиями только увеличился, достигая максимума в периоды обострения международной обстановки («пятидневная война» 2008 г., вооруженный конфликт на Донбассе). В

---

<sup>60</sup> Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии, 1992, № 5. С. 3 – 15.

настоящее время доля твёрдых сторонников западных ценностей среди россиян составляет около 7% населения, а вместе с умеренными, соглашающимися принять западные «правила игры» в качестве базовых не превышает 20%<sup>61</sup>. Этот сдвиг настроений конвертировался в изменение внешнеполитического курса России, который становился все более жестким по отношению к США и Западу в целом.

О том, что «мягкая сила» США не является чем-то неотразимым и не так уж редко может давать осечки, говорят и другие относящиеся к тому же периоду примеры. В частности, абсолютно нежелательный для Вашингтона «левый поворот» 1990-х – 2000-х гг. в Латинской Америке (одним из проявлений которого стало выдвижение на авансцену политической жизни и приход к власти таких выступающих за социализм и против американской гегемонии народных лидеров, как У. Чавес и Н. Мадуро в Венесуэле, Э. Моралес в Боливии, Л. Да Силва в Бразилии, Р. Корреа в Эквадоре, К. Карденас и А. Лопес Обрадор в Мексике и др.). И пусть позднее американцы и ориентированные на них силы кое-где взяли реванш, он оказался достаточно ограниченным. Об этом свидетельствует избрание президентом Боливии сторонника отстраненного от власти Э. Моралеса Луиса Арсе (2020), а президентом Чили марксиста Г. Борича (2021). В 2022 г. после некоторого перерыва на пост президента Бразилии вернулся Л. Да Силва (2022). Наблюдается уход из-под влияния США и других стран, например, такого их многолетнего союзника, как Пакистан<sup>62</sup> (который к тому же присоединился к российско-китайскому политическому проекту ШОС), а в значительной мере также и Турции<sup>63</sup>. Внятного объяснения этим фактам и событиям автор концепта «мягкой» силы не дал, и надо сказать, что, исходя из его теории, даже в последней, усовершенствованной, ее версии, дать их действительно нелегко. Дж. Най допускает возможные сбои в использовании «мягкой» силы США, выставляя в качестве их главной причины непоследовательность их президентов, которые часто перебивают ее воздействие недостаточно продуманным использованием «жестких» силовых методов. Однако такого рода доводы

---

<sup>61</sup> Российское общество и вызовы времени. Книга шестая. М.: Весь мир, 2022. С. 205.

<sup>62</sup> Волхонский Б.М. Американо-пакистанские отношения при правительстве Наваза Шарифа // Проблемы национальной стратегии, 2015, № 1 (28). С. 40 – 5

<sup>63</sup> Hannah J. How Do You Solve a Problem Like Erdogan? // Foreign Policy. 2016, June 15.



недостаточны, поскольку они могут объяснить лишь единичные «проколы», но отнюдь не тенденции.

Поэтому нельзя не согласиться с теми, кто видит самое слабое место Дж. Ная и его последователей в том, что они как бы «перепрыгивают» от ресурсов «мягкой» силы прямо к результатам и не показывают трансформацию первого во второе<sup>64</sup>. «Перепрыгивают», собственно говоря, потому, что просто не видят здесь какой-то принципиальных сложностей: ведь если Америка – это «лидер прогресса» (или последняя, самая лучшая надежда всей Земли – как, ссылаясь на слова А. Линкольна, патетически утверждает в книге бывшего вице-президента США Р. Чейни, написанной в соавторстве с его дочерью Лиз)<sup>65</sup>, то она должна привлекать на свою сторону умы и сердца людей уже самой демонстрацией своего наличного бытия.

Объективно, как мы видели, это отнюдь не так: выше уже приводились примеры, которые с подобным взглядом не согласуются. Но дело не просто в наличии опровергающих фактов как таковых: в конце концов с ними в какой-то момент может столкнуться любая самая «хорошая» теория. В логико-методологическом плане гораздо важнее «позиция наблюдателя», с которой рассматривается та или иная проблема. Как уже отмечалось, концепция, которую выдвинул Дж. Най, представляет собой осмысление и рационализацию американского политического опыта. К этому надо добавить: человеком, включенным в американскую государственную систему и занимавшим в ней не последнее место. Соответственно, его представления о способах и формах политического влияния следует рассматривать в том числе и как специфическое преломление ментальности американского истеблишмента (а в какой-то мере и американского общества в целом) о самих себе и окружающем мире, включая заложенные в этой ментальности претензии и амбиции. Можно в принципе согласиться с мнением тех исследователей, которые утверждают, что Най описывает специфически американский способ поддерживать

---

<sup>64</sup> См., например: Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 157.

<sup>65</sup> Cheney R. B., Cheney E.L. *Exceptional: Why the World Needs a Powerful America*. N.Y., L., Toronto, Sydney, N. Delhi: Threshold Editions. 2015. P. 257.

статус великой державы<sup>66</sup>. В лучшем случае его теория содержит элементы описания, относящиеся к некоторым сторонам функционирования «мягкой» силы, но не описывает этот феномен в целом. А если так, то, строго говоря, *нет достаточных оснований для того, чтобы признать за ней эпистемологический статус научной теории, ибо такая теория обязательно должна содержать в себе развернутую дескриптивную часть*. На самом деле Дж. Най разработал не научную теорию, а специфическую идеологическую репрезентацию американского политического влияния, обосновывающую не только его действенность, неотразимость и легитимность, но и его, если можно так выразиться, парадигмальный характер: «мягкая» сила, по мнению Най, в общем и целом, должна соответствовать параметрам американского образца. Все же другие конфигурации факторов влияния, даже если они напоминают «мягкую» силу или претендуют на такое определение, являются «неправильными», требующими какого-то иного наименования явлениями: именно в таком ключе Най рассуждает, к примеру, о «мягкой» силе КНР и России<sup>67</sup>.

Но в этой связи закономерно возникают вопросы: действительно ли «мягкую» силу правомерно рассматривать как некое *сущностное свойство* избранных политических субъектов (прежде всего США) или же она может приобретаться любыми политическими субъектами в ходе определенных *процессов*, которые как и все вообще происходящие в обществе процессы, имеет социально-историческую природу и кристаллизуются в определенных институциональных формах и политических практиках, характер которых определяется условиями, обстоятельствами и традициями данного конкретного общества и его политическим самоопределением? И, далее: обязательно ли понимать «мягкую силу» *именно по Найю*, возможны ли *альтернативные подходы* к этой обозначенной им теме? На наш взгляд, не только возможны, но и необходимы. И для понимания того, как возникает и как проявляет себя «мягкая сила», нужно задать совершенно иной ракурс анализа, представив «мягкую» силу в виде своего рода «переменной», динамика которой

---

<sup>66</sup> Никитина Ю.А. Российский подход к продвижению «мягкой силы» во внешней политике // Вестник МГИМО-университета. 2014. № 2 (35). С. 31.

<sup>67</sup> Nye J. China's Soft and Sharp Power // Project Syndicate, Jan 4, 2018.

зависит не только от колебаний политической конъюнктуры, но и от тех процессов, которые принято называть ходом истории. Попытаемся реализовать это методологическое задание в следующих главах, где будут рассмотрены процессы становления и эволюции «мягкой» силы ведущих государств современного глобального мира – США, КНР и России.

Таким образом, решая поставленную в предыдущем параграфе исследовательскую задачу на разработку нового понимания «мягкой» силы, мы выявили принципиально американоцентричный характер концепции «мягкой» силы Дж. Ная и её модификаций. Однако, как это было показано, американская модель «мягкой» силы не может трактоваться как универсальная. В противовес такой трактовке была обоснована идея многовариантности моделей «мягкой» силы, а также разработана обобщённая типология моделей «мягкой» силы (проектный, посреднический, инерционный и компенсаторный типы).

## Глава 2. АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ «МЯГКОЙ» СИЛЫ: ИМИДЖЕВАЯ ОСНОВА, ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ ВЛИЯНИЯ

### 2.1. «Мягкая» сила в формате «американской мечты»

Если рассматривать формирование и наращивание «мягкой» силы как исторический процесс, то логично было бы утверждать, что он начинается с выделения этого субъекта из нейтрального фона в результате чего он становится предметом устойчивого интереса. Причем речь должна идти об особом рода интересе, сопряженном с сочувственным отношением, с *эмоционально переживаемой эмпатией*. Такое отношение к Америке начало складываться еще в первой половине XIX в. в поле философско-эстетических идей и образной системы переживавшего свой расцвет романтизма, включая специфически американский его вариант (Ф. Купер, Р.У. Эмерсон, Н. Хоторн, Г. Мелвилл, Г. Торо, У. Уитмен, Г. Лонгфелло и др.). На этой основе начинает формироваться притягательный образ Америки – молодой, полной неистраченных сил свободной страны, где «все только начинается»<sup>68</sup> и где самодостаточные, не зависящие ни от государства, ни от каких-нибудь местных господ индивиды могут вести простую и естественную жизнь в единстве и гармонии с первозданной природой. Сами законы и общественные институты юной Америки должны соответствовать величю ее природы. Дополнительные краски этому образу добавляло восхищение присущей свободным американцам жизненной стойкостью, предприимчивостью, изобретательностью, а также, не в последнюю очередь, и присущим им эгалитаризмом, столь непривычным для сословных европейских обществ. В этот период образ Америки, ее «мягкая» сила носили сильно выраженный компенсаторный характер: в романтическом сознании она представляла как идеальная противоположность феодально-монархической Европы.

На фоне все явственнее обозначавшегося упадка старой европейской аристократии и начавшегося становления массовых обществ внимание европейской общественной мысли привлекает и политический опыт Америки. Многие видели в ней прообраз того будущего, к которому в конце концов придет и Старый Свет.

---

<sup>68</sup> Эмерсон Р.У. Молодой американец // Эстетика американского романтизма. М.: Искусство, 1977. С. 286.

Вышедшая в 1835 г. книга А. де Токвиля «Демократия в Америке» сразу же стала интеллектуальным бестселлером (к примеру, в России она произвела сильное впечатление на А.С. Пушкина, откликнувшегося на нее в статье «Джон Теннер» и в переписке с Чаадаевым). Что характерно: Токвиль, убежденный, что на смену старым формам правления неизбежно идет именно демократия, видел в Америке не «просто Америку», а «образ самой демократии»<sup>69</sup> как таковой. Но еще лет за 30 до выхода в свет его книги российский император Александр I в переписке с президентом Т. Джефферсоном выражал интерес к американскому политическому опыту и государственному устройству, а конституционные проекты декабристов несут на себе отпечаток влияния конституций американских штатов<sup>70</sup>.

Под влиянием стремительной индустриализации, прокладки железных дорог и масштабной урбанизации, сопровождающейся быстрым накоплением капиталов именно в городах, пространство почти не тронутой цивилизацией Америки критическим образом сужалось. И первоначальная идиллически руссоистская тональность образа Америки, выдержанного в стиле Эмерсона, Мелвилла, Торо, уступала место агрессивной романтике фронта и освоения новых, ранее недоступных для белого человека, пространств в стиле Брет Гарта и раннего Джека Лондона. Эта своеобразная неоромантическая линия, которая в значительной степени тоже носила компенсаторный характер, тесно переплеталась с мотивами быстрого обогащения и конвертирования жизненного подвига «сильных парней» в личный успех, предполагавший награду в виде богатства (что, впрочем, не исключало нравственной критики выдвигающихся на авансцену американской жизни дельцов). Создавался образ «страны возможностей», где любой человек, наделенный волей и практической сметкой, не боящийся риска и способный смело идти навстречу трудностям и опасностям, может достигнуть очень многого, во всяком случае – значительно больше, чем в Старом свете. При этом, в отличие от «старушки Европы»,

---

<sup>69</sup> Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 33.

<sup>70</sup> Плеханов С.М. Естественное сообщество интересов и симпатий: Россия и Америка в XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. 2021. № 1 (21). С. 77 – 106; Ушаков В.А. Политико-государственное устройство США: восприятие в Российской империи // Клио. 2014. № 10 (94). С. 47 – 51.

происхождение и социальный капитал семьи не имеют большого значения – в Америке все определяют только личные усилия и способности. На этой основе впоследствии вырос всемирно известный социальный миф, получивший впоследствии выразительное название – «американская мечта» и привлекая в Америку миллионы мигрантов, своим трудом и талантами заложившими фундамент благосостояния этой страны. Придумавший это яркое словосочетание историк-любитель и публицист Дж. Т. Адамс определял «американскую мечту» как такое понимание свободы, при котором каждый человек, освобожденный от социальных ограничений, созданных с целью обеспечения классовых привилегий, может полностью развить и реализовать свои природные способности, заняв соответствующее им положение в обществе. Сам Адамс специально оговаривал, что речь идет не просто о материальном благосостоянии, а о личностной самореализации и ее адекватном общественном признании<sup>71</sup>. Но вряд ли эти социально-этические рассуждения имели какое-то особое значение для тех миллионов мигрантов, о которых он упоминал. Реально же «американская мечта» в ее массовом воплощении имела намного более приземленный, но вместе с тем и общепонятный и, если можно так выразиться, непосредственно притягательный смысл: она означала более комфортные бытовые условия, более высокий уровень жизни, возможность разбогатеть. Понятно, что основную массу увлеченных этой мечтой эмигрантов составляли люди, страдающие на родине от бедности и притеснений. Но, заметим, далеко не только они одни. Вот лишь один характерный пример: великий князь Александр Михайлович, друг детства Николая II, а впоследствии адмирал и один из создателей российской авиации, называет Америку, которую он посетил в 1893 г., страной юношеских мечтаний<sup>72</sup>; в своих воспоминаниях он пишет, что ощутил здесь зарождение новой эпохи, а это стимулировало его размышления о путях развития России.

С точки зрения внутреннего состояния американского общества и американской политической жизни «американская мечта» имела консолидирующее

---

<sup>71</sup> Adams J.T. The Epic of America. Boston: Little, Brown & Co, 1931. P. 405.

<sup>72</sup> Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. М.: АСТ, СПб: Полигон, 2009. Гл. 7.

значение и надолго стала одним из основных смысловых элементов американской идентичности. В сформированном на основе этой мечты образе Америки надо видеть и важный фактор гражданской лояльности населения США. В то же время она стимулировала активную миграцию в Соединенные Штаты; сюда устремлялись наиболее активные, энергичные, одаренные и изобретательные, что вело к быстрому наращиванию «человеческого капитала» и стремительному прогрессу.

Кратко формулируя итог данного параграфа, можно сказать следующее. «Мягкая» сила Америки представляет собой продукт длительного процесса; разные ее компоненты формировались в разное время, причем она отнюдь не всегда была той силой отчетливо выраженного проектного типа, какой мы ее знаем сегодня. Начальный этап этого процесса Америки пришёлся на эпоху романтизма, и в романтическом сознании она представала как молодая, полная нерастраченных сил свободная страна, где самодостаточные, не зависящие ни от государства, ни от каких-нибудь местных господ индивиды могут вести простую и естественную жизнь в единстве и гармонии с первозданной природой. К этому образу восходят корни «американской мечты», оказавшей значительное влияние и на русскую интеллектуально-политическую элиту, начиная с А.С. Пушкина и кончая представителями императорской фамилии.

## 2.2. Американизация: идея и практики

Следует отметить, что последнее десятилетие XIX и первое десятилетие XX вв. – это весьма примечательный, а в каком-то смысле даже и поворотный момент в процессе распространения волн американского влияния в мире. Именно в этот период словарь общественно-политической лексики пополняется весьма характерными обобщающими понятиями – «американизм» и «американизация». Появляются они и в русском интеллектуальном обиходе<sup>73</sup>. Введение их в обращение означало то, что речь идет уже не просто об отдельных сторонах и проявлениях американского опыта и американского образа жизни, а о слиянии всех этих частных в

---

<sup>73</sup> См., напр.: Розанов В.В. Американизм и американцы // Новый путь, 1904, № 2. С. 265 – 269.

некоторую интегральную смысловую целостность, которая отныне приобретает парадигмальное значение. Эта парадигма может приниматься или отвергаться, – но в обоих случаях именно *как целостность*. Наглядное и достаточно объективное описание о начальных этапах американизации, сделанное американским же наблюдателем, дает хорошо известная на Западе книга С. Моффета, в которой детально прослеживается, как первоначально доминировавшие в канадском обществе британские традиции и культурные образцы постепенно замещаются новыми, имеющими уже американское происхождение<sup>74</sup>.

С начала XX в. уже можно говорить об американизации как о *программной политической идее*, нацеленной на формирование нового мирового порядка. В таком ключе, к примеру, написана книга известного в то время английского журналиста, общественного деятеля и религиозного утописта У. Стеда «Американизация мира»<sup>75</sup>, которая причислена к классике общественно-политической мысли и до сих пор переиздается в Великобритании и США. Субъективную мотивацию идейных исканий Стеда можно охарактеризовать как альтруистическую и гуманистическую. Им владело стремление найти пути к созданию таких условий, которые исключили бы войны из жизни человечества. Эту тему он обсуждал с Львом Толстым, а также с молодым русским императором Николаем II. Не в пример многим представителям британской элиты, Сед с симпатией относился к России и с осуждением высказывался по поводу русофобии. Но вместе с тем он был убежден в особом божественном предназначении англо-саксонской расы. Англо-саксонским государствам, считал он, надо образовать союз во главе с США, призванный осуществлять политику «ответственного империализма», империализма «с десятью заповедями» – разумеется, на благо всего человечества.

Постепенно семантика «американизм/американизация» стала играть в политическом мышлении американской элиты (а в известной степени и населения в целом) роль своего рода фокусирующего все остальные смыслы ментального

---

<sup>74</sup> Moffett S.E. The Americanization of Canada. Collingwood: Trieste Publishing Pty Ltd, 2017.

<sup>75</sup> Stead W.T. Americanization of the World, or The Trend of the Twentieth Century. L.: Andesite Press, 2017.



оператора. Это вполне логично подталкивало к пониманию американизации как безусловной, имеющей всеобщее значение, цели, порождая вытекающие из такого понимания претензии на роль мирового регулятора и источника «правильных» (эффективных, прогрессивных, морально безупречных и т.п.) образцов. Соответственно «мягкая» сила Америки постепенно меняет свой характер, все более и более приближаясь к проектному типу.

С другой стороны, отношение Америки к своей способности вызывать восхищение само «американизируется» – оно делается более прагматичным и инструментальным. Важной вехой в политической инструментализации американизма как особого рода «манящей» прожективной идентичности, которую Америка стала предлагать всему миру, стало президентство Теодора Рузвельта (1901 – 1909), а вслед за ним – Вудро Вильсона (1913 – 1921). Именно эти два совершенно непохожих по стилю мышления, но одинаково ярких деятеля, вывели государственный корабль Соединенных Штатов из узкой бухты доктрины Монро, ограничивавшей сферу их интересов и влияния Латинской Америкой, на океанский простор глобальной экспансии. И именно они первыми попытались закрепить за США общее руководство мироустройством. Например, добиваясь независимости нынешней Панамы от Колумбии, Т. Рузвельт обосновывал это тем, что действует в интересах всего мира (речь шла о строительстве Панамского канала и контроле над ним). Правда, отнюдь не пренебрегая дипломатией, он все же делал ставку прежде всего на «жесткую» силу, в чем он был солидарен с входившим в круг его общения классиком геополитики и идеологом «морской мощи» Америки А. Мэхэном<sup>76</sup>. Однако еще до своего избрания президентом Т. Рузвельт активно разъяснял и популяризировал идею американизма: любой человек может стать американцем, если примет американскую веру в демократию, добросовестный и напряженный труд, капитализм и эгалитаризм, выучит английский язык и откажется от своей прежней идентичности<sup>77</sup>. Вскоре идея американизма приобрела всемирное звучание. Так, во

---

<sup>76</sup> Уткин А.И. Теодор Рузвельт. М.: ЭКСМО, 2003.

<sup>77</sup> Roosevelt T. True Americanism // The Works of Theodore Roosevelt. In 16 vol. Vol. 1. N.Y. Colliers, p. 31 – 50.

время своей предвыборной поездки в 1910 г. Т. Рузвельт заявил, что Америка представляет собой триумф истинной демократии и длительной борьбы за права человека, а потому ее история и, следовательно, американизм, становятся отныне основой всемирной истории<sup>78</sup>. В. Вильсон в те же годы убеждал своих сограждан в том, что Америка создана для воспитания народов, спящих в истории, и объединения человечество на началах разума и справедливости<sup>79</sup>. Эти идеологемы претворились у него в практические попытки завершить Первую мировую войну реконструкцией международного порядка на американских принципах.

Уже в начале XX в. стало совершенно очевидным то, что США – это не только общество, более других поощряющее личную инициативу и предоставляющее своим гражданам наилучшие по тем временам жизненные шансы; это еще и страна, которая технологически и экономически уверенно обгоняла самые развитые европейские государства. «Технологический энтузиазм» и готовность создавать масштабные производственно-технические структуры становилась частью американской идентичности – не в меньшей мере, чем приверженность демократии и свободному предпринимательству<sup>80</sup>. Так это выглядело и в глазах самих американцев, и в глазах остального мира. В Америке складывались самые передовые для того времени формы финансово-промышленного капитализма, ориентированного на массовое внедрение и быстрое доведение до стадии коммерческого продукта результатов научных исследований и передовых технических достижений, здесь зарождались рациональные, научно обоснованные, методики организации труда и менеджмента («фордизм», «тейлоризм», Хоторнский эксперимент и др.). Это была самая инновационная и самая эффективная индустриальная экономика. В результате стремительно прирастали и объемы национального богатства страны, быстро поднимался уровень жизни населения в целом, что, безусловно, укрепляло

---

<sup>78</sup> Рузвельт Т. Новый национализм. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/noviy-nacionalizm.php>. Дата посещения: 10.03.2019.

<sup>79</sup> Уткин А.И. Вудро Вильсон. М.: Культурная революция, 2010. С. 44, 200.

<sup>80</sup> См.: Hughes T. American Genesis. A Century of Invention and Technological Enthusiasm 1870 – 1970. Chi: Univ. of Chicago Press, 2004.

заложенную еще «отцами-основателями» веру самих американцев в исключительность и особое предназначение Америки.

В этой связи надо обратить внимание на значительное совпадение эффектов «мягкой» силы США на ее внешнем и внутреннем контурах. Представление американцев об Америке как «особой» стране во многом стали разделять и в других странах, что приводило к специфическому эффекту психологического резонанса: восхищение иностранцев и самооценка американцев как бы подкрепляли друг друга, делая образ «страны, являющейся лидером прогресса», почти непререкаемым, само собой разумеющимся. Надо сказать, что такое совпадение наблюдается не часто. Но его наличие важно, так как значительный разрыв между тем, как та или иная страна, общество, государство видятся изнутри и извне, как правило, способствует перенастройке «оптики» восприятия в сторону темных тонов и негативных оценок, тогда как позитивные оценки, от кого бы они не исходили, проблематизируются, подвергаются сомнению, девальвируются.

В восприятии среднего англичанина, немца, француза, итальянца, шведа, не говоря уже о жителях Восточной Европы или азиатских стран, американец представлялся «человеком с деньгами». Но дело не только в уровне заработной платы. Повседневная жизнь среднего американца уже приобретала *новое качество*, делавшее его предметом зависти для граждан даже сравнительно богатых и развитых стран Старого света. Приметой американского быта становилось массовое распространение вещей, которые во многих других странах все еще воспринимались как роскошь, а то и как диковинка: разнообразной бытовой электротехники, радиоприемников, фотоаппаратов, а позднее и любительских кинокамер и др. Бытовые контрасты – особенно если сравнивать США с другими странами были разительными. В Америке становилось обычным то, что в Старом Свете еще долго оставалось предметом роскоши, доступным лишь самому верхнему социальному слою. Например, личный легковой автомобиль: знаменитый Форд-Т в середине 1920-х гг. стоил всего 265 долл., что составляло 6 среднемесячных зарплат американского школьного учителя или 2,5 – 3 зарплаты строительного рабочего. В середине 1920-х гг. в

США ежегодно собирали до 4,3 млн автомобилей, что в 6 - 8 раз превышало производительность автомобильной промышленности *всей* Европы<sup>81</sup>. Понятно, что американский потребительский рынок, а вместе с ним и американский образ жизни воспринимался населением других стран как образец недоступного для них сияющего великолепия. И это само по себе было для США сильнейшим имиджевым фактором. Выработанный Америкой сплав передовых технологий, делового размаха и рациональной организации воспринимался как своего рода идеальное воплощение духа индустриальной цивилизации и ее возможностей. И когда перед разоренными Первой мировой войной странами встали задачи восстановления обескровленной экономики, именно процветающая, уверенно идущая вперед Америка представала перед ними как история успеха, на которую надо равняться и которую хорошо было бы повторить. В ситуации коллективного послевоенного стресса, когда люди очень нуждались в позитивном чувстве перспективы, поднялась очень широкая волна увлечения Америкой и американизмом, которая наиболее интенсивно проявилась в тех странах, которым война нанесла особенно большой ущерб, а именно в Германии и России.

Так, в Германии только в 1920-е гг. было издано более 50 книг, посвященных различным аспектам американизации – экономике, социальной структуре американского общества, организации производства (фордизм), массовому потреблению и др. В огромном количестве появлялись и статьи на эти темы, которые публиковались не только в академических и других специализированных изданиях, но и в профсоюзной прессе, а также в массовой печати. В отличие от более ранних проявлений интереса немцев к Америке как к *экзотической* стране, теперь Германия впервые ощутила потребность *учиться у Америки*. На протяжении 1920-х и начала 1930-х гг. происходило настоящее паломничество за океан немецких промышленников, ученых, инженеров, профсоюзных деятелей, представителей различных политических партий. Не осталась в стороне от этого даже Ассоциация домохозяек, для членов которой организовывались экскурсии в американские семьи и изучение

---

<sup>81</sup> Мировое производство автомобилей // За рулем. 1928. № 6. С. 43.

американского быта<sup>82</sup>. При этом культура Веймарской Германии также испытывала сильное влияние американского кино, джазовой музыки, спорта, которое ослабло лишь с приходом к власти национал-социалистов.

Образы Америки чрезвычайно сильно волновали и «строителей новой жизни» в Стране Советов, где они порой фактически сливались с образами «светлого будущего», окрашенными в характерные тона футуристического романтизма. Энтузиастами освоения американских технологий и американского опыта организации производства были самые высокопоставленные советские руководители, многие из которых в 1920-е – 1930-е гг. побывали в США, где знакомились с постановкой дела в автомобилестроении и пищевой промышленности, в металлургии и кинематографе. Вместе с тем через агитпечать эта тема доходила и до широких слоев населения. Во всяком случае, до нас дошли некоторые примеры, показывающие, что о богатой жизни в Америке рассуждали даже простые крестьяне. Так, в канун коллективизации один из них писал в «Крестьянскую газету» о «комфорте роскоши», доступном рабочему в Америке, но вместе с тем выражал надежду на то, что эта страна тоже придет к социализму, хотя и «по другим рельсам»<sup>83</sup>.

Американизация как определенная тенденция в жизни раннего советского общества не сводилась лишь к *изучению* и заимствованию американского опыта. Стратегия развития в эпоху первых пятилеток включала в себя нечто большее – прямой и непосредственный *перенос* к нам целых «технологических фрагментов» Америки. Индустриальные гиганты первых пятилеток создавались при участии американских фирм с применением американских методов ускоренного проектирования. А руководитель советского кинематографа Б.З. Шумяцкий после поездки в США вынашивал план создания в Крыму грандиозного Киногорода («советского Голливуда»)<sup>84</sup>. В этой связи интересно отметить использование понятий

---

<sup>82</sup> См.: Nolan M. Visions of Modernity. American Business and the Modernization of Germany. N.Y., Oxf.: Oxford Univ. Press, 1994. P. 6 – 7.

<sup>83</sup> «Социализм – это рай на земле». Крестьянские представления о социализме в письмах 20-х гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 3. М.: Историческое наследие, 1993. С. 212.

<sup>84</sup> Тейлор Р. Борис Шумяцкий и создание советской кинематографии в 30-е годы // Киноведческие записки, М.: ВНИИ киноискусства, 1989, № 3. С. 59 – 61.

американизма и американизации в святая святых советского марксистского дискурса. Так, Троцкий утверждал, что страсть к американизму закономерно сопровождает первый этап каждого молодого социалистического общества<sup>85</sup>. Сталин одно время ставил вопрос еще радикальнее: в лекциях, прочитанных в 1924 г. в Свердловском университете, он даже определил ленинский стиль в работе как соединение русского революционного размаха и американской деловитости<sup>86</sup>.

Между тем разразившийся на рубеже 1920-х и 1930-х гг. катастрофический экономический кризис, который начался в США, но вслед за ними охватил весь капиталистический мир, развеял мираж американского экономического чуда. Это отразилось в первую очередь на внутренней проекции «мягкой» силы американского государства. Образ «града на холме» довольно сильно поблек в глазах самих американцев, что могло обернуться эрозией лояльности в отношении «американизма» и способствовали распространению в США таких идей и настроений, которые печально известный сенатор Дж. Маккарти несколько позднее назовет антиамериканскими. Но вслед за этим пострадала и внешняя проекция американского «мягкого» влияния. Так, немецкие экономисты, промышленники, профсоюзные деятели и интеллектуалы вдруг как-то разом разглядели, что пресловутая рационализация производства означает рост безработицы, что оборотной стороной высокого уровня потребления являются стандартизация и однообразие, а погоня американского общества за долларом приводит к примитивизации духовной жизни. К середине 1930-х гг. отношение к американизации стало меняться и в СССР. В 1930-е гг. советские вузы резко увеличили выпуск собственных инженерных кадров, и нотки восторженности при упоминании о технико-экономических достижениях Америки начинают звучать все более приглушенно, основной акцент идеологического дискурса смещается на то, что США – это буржуазное государство.

---

<sup>85</sup> Троцкий Л. Литература и революция. М.: Изд-во полит. лит., 1991. С. 195.

<sup>86</sup> Сталин И.В. Об основах ленинизма // Соч., т. 6. М.: ОГИЗ, Госуд. изд. полит. лит., 1947. С. 187. Ср.: Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч., т. 36. С. 189 – 190; Ленин В.И. Выступление на заседании Президиума ВСНХ 1 апреля 1918 г. // Там же. С. 212.

Возможно, разразившийся в 1929 г. Великий Кризис вообще положил бы предел американизации, но к тому времени она уже приобрела новое, относительно независимое от колебаний экономической (а в какой-то мере и политической) конъюнктуры измерение – культурное. Надо сказать, что вплоть до Первой мировой войны даже восхищавшиеся демократизмом и деловой энергией американцев европейцы в отношении культуры смотрели на них свысока. Но на рубеже XIX и XX вв. ситуация начинает стремительно меняться. С одной стороны, изобретение и внедрение принципиально новых технических средств и технологий создания культурных объектов (кино, радио, звукозапись, усовершенствованные способы тиражирования текстов и изображений) привело к возникновению так называемых культурных индустрий. С другой стороны, под влиянием приобретающего индустриальный характер духовного производства сдвигались устоявшиеся границы между культурными стратами, формировалась новая, сугубо рыночная, культурная доминанта, носителем и проводником которой выступал занимающий место образованного ценителя «массовый» индивид. В этой изменившейся ситуации то, что, по мнению многих европейских интеллектуалов, составляло недостаток американского общества, оборачивалось его преимуществом. В частности, американцы намного менее европейцев были скованы инерцией романтических представлений о «должном» в культуре; они шли не от «миссии гения», а от императивов реального коммерческого спроса, не пытаясь как-то «улучшать» вкусы своей аудитории, но приспособлялись к восприятию «человека массы» и, учитывая его особенности, формировали новые заманчивые для него «предложения», привлекательность которых многократно усиливала образцово поставленная реклама.

Американский бизнес довольно быстро завоевал лидирующие позиции в ключевых культурных индустриях – прежде всего, в звукозаписи и кинематографе. Американцы первыми стали выпускать грампластинки и первыми же стали делать их двусторонними, им принадлежит приоритет в освоении электрической звукозаписи и в переходе от немого к звуковому кино; в США, был снят первый полнометражный цветной фильм и т.д. Таким образом, технологическая и экономическая

мощь Америки стала облекаться в формы культуры. Психологически это очень важно: если ты не живешь в США, нельзя рассчитывать и на соответствующий уровень благосостояния; но зато никто не может помешать тебе стать американцем «по культуре» и тем самым присоединиться к Америке в своем воображении.

Американизация в сфере культуры с самого начала была разноплановой и многогранной. Однако у всех её проявлений был и некий «общий знаменатель» – вторжение американских социокультурных моделей в другие культурные среды воспринималось как некий вызов и ассоциировалось с энергией прогресса, модернизацией, раскрепощением личности, разрушением традиционных иерархий, сопровождающимся реконструкцией повседневного быта и упрощением застывших этикетных форм. При этом культурные разрывы между социальными слоями сглаживались и нивелировались – по крайней мере, на символическом уровне. По этой причине американизация могла восприниматься как революционный по своей сути процесс. В содержательное наполнение бренда «Америка» в XX в. внесли свой вклад и аутентично американские музыкальные жанры (рэгтайм, блюз, джаз, кантри, многочисленные разновидности рок-музыки), и некоторые течения в архитектуре и дизайне (различные направления высокоэтажного строительства, так называемое детройтское барокко и аэрокосмический стиль в оформлении внешнего облика автомобилей и др.), и джинсовая мода, и некоторые приобретшие всемирную популярность американские изобретения в области кулинарии («кока-кола», фаст-фуд) и т. д. Но особую роль в формировании и продвижении этого бренда сыграло американское кино. Оно же выполняло и функцию интегратора его (бренда) разнообразных составляющих, а также ассоциирующихся с Америкой визуальных образов и специфических смыслов.

В 1910-х гг. в окрестностях Лос-Анджелеса возник быстро приобретший всемирную известность уникальный центр кинопромышленности – Голливуд. В этом городке на сравнительно небольшой площади обосновались все ведущие американские кинокомпании, что обеспечило с одной стороны концентрацию и мобильность инвестируемых в отрасль капиталов, а с другой – концентрацию талантов и



беспрецедентную насыщенность творческой среды. Действие специфических механизмов концентрации материальных и творческих ресурсов кинематографа чрезвычайно ускорило развитие американской киноиндустрии. Она очень быстро захватила лидерство в технологическом оснащении, что позволяло первыми демонстрировать на экране завораживающие зрителя новые эффекты. Но главное – это все-таки то, что американская бизнес-среда синтезировала элементы нового в адекватную организационную систему, охватывающую весь производственный процесс от замысла и написания сценария до кинопроката. Уже в 1920-е гг. в США возникла особая, специфически «американская», технология кинопроизводства, когда фильм собирался из готовых блоков как на конвейере, что позволяло работать очень быстро, без простоев, «творческой лени» и пересъемок. Это позволяло буквально подавлять конкурентов своей производительностью. Уже к концу первой мировой войны Голливуд давал около 90 % фильмов, которые шли в мировом кинопрокате. В разное время американским режиссерам и продюсерам приходилось сталкиваться с серьезными вызовами из-за рубежа – в частности, со стороны советского кино, итальянского неореализма и французской «новой волны», а с конца XX в. со стороны восходящей китайской киноиндустрии. Но вытеснить США с позиции глобального центра кинопроизводства до сих пор никому не удалось. Сталкиваясь с различными вызовами, американская киноиндустрия продемонстрировала способность к обновлению; при этом отказ от привычных клише и частичная интеграция в творческий контекст новых социальных практик и субкультур лишь способствует более эффективному осуществлению её сверхзадачи – представления в образах американоцентричной парадигмы миропорядка<sup>87</sup>.

Мы специально выделили кино среди всего набора компонентов и проводников «мягкого» влияния по той достаточно очевидной причине, что только киноэкран<sup>88</sup>, комплексно воздействуя на все органы чувств, обладает способностью

---

<sup>87</sup> См.: Артамонова У.З. «Попкорн-дипломатия»: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3; Артюх А.А. Новый Голливуд. История и концепция. СПб.: Алетейя, 2015.

<sup>88</sup> В данном случае мы употребляем это понятие в расширенном смысле: телеэкран или монитор компьютера, на котором демонстрируется кинофильм в этом смысле также является киноэкраном.

представлять сознанию живые «картины мира», которые могут переживаться как реальность (параллельная реальность, как-бы-реальность и т.п.). Виденное на экране так или иначе откладывается в сознании и подсознании, становится частью нашего внутреннего мира, входя в состав разного рода архетипов, моделей идентичности, представлений о связях событий, образов прошлого и будущего, наглядно заданных образцов поведения, оценок различных явлений жизни, реконструкций не выявляемых непосредственным наблюдением свойств социальных акторов, включая приписывание им тех или иных мотивов и др. Все это делает кино мощным фактором форматирования мыслей, чувств, настроений и поведенческих установок больших масс людей и, в конечном итоге, их идентичности, что при наличии такого желания можно использовать как инструмент политики. Ведь идентичность, как отмечал К. Шмитт – это не просто важный, а ключевой элемент политики, которая начинается именно с различения своего и чужого<sup>89</sup>.

Известно, что в первые десятилетия XX в. главным конкурентом США в борьбе за статус «главной» мировой державы была стареющая Британская империя. В этой связи автор пользующихся немалой известностью книг по политической истории британского и американского империализма Н. Фергюсон, доказывал<sup>90</sup>, что еще в 1930-е гг. Британия по совокупному потенциалу «мягкой» силы превосходила США. Нам это утверждение кажется спорным. Конечно, обаяние Британии, британских традиций и образа жизни в то время (как, впрочем, и сегодня) было велико, и это касается не только колоний и протекторатов, где «британская система» отождествлялась с цивилизацией как таковой, но и европейских стран. Однако надо заметить, что британское влияние всегда имело несколько элитарный характер и, в противоположность американскому, мало затрагивало повседневную жизнь и вкусы демократических слоев населения. Более того, благодаря Голливуду и другим широко тиражируемым проявлениям американской массовой

---

<sup>89</sup> Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. Гл. 2.

<sup>90</sup> В своей книге «Colossus: The Rise and Fall of the American Empire».

культуры, эти социальные слои сами активно воспринимали американские культурные образцы и стиль поведения.

Культурно-психологическое влияние, которое США приобрели сразу же после Первой мировой войны, несомненно, можно определить если не как культурную гегемонию, то как основательную заявку на нее. Его вполне можно было бы сопоставить с некоторыми прецедентами, например, – с галломанией, которая, то усиливаясь, то затухая, была весьма значимым явлением европейской истории на протяжении целого ряда столетий. Следует особо отметить, что до этого времени формирование «мягкой» силы Америки не имело какой-либо институциональной основы. Теперь же такая основа появляется, хотя первоначально она не носила специализированного характера: роль такой основы стали выполнять фирмы и корпорации, занятые в сфере культурной индустрии. Понятно, что их непосредственные цели были чисто коммерческими, однако, распространяя американскую культурную продукцию и завоевывая под нее новые рынки и новых потребителей, они немало способствовали продвижению позитивного образа Америки, а также американских вкусов, взглядов на мир и культурных моделей.

Основные выводы из данного параграфа касаются исторической динамики «мягкой» силы Америки в XIX – XX в. Как было показано, эта динамика имеет вид последовательности волн, для каждой из которых характерна специфическая имиджевая основа. К началу XX в. США закрепляет за собой репутацию страны, более других поощряющей личную инициативу и предоставляющей своим гражданам наилучшие жизненные шансы; не в меньшей мере, чем приверженность демократии и свободному предпринимательству, признаками американской идентичности становятся «технологический энтузиазм» и способность создавать масштабные производственно-технологические структуры. После Первой мировой войны к этому добавляется ещё и серьёзная заявка на гегемонию в сфере массовой культуры и культурных индустрий, что обеспечивает США лидирующие позиции в плане развития и применения эффективных технологий «мягкого» влияния. В этот период «мягкая» сила Америки приобретает характер «манящей» прожективной

идентичности, оказывающей мощное влияние как на политические элиты, так и на массы населения других стран (не исключая и молодое Советское государство). На этой основе формируется идеология американизма и процесс американизации как всеохватывающей экспансии «американской идеи» в глобальном масштабе.

### **2.3. Особенности американской модели «мягкой» силы**

Следующая фаза формирования «мягкой» силы США – претворение своего рода диффузного влияния в инструмент целенаправленного решения конкретных политических задач. Переход к ней во многом стал результатом политики президента Вудро Вильсона, который попытался сконструировать новый механизм воздействия не только на отдельные государства и правительства, но и на интегрированную позицию мирового сообщества. С целью институционализации этого механизма предлагалось создать особую универсальную международную организацию – Лигу наций. Вильсон затратил на этот проект массу усилий, надеясь, что тем самым вводит в действие механизм, посредством которого США могли бы не только корректировать политику отдельных стран, но и контролировать мировой порядок в целом. Его расчет строился на том, что, опираясь на широко распространенные представления об Америке как «лидере прогресса» и одновременно используя заинтересованность многих стран в экономическом и технологическом сотрудничестве с США, нетрудно будет добиваться поддержки большинством членов Лиги желательных для американцев предложений. В то время, однако, из этого ничего не получилось: Великобритания и Франция, которые сами претендовали на роль «хозяев мира», воспротивились амбициям США и повели против них совместную контригру. Помешал и раскол в политических элитах США, часть которых все еще оставалась на позициях изоляционизма.

Однако то было лишь временное отступление; победа на президентских выборах Франклина Рузвельта, постепенное преодоление последствий Великой депрессии, а затем и начавшиеся в середине 1930-х гг. тектонические изменения всего ландшафта мировой политики, способствовали реактуализации стратегии завоевания глобального влияния, основы которой закладывали Теодор Рузвельт и Вудро

Вильсон. Ф. Рузвельт, который был большим поклонником своего дальнего родственника Т. Рузвельта и вместе с тем одним из младших членов администрации В. Вильсона, сыграл ключевую роль в разработке новых подходов к межгосударственным отношениям, ставящих во главу угла создание атмосферы доверия, располагающей партнеров к добровольному сотрудничеству. Лабораторией, где отработывались эти подходы, стала в первую очередь Латинская Америка, которую в Вашингтоне традиционно рассматривали как сферу своей исключительной гегемонии и, соответственно, никогда с ней особо не церемонились. Ф. Рузвельт же провозгласил отказ от практиковавшегося его предшественниками грубого интервенционизма и переход к политике «доброго соседства», которую он противопоставлял как старой политике «большой дубинки», так и колониализму европейских держав. Выстраивание межамериканских отношений в этой парадигме способствовало выработке ряда инновационных политических технологий. В частности, отсюда берет начало так называемая публичная дипломатия, главными инструментами которой являются налаживание диалога между странами на уровне общественности, информирование, культурные обмены, экономическая и технологическая помощь, обучение зарубежных студентов<sup>91</sup>. Нарботки и технологии, «обкатанные» тогда в Латинской Америке, были затем обобщены и превратились в своего рода универсальные стратегические приемы «мягкого» влияния, которые постоянно совершенствуются благодаря оперативному использованию новых инструментов. Например, с начала текущего столетия американцы активно занимаются цифровизацией публичной дипломатии и внедряются в социальные сети, что позволяет в разы наращивать объём контактов агентов американской «мягкой» силы и общественных кругов в других странах мира<sup>92</sup>.

В целом условия, которые позволили конвертировать широкие, но достаточно аморфные, проамериканские симпатии в приносящее конкретные

---

<sup>91</sup> Hart R. *Empire of Ideas. The Origins of Public Diplomacy and the Transformation of US Foreign Policy*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 2013.

<sup>92</sup> Цветкова Н.А., Федорова И.В. Дипломатия данных США: цели, механизм, содержание // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 1.

результаты политическое воздействие, т.е. в «мягкую силу», на наш взгляд, сложились лишь с окончанием Второй мировой войны. Ключевую роль в этом плане сыграла американская Программа восстановления Европы (так называемый план Маршалла). Объективно она способствовала преодолению послевоенной разрухи, стабилизации, общему росту благосостояния и укреплению среднего класса. Теперь Америка воспринималась как европейцами, так и самими американцами не только как бескорыстная защитница свободы (сначала от нацистов, потом от коммунистов), но и как своего рода всемирный благодетель. При такой диспозиции «благодетель» мог, не стесняясь, выдвигать далеко идущие политические условия, и они не замедлили себя ждать. В 1947 г. Вашингтон провозгласил новую политическую доктрину (доктрина Трумэна) основной смысл которой состоял в «отбрасывании» коммунизма. США требовали от стран, принимающих американскую помощь, исключения коммунистов из правительства, отказа от национализации, предельного ограничения торговли с СССР и его союзниками в Восточной Европе. Решение о том, куда направить поддержку, принимали не национальные правительства, а американцы, которые не только отказывались финансировать предприятия, где были сильны левые профсоюзы, но и тормозили развитие отраслей, конкурирующих с американскими фирмами. В результате США фактически совершили экономическую аннексию Западной Европы, но для этого им не понадобилось никого завоевывать, как за несколько лет до этого делал Гитлер. Цели были достигнуты при помощи других инструментов. Именно реализацию плана Маршалла надо рассматривать как первый пример массированного и успешного применения внешнего влияния США в модальности «мягкой силы». Вместе с тем, когда обращаешься к этому примеру, становится понятно, что трактовку «мягкой силы» следовало бы расширить. Этот пример показывает, что технологически «мягкая сила» может быть основана не только на привлекательности и пресловутом «соблазнении», но и на эксплуатации разных стереотипов, предрассудков и фобий, в данном случае – страха перед «коммунистической угрозой».

Первоначальной целью «доктрины Трумэна» было восстановление баланса сил в Европе. Но логика «холодной войны» быстро привела к расширению этой первоначальной трактовки. Американские программы экономической и военной помощи были распространены и на ряд азиатских стран. Но важно было не столько появление новых точек приложения «мягкой силы», сколько то, как стали пониматься конечные цели, диктовавшие стратегию ее применения. В одном из писем Элеоноре Рузвельт Трумэн писал о том, что американский образ жизни выживет лишь при условии, если всем остальным странам будет предоставлена возможность идти по этому пути без страха и с надеждой, и Соединенные Штаты обязаны гарантировать эту возможность<sup>93</sup>. Таким образом, при Трумэне речь пошла уже не только об использовании убеждений и «соблазнов» в целях согласования политики других стран с американскими интересами. Стратегия, а стало быть, и технологии «мягкой» силы менялись: теперь их ориентировали на то, чтобы, образно выражаясь, переделать всех по американским лекалам. В этом случае, как рассчитывала команда Трумэна, население других стран постепенно станет думать и жить по-американски, что должно было облегчить задачу американского лидерства и придать ему тотальный характер. Если предыдущие этапы американизации создавали морально-психологическую почву для применения «мягкой силы» США, то теперь эта сила в свою очередь направлялась на дальнейшее продвижение американизации. Причинно-следственная цепочка закольцовывалась, что еще более усиливало восприимчивость к политическому воздействию со стороны Вашингтона.

В конце 1940-х и в 1950-е гг. в общих чертах складывается специфически американская модель использования «мягкой» силы, отличающаяся рядом как институциональных, так и технологических черт и особенностей. Ключевым элементом стратегии, обеспечивавшей конвертирование культурно-психологической и экономической привлекательности американизма в реальные политические дивиденды – т.е. превращение этой привлекательности в реально действующую силу – стало формирование под эгидой США институциональных механизмов управления

---

<sup>93</sup> Волков Н. Трумэн // Континент. 2001, № 4 (110). С. 246 – 248.

политическим курсом партнеров Вашингтона. Эта цель достигалась при помощи разветвленной сети глобальных союзов как экономического, так и военно-политического характера, связывавших его членов определенными обязательствами. Так, в 1948 г. была создана Организация американских государств (ОАГ), в которой США долгое время доминировали практически безоговорочно. На следующий год возник военный альянс НАТО, членами которого стали в основном страны-участницы плана Маршалла, одной из главных целей которого было провозглашено «объединение Европы». В 1954 г. протежируемые США страны Юго-Восточной Азии вместе с некоторыми членами НАТО объединились в военно-политический блок СЕАТО, и почти одновременно в несколько модифицированном виде была реализована идея «Ближневосточной Антанты» (блок СЕАТО, в котором США участвовали, формально не входя в состав его членов) и т.д. Вся эта институционализированная структура неоднократно перестраивалась, теряла отдельные звенья и приобретала новые, но как система она сохранилась вплоть до наших дней. Для многих стран и их политических элит роль «друзей США» стала как бы естественной формой жизни, без которой, даже вступая в противоречия с Вашингтоном по отдельным вопросам, просто-напросто трудно себя представить.

Обязательства, взятые на себя в рамках альянсов с Вашингтоном, задавали рамки, в которые должны вписываться конкретные политические решения, вследствие чего политика союзников США приобретала взаимосогласованный и предсказуемый характер, обеспечивая старшему партнеру возможность при помощи, если можно так выразиться, «мягких касаний» дирижировать этим политическим оркестром, тем самым оказывая системное воздействие на всю архитектуру глобального мира. При помощи информационно-психологических технологий формирования идентичностей под эгидой США был сконструирован новый мощный геополитический субъект – условно говоря, «коллективный Запад». Конечно, понятие «Запад» существовало и раньше, но оно носило преимущественно культурно-исторический характер, а государства, которые после Второй мировой войны стали однозначно идентифицироваться как часть Запада, до этого могли позиционировать



себя как-то иначе (к примеру, Германия – как Mittel Europa). И если в свое время Вашингтону не удалось обеспечить себе ведущей роли на главной «сценической площадке» международной политики – в Лиге наций, то теперь, опираясь на коллективный Запад и возглавляемые США коалиции, они этого добились (правда, их позиции в ООН оспаривались другой сверхдержавой – СССР, возглавлявшей группу стран социалистической ориентации).

Большую роль в дальнейшем развитии американской модели «мягкой» силы сыграл один из самых дальновидных американских президентов – Дж. Кеннеди. Подтвердив в своей инаугурационной речи принципы стратегии «продвижения свободы» и неизменность сложившихся вокруг США союзов<sup>94</sup>, он внес в стратегию, институциональную инфраструктуру и технологии «мягкого» влияния некоторые важные инновации, для реализации которых было создано несколько учреждений нового типа. Это прежде всего Корпус мира, а также Агентство США по международному развитию. Поставленной перед ними официальной задачей была помощь в решении проблем, возникающих перед развивающимися странами, в первую очередь – наиболее бедными, причём эта помощь предполагала проведение систематической работы на местах. Корпус мира посылал в страны Африки, Азии, Латинской Америки тысячи волонтеров, помогавших налаживать сельское хозяйство, мелкий бизнес, муниципальное управление, образование, здравоохранение и др., но при этом в круг их деятельности включалось и продвижение американской точки зрения на демократию, а также «лучшего понимания американцев» в тех странах, где они работали<sup>95</sup>. Это был совершенно новый формат применения технологий «мягкого» влияния: *переходя на уровень повседневных личных взаимодействий с местным населением, «мягкая» сила США превращалась в фактор внутренней жизни других социумов*. Демонстрируя компетентность и доброжелательность, американцы завоевывали репутацию «лучших друзей» той или иной страны,

---

<sup>94</sup> Inaugural Address of J.F. Kennedy. URL: [https://translated.turbopages.org/proxy\\_u/en-ru.ru.c04aa28b-636542f0-8173cf04-74722d776562/https/web.archive.org/web/20070514235348/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/presiden/inaug/kennedy.htm](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c04aa28b-636542f0-8173cf04-74722d776562/https/web.archive.org/web/20070514235348/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/presiden/inaug/kennedy.htm)

<sup>95</sup> См.: Официальный сайт Корпуса мира. URL: <https://www.peacecorps.gov/about/> (дата посещения 13.05.2019).

а завязывая многочисленные личные контакты, они получали огромную и притом очень конкретную информацию о местных кадрах, что позволяло регулировать их карьерное продвижение и создавать агентуру влияния.

Ключевую роль в американских технологиях воздействия на настроения, а значит, и на политическое поведение населения других стран играет управление глобальными коммуникациями и информационным полем, в первую очередь – создание разнообразных информационных каналов, позволяющих широко транслировать американскую точку зрения на те или иные события и «демонстрировать привлекательность» США (а также западных демократий в целом). В мире, разделенном «железным занавесом», основную нагрузку по информационной обработке населения других стран несли на себе специализированные радиостанции; в частности, «Голос Америки» и «Свободная Европа» (позднее – Радио «Свобода»), Радио «Свободная Азия». Они и сегодня продолжают работать под эгидой государственного агентства по глобальным медиа, возглавляемым (по должности) госсекретарем США.

Как только позволяли условия, американские политтехнологи стимулировали создание в других странах ассоциаций и объединений симпатизирующих им граждан для того, чтобы использовать эти ассоциации и объединения в качестве ячеек инфраструктуры влияния. Главным куратором этого направления, обычно аттестуемого как «поддержка гражданского общества», был и остается Госдепартамент (при негласном участии ЦРУ). В качестве же непосредственных исполнителей выступает целое семейство координирующих с ним свою деятельность формально независимых от государства фондов и иных юридических лиц, предоставляющих внешним получателям различные виды поддержки, в том числе финансовой (в виде грантов). На словах её целью является реализация гуманитарных проектов. По сути же она представляет собой скрытое финансирование процесса выращивания управляемых извне потенциальных лидеров, центров сборки политических структур, а также журналистов и СМИ, идеологические позиции которых соответствуют представлениям американского истеблишмента о правильном и должном.

Опираясь на мощную и чрезвычайно диверсифицированную информационную сеть, американскому политическому истеблишменту удалось фактически монополизировать ключевое для современной политики понятие «демократия». Представляя демократию как универсальную ценность, он в то же время продвигает по всем информационным каналам (включая, между прочим, и научно-аналитическую литературу) восходящую к Токвилю интерпретацию этого понятия, согласно которой архетипическим образцом демократического устройства признаются именно США. Соответственно, так называемый демократический транзит в глазах его неофитов если не полностью, то в значительной степени заключается в приближении к американской модели, а Вашингтон в таком контексте оказывается своего рода гуру и одновременно арбитром, наделенным правом на оценку демократичности или недемократичности других стран и правительств. Самое забавное состоит в том, что такие претензии фактически ничем не отличаются от претензий советского руководства, считавшего, что только от СССР как социалистической страны № 1 могут исходить вердикты по поводу того, какой путь к социализму является «правильным», а какой «неправильным».

В принципе можно сказать, что *своего рода «фирменной технологией» американской «мягкой» силы стало продвижение американской точки зрения и американских интересов через субсидируемые американцами «общественные» организации в других странах;* во всяком случае, насколько нам известно, никто, за исключением некоторых привилегированных партнеров США по НАТО, работающих во многом в американском стиле и в тесной связке с американцами, ни к чему подобному до сих пор не прибегал.

С конца истекшего XX столетия американские политтехнологи активно осваивают те возможности, которые открывает информационная революция конца XX века и возникновение в ходе этой революции того комплекса форм общения и социального поведения, которые М. Кастельс в свое время очень удачно назвал

публичной цифровой культурой<sup>96</sup>. Вполне понятно, что при этом приоритетное значение придается Интернету, который, благодаря таким онлайн-структурам, как блогосфера и социальные сети, стал оказывать огромное влияние на формирование общественного мнения и, в соответствии с этим, на процессы политической самоорганизации. Поэтому созданное при помощи Интернета киберпространство давно уже стало ареной как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической борьбы. То обстоятельство, что крупнейшие Интернет-проекты были задуманы и реализованы в Америке, давало американскому истеблишменту (в этой связи, видимо, можно говорить и о «глубинном государстве») ряд важных технологических и функциональных преимуществ, в том числе, за счет того, что в руках находящихся под американской юрисдикцией провайдеров находились инструменты контроля за функционированием социальных сетей и блогов.

Ключевым свойством Интернета, благодаря которому «мягкая» сила США приобретает очень важные дополнительные возможности, является его трансграничный характер: в его информационно-коммуникативном пространстве можно действовать в обход институтов государства-нации, направляя определенные «мессиджи» непосредственно населению через голову правительств и политических режимов. На наш взгляд, есть основания полагать, что американская правящая элита хотела бы создать унифицированное информационно-политическое пространство глобальных масштабов, которое в отношении смыслопорождающих механизмов было бы, в сущности, простым расширением «информационной территории» самих США. Используемые при этом Интернет-технологии принципиально отличаются от традиционной радио- или телевизионной пропаганды одной важной особенностью. Передачи «Голоса Америки» или, допустим CNN, не скрывают своей идентичности. Я могу симпатизировать Америке и благожелательно воспринимать передаваемый по ее каналам пропагандистский контент, но при этом я отчетливо понимаю, что его источник – это именно Америка, что у нее здесь есть определенные интересы и т.д. А те, кто общается со мной по электронным сетям, остаются

---

<sup>96</sup> Кастельс М. Галактика Интернет. Екатеринбург: У-фактория, 2004. С. 176.

анонимными, но для того, чтобы вызвать у меня доверие, они могут имитировать любой подходящий для этого образ, в том числе и совершенно ложный.

Дело здесь не ограничивается простой пропагандой. Интернет служит не только средой распространения идей, образов, стереотипов и т.п. – он может быть использован и для установления постоянного контакта между теми, кто проявил к ним восприимчивость, для политической самоорганизации, а нередко и для запрограммированной извне организации: с этой целью в ходе Интернет-общения обозначаются и доводятся до сведения Интернет-аудитории специально создаваемые «точки сборки» – в виде общественных и политических организаций, их брендов, знаковых притягивающих к себе фигур (типа Навального или, допустим, Фетхуллага Гюлена), а также визуально фиксируемых идентифицирующих символов (например, цветных ленточек, зонтиков и т.п.). Таким образом, в пространстве Интернет-взаимодействий фаза формирования определенных взглядов, настроений, ценностей и фаза реализации сформировавшихся в результате этого ментальных диспозиций в специфических формах «мягкой» силы как бы накладываются друг на друга, переплетаются и даже совмещаются. При этом перед центрами влияния могут возникнуть новые возможности в плане управления обстановкой внутри той или иной страны (включая, между прочим и сами США). Благодаря Интернету, центры влияния получили возможность при необходимости «обходить» существующие в той или иной стране элиты и непосредственно управлять как массовыми настроениями определенной части ее населения, так и их претворением в массовые действия. Например, при помощи американских организаций управляет деятельностью выступающего против властей КНР религиозно-политического течения Фалуньгун живущий ныне в США его основатель Ли Хунчжи<sup>97</sup>. Существенным фактором эффективности такого *управления настроениями* становится многократное сокращение времени, требуемого на раскачку ситуации и мобилизацию массы, способной выполнить поставленные центрами влияния задачи.

---

<sup>97</sup> См.: Об истинной сути еретического движения «фалуньгун» // сайт Генерального консульства КНР в С.-Петербурге (дата обращения 12.06.2019).

Обобщая американский опыт политического влияния, можно сделать вывод, что его следует рассматривать как многофазный процесс. Первая его фаза – выстраивание определенной композиции факторов влияния (С). Вторая фаза – сборка из генерируемых ими смысловых элементов определенной картины мира и ее трансляция в определенную социальную среду (PW). Третья фаза – формирование в подвергающихся воздействию социумах ячеек-резонаторов внешних влияний (R). Четвертая фаза – включение механизмов трансформации влияния в «мягкую» силу как таковую, передача носителем «мягкой» силы определенного послания-запроса, побуждающего получателя этого послания к тем или иным решениям (M). Пятая фаза – взаимодействие принимающих решение инстанций с ячейками-резонаторами, интерпретация послания-запроса в рамках сформированной при участии внешних влияний картины мира (INT). Шестая фаза – выработка ответа на послание-запрос (ANS). И, наконец, седьмая фаза – обратная связь с источником «мягкой» силы (FB), которая может проявляться как в реальных или воображаемых вознаграждениях, так и в негативных санкциях (рис. 2).

$$C \rightarrow PW \rightarrow R \rightarrow M \rightarrow INT \rightarrow ANS \rightarrow FB$$

**Рис. 2. Фазы политического влияния (американская модель)**

Понятно, что каждое звено в этой цепочке существенно зависит от всех предыдущих, иными словами  $PW = f(C)$ ,  $R = f(C, PW)$ ...  $FB = f(C, PW, R, M, INT, ANS)$ . Стало быть, все они в конечном счете так или иначе детерминированы начальным звеном цепочки – С (хотя и не только им).

Как мы видели, та сложная композиция смысловых элементов и ассоциаций, из которых складывается привлекательность Америки и которые в рамках нашего анализа логично принять за точку отсчета (С), формировалась в ходе исторических процессов и потому не может рассматриваться как константа. Весьма значительные изменения в ее составе произошли и в послевоенный период. В частности, в послевоенные годы всё возрастающую роль в формировании привлекательных образов Америки и механизмов ее влияния стали играть наука и образование.

Катастрофические события европейской истории первой половины столетия вынудили многие первоклассные умы покинуть родину, и большая часть этого миграционного потока устремилась за океан. В результате американская наука приобрела мировое значение, значительно вырос и престиж американской высшей школы, которая раньше значительно уступала в этом плане немецкой. Используя это обстоятельство как фактор наращивания политического влияния, американское правительство уже вскоре после окончания войны начинает интенсивно развивать такие направления гуманитарной политики, как привлечение в американские вузы студентов из разных стран мира и поощрение международных академических обменов.

В 1958 г. межправительственное соглашение о сотрудничестве в этой области было заключено и с СССР. Основой организационно-финансового обеспечения академических обменов стала принятая в 1946 г. программа Фулбрайта. Ее реализацию с самого начала финансировал и курировал Госдепартамент США; в настоящее время ее действие охватывает подавляющее большинство стран мира<sup>98</sup>. Если перед Второй мировой войной в США обучалось всего 6 тыс. иностранных студентов, то к концу 1960-х уже 135 тыс.<sup>99</sup> А в 2022 г. в США числилось уже почти 1,4 млн международных студентов, аспирантов и стажёров, приехавших из 227 государств и отдельных территорий<sup>100</sup>: рост колоссальный! Немало студентов учится и в американских образовательных центрах, созданных в других странах. Смысл данной тенденции, с точки зрения концепции «мягкой силы», не составляет особого секрета: погружение в американскую социокультурную среду модифицирует идентичность молодых интеллектуалов, приучая их чувствовать себя в известной мере «американцами» даже в тех случаях, когда они возвращаются на родину. Кто-то сильнее поддается подобным влияниям, а кто-то слабее или совсем не поддается.

---

<sup>98</sup> Официальный сайт Госдепартамента США. Бюро по делам образования и культуры. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/bureau-of-educational-and-cultural-affairs/> (дата посещения 5.11.2022).

<sup>99</sup> Смирнова Л. «Утечка умов» в Соединенные Штаты из развивающихся стран в начале 1970-х годов // Расы и народы. Вып. 6. М.: Наука, 1976. С. 102 – 118.

<sup>100</sup> Сайт иммиграционной и таможенной службы США. URL: <https://www.ice.gov/news/releases/ice-releases-2022-sevp-annual-report> (access 23.09.2023).

Но, учитывая, что через американскую систему образования ежегодно проходят десятки тысяч студентов, аспирантов и стажеров, некоторого процента от этого числа достаточно для формирования плотной сети «друзей Америки» по всему миру. В этом смысле образовательная система США не только стала важнейшей составной частью американской публичной дипломатии, но и фактически приобрела значение одного из глобальных факторов<sup>101</sup>. По возвращении на родину многие выпускники американских университетов и колледжей выдвигаются на влиятельные позиции в государственном управлении, бизнесе и культуре или становятся общественными активистами, выступая при этом ретрансляторами воспринятых ими в Америке понятий и взглядов. Так что видные американские деятели, включая Дж. Ная, вполне обоснованно считают этих людей, которые в будущем могут занять видные посты у себя на родине, ценнейшим политическим активом США.

Говоря об институциональных и технологических аспектах «мягкой» силы США, надо отметить происходившую во второй половине XX века глубокую реорганизацию ее медийной составляющей, способствовавшая значительному наращиванию потенциала американского влияния. Это было связано одновременно как с хорошо известной способностью американцев очень быстро реализовывать возможности, создаваемые новыми технологиями (в данном случае это телевидение, а позднее спутниковая связь, информационно-вычислительная техника, Интернет), так и с умением облекать эти технологии в институциональные формы эффективных бизнес-проектов. К концу XX в. в США выросло целое созвездие мощных диверсифицированных медиа-холдингов, контролирующих трансляционные сети, информагентства, интернет-коммуникации и поисковые системы, звукозапись, популярные газеты и журналы, книгоиздательства, кино- и телестудии, кинотеатры, рекламные компании, бизнес-инкубаторы и исследовательские лаборатории в сфере искусственного интеллекта, информатики, интернета вещей, кибербезопасности и др. Филиалы и подразделения американских медиакорпораций открыты во

---

<sup>101</sup> Антюхова Е.А. Образование в политике мягкой силы США // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 127.



многих странах, а благодаря современной спутниковой связи создаваемый ими контент практически мгновенно становится доступным сотням миллионов людей практически во всех уголках Земного шара. По существу, крупнейшие американские медиаконгломераты сформировали своего рода элитарный «клуб» глобальных производителей и поставщиков информации. При этом американский бизнес с большим отрывом лидирует в мировом медиарейтинге: так, в 2022 г. первые 4 места в нем уверенно занимали исключительно корпорации со штаб-квартирами в США во главе с интернет-гигантом Alphabet Inc. (ранее Google), Comcast Corp., Meta и Walt Disney<sup>102</sup>.

Финансовые, организационные и технологические возможности позволяют американским медиакорпорациям производить огромный по объему контент всевозможного вида и назначения – от чисто развлекательного до специализированного и даже эксклюзивного до серьезной финансовой аналитики и фундаментальной науки. Но дело не только в масштабах этой деятельности, большое значение имеют и её качественные характеристики. Высокие зарплаты и гонорары привлекают к сотрудничеству с американскими корпорациями креативных профессионалов самого высокого класса. Это позволяет идти на шаг впереди конкурентов как в способах подачи информации, так и в управлении информационными потоками. Американцы стали пионерами многоканального, а затем и круглосуточного телевидения, в США зародились некоторые особенно популярные экранные жанры, такие как телесериалы, реалити-шоу и ток-шоу, кино- и телесиквелы; здесь же (правда, с активным участием выходцев из других стран, в том числе из России) формировались крупнейшие интернет-проекты, охватываемые процессами информационного обмена сотни миллионов пользователей по всему миру. Опираясь на свои огромные финансовые возможности, американская медиаиндустрия сыграла ведущую роль в выработке современного формата зрелищности, самым ярким выражением которого стали так называемые блокбастеры. В этом специфическом

---

<sup>102</sup> Institut für Medien- und Kommunikationspolitik. Ranking // URL: <https://www.mediadb.eu/rankings/intl-medienkonzerne-2022>. (дата посещения 21.09.2023).

жанре она фактически оказалась вне конкуренции – ибо кто еще может позволить себе реализацию десятков проектов стоимостью в 200 («Титаник»), а то и в 500 («Аватар») миллионов долларов! Благодаря хорошо организованным рекламным кампаниям – столь же затратным, что и сам процесс создания «суперфильма» – выход на экраны очередного голливудского блокбастера практически всегда производит широкий международный резонанс, становясь при этом еще одной наглядной демонстрацией американского лидерства в современном мире.

Рассматривая американское кино с точки зрения технологии политического влияния, не следует брать его целиком (здесь существует и независимое кино), но нельзя и ограничиться фильмами, непосредственно изображающими и оценивающими события текущей политики или политической истории. Бывает и так, что экранное действие происходит в вымышленных обстоятельствах, но при этом намекает зрителю на известные ему политические реалии: например, в кинобоевике о супергероях «Хэнкок» стиль поведения главного героя в исполнении обаятельного чернокожего актера Уилла Смита напоминают манеры Б. Обамы, а в недавнем ремейке «Великолепной семерки» есть откровенно антитрамповские аллегории и ассоциации с образом Хиллари Клинтон<sup>103</sup>. Однако основной потенциал «мягкой» силы заключен все же не в прямых отсылках к политической реальности, а в способности киноэкрана заново визуализировать архетипические сюжеты и структурировать политическое бессознательное. Так, персонажи и атрибутика космических саг Дж. Лукаса – джедаи, ситхи, космические повстанцы и звездные войны – казалось бы, целиком принадлежат миру фантастики, а его «милитаризованная галактика» будто списана с фильмов Лени Рифеншталь и совершенно непохожа на наше суперсложное информационное общество. Но благодаря переносу действия в некий фантазийный мир они моделируют некие предельно обобщенные типологические ситуации (крах коррумпированной демократии, заговор властей против свободы граждан, отступничество и идейное перерождение и т.п.), и эти

---

<sup>103</sup> Юсев А. Кинополитика. Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. М.: Альпина паблишер, 2017. С. 44, 88 – 91.

модели, выраженные в живых образах, закрепляются в мышлении и затем проецируются на отношения, складывающиеся в реальном мире.

В этой связи следует отметить, что совокупный социально-психологический эффект, производимый продукцией американской киноиндустрии, не ограничивается непосредственными впечатлениями от просмотров. Ныне она широко использует не только традиционные рекламные средства, но и возникшие здесь же, в Америке, особые технологии создания и продвижения кинофраншиз, предполагающие, если можно так выразиться, экспансию киномиров за пределы экрана<sup>104</sup>. На основе взятых отсюда узнаваемых образов разворачивается производство перекликающихся с этими образами предметных сред, в том числе одежды с соответствующими рисунками и логотипами, аксессуаров, парфюмерии, игрушек, видеоигр и т.д. В результате возникает своеобразный эффект виртуального погружения зрителя в эти миры, действующий если не в обыденной повседневной жизни, то, по крайней мере, в минуты досуга. Это психологически облегчает проекцию транслируемых с экрана архетипов и мифологем на реальный мир и значительно усиливает ее эффекты. Использование франшизных стратегий представляет собой не только особую маркетинговую технологию. По сути дела, американская медиаиндустрия становится основным источником универсальных стилеобразующих форм современной массовой культуры. И это во многом определяет оптику мировосприятия миллионов людей на всех континентах, задавая эстетические предпочтения, образные стереотипы и логику мышления. Таким образом, масштабный социокультурный процесс, известный нам как *американизация*<sup>105</sup>, обрел для себя новые формы. Для многих «американское» в этом контексте становится просто синонимом таких понятий, как «современное», а также «глобальное». Последнее, правда, нуждается в некоторых пояснениях. Да, капитал американских медиакорпораций сегодня является уже не чисто американским, а мультинациональным, и американские

---

<sup>104</sup> См. подробнее: Артюх А.А. Время конгломератов. Последствия глобализации американской киноиндустрии // Искусство кино. 2010. № 3. С. 79 – 87.

<sup>105</sup> См.: Kooijman J. Fabricating the Absolute Fake. America in Contemporary Pop Culture. Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2008; Issues in Americanization and Culture / Neil Campbell, Jude Davies, George McKay, eds. Edinburg: Edinburg Univ. Press, 2004.

культурные индустрии, стремясь к завоеванию международной аудитории, активно заимствуют идеи и образы разных культур. Скажем больше: ныне они даже склонны нивелировать американскую идентичность и апеллировать к некоему усредненному «человеку Земли»<sup>106</sup>. Но только надо добавить: не ко всякому «человеку Земли», а лишь к такому, мировоззрение и поведение которого в целом согласуются с американскими ценностями, и в том числе с американскими представлениями о добре и зле, а более всего – о «правильной стороне истории».

Хотя ныне американская киноиндустрия уже не подавляет конкурентов объемами производства и по количественным показателям занимает лишь третье место в мире, уступая в этом отношении Индии (так называемый Болливуд) и Нигерии («Нолливуд»), она стоит значительно выше всех своих соперников как в организационно-техническом плане, так и в отношении качества. Если продукция его основных соперников обычно находит отклик в основном в ограниченных аудиториях (например, для нигерийцев их собственная кинопродукция, посвященная «домашним» сюжетам, часто бывает интереснее американской, но кроме Нигерии и некоторых других африканских стран она по сути дела нигде не востребована), то аудитория американских блокбастеров с их опорой на широко распространенные архетипы и впечатляющими спецэффектами способна апеллировать чуть ли не к любой категории зрителей, независимо от возраста, национальности, социального положения, принадлежности к определенной культурной традиции и т.п. Поэтому, несмотря ни на что, американское кино остается законодателем моды. Даже нынешний стратегический соперник Голливуда – киноиндустрия Китая (о ее роли в качестве одной из составляющих «мягкой» силы КНР речь пойдет в следующей главе) часто просто копирует базовые смысловые элементы и имиджевые технологии голливудских блокбастеров, лишь придавая им специфически китайскую окраску (скажем, в амплуа героев – спасителей человечества от неких условных

---

<sup>106</sup> Артюх А.А. Время конгломератов. Последствия глобализации американской киноиндустрии // Искусство кино. 2010. № 3. С. 81.

«сил зла» они просто заменяют мужественных американских рейнджеров на героических китайских спецназовцев)<sup>107</sup>.

По сути дела, американское кино (и в первую очередь голливудские кинокомпании-мейджоры), подспудно имплантирует в сознание и подсознание многомиллионных киноаудиторий некий *визуальный метанарратив*, своего рода «матрицу понимания» современного мира. Его семантика, в общем и целом, производна от древней мифологемы эсхатологического противоборства «сил добра» и «сил зла», которую дополняет ценностная маркировка либерально-индивидуалистического социального порядка как «естественной» универсальной нормы. Надо признать, что столь же хорошо разработанной и развернутой в системе наглядных, эмоционально заряженных образов альтернативы данному метанарративу в настоящее время нет – фактически он ещё только вырабатывается, и это делает американское кино весьма мощным фактором формирования массовых социальных представлений, который способен действовать почти везде, где распространяется американская видеопродукция. Разумеется, это воздействие имеет и политическое измерение, хотя политические мессиджи американского кино обычно носят очень обобщенный характер и затрагивают, скорее, парадигмы политического мышления, чем конкретные вопросы государственной и международной политики. Теоретически американское правительство не вмешивается в вопросы культуры. Но существуют не прямые механизмы взаимодействия, к которым оно может прибегнуть и прибегает, чтобы побудить голливудскую элиту к созданию нужных для него в той или иной ситуации произведений с рассчитанной пропагандистской направленностью. И тогда экран становится не только средством формирования и укрепления факторов американского влияния, но и инструментом трансформации этого влияния в политически значимые результаты. Не случайно вскоре после 11 сентября 2001 г. в порядке подготовки военных операций на Ближнем Востоке была организована встреча высокопоставленного представителя Белого дома Карла Роува с

---

<sup>107</sup> См.: Андреев И.А. Китайское кино: контуры «мягкой силы» // ПОИСК, 2019, № 1 (72). С. 101 – 109.

руководителями голливудских киностудий, а также с главами гильдий актеров, режиссеров и сценаристов<sup>108</sup>.

Мера влияния США меняется по довольно сложному закону, в рамках которого следует учитывать не только объективные характеристики политических субъектов, но и весь его исторический контекст, его характерную волнообразную динамику, иной раз способную ослаблять сильных и, наоборот, усиливать слабых. Так, может показаться парадоксальным, что, несмотря на предпринятые в 1960-е гг. усилия Вашингтона по реструктурированию инфраструктуры американского влияния и созданию нового привлекательного образа Америки как миролюбивой и ответственной мировой державы (участие США в подготовке Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах, создание Корпуса мира и Агентства по международному развитию, широко разрекламированная президентом Л. Джонсоном программа «Великое общество» и др.), именно в этот период (примерно до середины или даже до конца 1970-х гг.), наблюдается относительное снижение глобальной популярности США, которой на почти паритетной основе противостояла популярность СССР, переживавшего в 1960-е гг. период выдающихся успехов в науке, технике, образовании, экономике, культуре и сумевшего отколоть от «мировой системы капитализма» целый ряд стран.

Однако на рубеже 1970-х и 1980-х гг. ситуация стала меняться, хотя каких-то особых инноваций в семантике «мягкой» силы и технологиях ее использовании США в этот период не продемонстрировали (если, конечно, не считать значимой новацией изобретенную Р. Рейганом формулу «империя зла»). И связано это было не с собственно американскими достижениями, а с отсутствием таковых у соперников и конкурентов. Китай в этот период еще только приступал к осуществлению политики «реформ и открытости» и до ее результатов было еще далеко. Оппозиционные США режимы социалистической и квазисоциалистической ориентации в странах «третьего мира» к тому времени во многом исчерпали свой потенциал, а

---

<sup>108</sup> Юсев А. Кинополитика. Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. М.: Альпина паблишер, 2017. С. 20 – 25.

мощная волна исламизма еще не поднялась. Самый же главный оппонент США, вступивший в так называемый «период застоя» и увязший в бесперспективной афганской войне, утрачивал веру в свое предназначение. Назревал моральный кризис коммунистических элит, продолжавших по инерции проповедовать привычную идеологию, но при этом втайне восхищавшихся Западом.

После последовавшего за кризисом так называемого реального социализма распада СССР и Варшавского договора авторитет США, их политическое влияние, возможности их «мягкой» силы, достигли пика, какого не достигали никогда раньше. Причем это касается как внутреннего, так и внешнего контура «мягкой» силы. Наблюдалось значительное совпадение веры американцев в исключительность своей страны и преобладающих настроений в большинстве других стран, не исключая и недавних социалистических государств. Казалось, Америке теперь уже никто не сможет бросить вызов. По оценке авторитетных PR-агентств (Portland Communications, Brand Finance и др.) до 2016 г. страна постоянно удерживала самые верхние позиции в международных рейтингах «мягкой» силы.

Однако, вопреки существенно повлиявшей на американское самосознание телеологической мифологии, получившей свое выражение в известных публикациях Ф. Фукуямы<sup>109</sup>, история не закончилась распадом Советского Союза и вступлением его бывших союзников в ЕС и НАТО. Через 10 – 15 лет после этого события стали проявляться признаки того, что всемирно-исторический процесс вступает в новую фазу, когда благоприятствующие США политические «ветры» начали меняться на противоположные. Впервые после распада СССР в мире обозначились способные оспаривать американское лидерство альтернативные центры силы и влияния как глобального (КНР, Россия), так и регионального (Иран, отчасти Турция) масштаба, а экономический подъем КНР, ее успехи в науке, технологиях и образовании подорвали широко распространенное до самых недавних пор убеждение, что демократия американского (и вообще – западного) образца идет рука об

---

<sup>109</sup> Фукуяма Ф. Конец истории // Вопр. философии, 1993. № 3. С. 134 – 155.

руку с высоким уровнем жизни, и страны, принявшие такую модель политического устройства, всегда являются наиболее успешными.

В этой ситуации начиная с середины 2000-х гг. в зарубежной, в том числе и американской, политической науке и публицистике стала периодически возникать тема ослабления и даже упадка (decline) «мягкой» силы США. Первоначально причины этой тенденции видели как в бюрократической неповоротливости и снижении государственных ассигнований на развитие институциональной базы «мягкой» силы, так и в противоречии между самопрезентацией Америки (страна, призванная «расширять границы свободы»<sup>110</sup>) и реальной практикой силовых акций, вроде вторжения в Ирак, которое осудили не только многие страны, не входящие в западный блок, но и некоторые члены НАТО, в том числе Германия, Франция и Канада. В связи с этим предлагалось предпринять некоторые корректирующие меры институционального характера (к примеру, учредить в Госдепартаменте особое структурное подразделение, курирующее публичную дипломатию), усилить самокритику в передачах Голоса Америки (чтобы продемонстрировать принципиальную приверженность свободе прессы), а также несколько умерить американские претензии на тотальное лидерство, позволив другим центрам силы играть лидирующую роль в регулировании вопросов регионального значения<sup>111</sup>.

Множество упреков в нанесении ущерба «мягкой» силе Америки было высказано в адрес Д. Трампа, который разорвал отношения с авторитетными международными организациями (ЮНЕСКО, ВОЗ и др.), а своим открытым нежеланием считаться с интересами союзников вызвал у них серьезные сомнения в том, что они и дальше могут полагаться на дружбу с Америкой; к этим обвинениям присоединился и Дж. Най<sup>112</sup>. По данным американского Института Гэллапа, к концу президентства Трампа (2020) даже в традиционно связанной с США «особыми

---

<sup>110</sup> Bush J. 2004 Republican National Convention Address. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2004/georgewbush2004rnc.htm> (access 10.11.2022)

<sup>111</sup> Kurlantzick J. The Decline of American Soft Power // Current History. Vol. 104, No. 686, Dec 2005.

<sup>112</sup> Nye J. Donald Trump and the decline of US soft power // The Strategist. 12 Feb. 2018.



отношениями» Великобритании доля граждан, одобряющих американское глобальное лидерство, составило только 15 %, а в Германии – 6 %<sup>113</sup>. Но, вопреки ожиданиям противников трэмпизма, процесс продолжал идти в том же направлении и при Дж. Байдене. В последнее время Вашингтону не удавалось договариваться по ряду очень чувствительных вопросов даже с некоторыми своими старыми союзниками (латиноамериканские страны в вопросах технологического сотрудничества с Россией и Китаем, Саудовская Аравия в вопросах цены на нефть и др.). США не хватило убедительности и в предпринятых ими после начала специальной операции вооруженных сил на Украине попытках сколотить единый санкционный фронт против России. При этом стратегия применения «мягкой» силы, которой придерживались американцы, изменилась: если раньше, уверенные в своей неотразимости, они делали основную ставку на демонстрацию тех достижений и тех черт американского образа жизни, который, по их мнению, обеспечивали их притягательность в глазах остального мира, то теперь их главным инструментом становилось грубое подавление чужих источников «мягкой» силы посредством введения «культуры отмены». Результат этой смены стратегий оказался, однако, парадоксальным. Да, американским медиа-конгломератам удалось почти полностью зачистить информационное поле США и ЕС, просто блокируя доступ туда всем альтернативным источникам информации. Но тем самым они не только скомпрометировали самих себя, но и обрушили создававшуюся в течение десятилетий репутацию Америки как страны, отстаивающей принципы свободы мнений и свободы слова<sup>114</sup>.

Все это, на наш взгляд, доказывает, что проблемы, с которыми стала в последнее время сталкиваться американская стратегия «мягкого» влияния, вызваны не столько эрозией ее институциональной базы (снижение финансирования, бюрократизация и т.п.) или пренебрежительным отношением к технологиям «мягкого» воздействия кого-либо из американских президентов, сколько гораздо более

---

<sup>113</sup> Gallup U.S. Global Leadership Update. URL: <https://news.gallup.com/opinion/gallup/328490/gallup-global-leadership-update.aspx> (access 9.11.2022).

<sup>114</sup> Козлов К.В. Упадок «мягкой силы» США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 10.

глубокими причинами, составляющими социально-исторический контекст «мягкой» силы. С одной стороны, это закон неравномерности мирового развития, проявляющийся в смене центров силы и ареалов процветания. С другой стороны, наглядно обозначившийся в ходе как внутренних, так и глобальных политических процессов кризис «американской идеи», равно как и кризис доверия к американской политической системе. Вместо «сияющего града на холме» и эталонной демократии перед нашими глазами предстало расколотое общество и система, создающая широкие возможности для коррупции и политического манипулирования со стороны так называемого «глубинного государства». Потускнела в последнее время и привлекательность американского образа жизни. Симптоматично, например, что, согласно данным социологических исследований, с некоторых пор в ряде развитых стран Европы (Германия, Голландия, Швеция) практически половина населения характеризует американский жизненный стандарт лишь как «средний», причём особенно низкие оценки выставляются американской системе здравоохранения<sup>115</sup>. Соотношение между респондентами, убеждёнными в том, что американское влияние в мире снижается, и их оппонентами, уверенными в том, что оно растёт, в 2022 г. составило примерно 2:1<sup>116</sup>.

Как известно, раньше смена центров мирового развития всегда происходила через силовую борьбу. И именно вследствие этого начавшийся с распадом СССР политический цикл, в рамках которого главным инструментом, позволяющим политическим игрокам добиваться нужных результатов, была «мягкая» сила, теперь, возможно, сменяется «жестким» циклом. Но как бы ни развивались события, нам кажется, что о серьёзной сдаче американских позиций говорить по меньшей мере преждевременно, поэтому мы охарактеризовали бы состояние американской «мягкой» силы не как упадок, а более осторожно, как переход в нисходящую фазу.

---

<sup>115</sup> Silver L. Americans differ from peoples in other societies over some aspects of US “hard” and “soft” power // Pew Research Centre, November 1, 2021. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2021/11/01/americans-differ-from-people-in-other-societies-over-some-aspects-of-u-s-hard-and-soft-power/> (access 2.05.2023).

<sup>116</sup> Connaughton A., Clancy L., Gubbala S. Far more Americans see US influence on the world stage getting weaker than stronger // Pew Research Centre. 11.12.2022. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/12/22/far-more-americans-see-u-s-influence-on-the-world-stage-getting-weaker-than-stronger/> (access 2.05.2023).

Такие переходы представляют собой естественный процесс, и нечто подобное США уже переживали – после Вьетнамской войны. Однако, как известно, нисходящая тенденция буквально через несколько лет снова сменилась восходящей.

Надо сказать, что американский политический класс и экспертное сообщество весьма активно работают над разработкой технологий, которые позволили бы восстановить привлекательный образ Америки, – причем как в глазах самих американцев, так и в восприятии населения и политических элит других стран. Так, одним из направлений такой работы является конструирование согласующегося с этой задачей политического языка (к примеру: американские эксперты тщательно избегают используемого нами термина «многополярный мир», предпочитая говорить вместо этого о «фрагментации» и «фрагментированном мире»). Одной попыток технологической реновации в сфере инструментария «мягкой» силы стало и проведение в декабре 2021 и в марте 2023 г. так называемых «Саммитов за демократию», где президент Дж. Байден озвучил программу так называемого «демократического обновления». Представительство на этом виртуальном форуме было довольно широким – более 100 стран. Однако почти столько же стран не были на них приглашены, причем в этом числе оказались не только Россия и КНР, но и некоторые члены НАТО – проводящие независимую политику Венгрия и Турция. При этом почти половина участников последней встречи отказалась подписать итоговую декларацию. В итоге вместо восстановления неоспоримого глобального лидерства США, получается, скорее, разделение мирового сообщества на две почти равные части. А это означает, что «мягкая» сила США теряет глобальный характер, который она приобрела по итогам окончания «холодной войны»<sup>117</sup>. Тем не менее поиски идут, и мы бы не исключали того, что они могут дать определенные результаты. Но, полагаем, только при условии отказа от догмы американской исключительности и переосмысления образа страны, якобы всегда находящейся «на правильной стороне истории».

---

<sup>117</sup> Fukuyama F. The Future of American Power: Francis Fukuyama on the End of American Hegemony // The Economist. 18.08.2021.

Главный вывод, который был сделан в данном параграфе, состоит в том, что, начиная с президентства В. Вильсона, для «мягкой» силы США целенаправленно создается специализированная институциональная база. Эта институциональная база носит комплексный характер и включает в себя координирующие органы (Госдепартамент, ЦРУ), медиа-корпорации, образовательные учреждения, сетевые структуры, политические союзы, различные специализированные международные организации, ангажированные рейтинговые агентства и др. Но «фирменной» отличительной особенностью американской модели «мягкой» силы является использование технологий инфильтрации в социальное и политическое пространство других стран путём создания на их территории опорных структур американского (и вообще западного) влияния в виде финансируемых из-за границы НКО. Ещё один важный вывод из проведённого в этом параграфе анализа состоит в том, что, несмотря на огромный институциональный и технологический потенциал, «мягкая» сила США стала утрачивать глобальный характер. Это вынуждает американцев менять стратегию применения «мягкой» силы: если раньше, уверенные в своей неотразимости, они делали основную ставку на демонстрацию тех достижений и тех черт американского образа жизни, который, по их мнению, обеспечивали их притягательность в глазах остального мира, то теперь их главным инструментом становилось грубое подавление чужих источников «мягкой» силы посредством введения «культуры отмены». Тем не менее американский политический класс и экспертное сообщество активно работают над разработкой новых технологий, которые позволили бы восстановить привлекательный образ Америки, и потому говорить об упадке «мягкой» силы США пока преждевременно. Мы бы не исключали того, что усилия американских политтехнологов могут дать определенные результаты. Однако наш вывод состоит в том, что это возможно только при условии отказа от догмы американской исключительности и переосмысления образа страны, якобы всегда находящейся «на правильной стороне истории», в соответствии с определившимися к настоящему времени трендами формирования многополярного мира, построенного на принципе цивилизационного многообразия.

## **Глава 3. КУЛЬТУРА В ФУНКЦИИ «МЯГКОЙ» СИЛЫ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ОПЫТ КНР**

### **3.1. «Мягкая» сила восходящей державы**

На первых этапах политики реформ и открытости, положившей начало возвышению КНР, приоритетной задачей было обеспечить мир и стабильность как внутри страны, так и по периметру ее границ, без чего невозможно было сосредоточиться на задачах модернизации и обеспечить благоприятный режим развития. Но, по мере роста экономического, технологического и военного потенциала КНР, как в её руководстве, так и в интеллектуально-экспертных кругах стали все громче звучать призывы к выработке новых парадигм во внутренней и внешней политики, соответствующих появлению у страны принципиально новых интересов – а именно интересов глобальных.

В этом контексте понятен интерес тех кругов, которые участвуют в формировании и осуществлении политической стратегии КНР, к разработкам западной политической науки<sup>118</sup>. В Китае были переведены и изданы произведения интеллектуальных лидеров политической мысли Запада. Разумеется, работы Дж. Ная также не могли не обратить на себя внимание. Его концепция «мягкой» силы импонировала китайцам переключкой с укоренившейся в ханьской ментальности мыслью Сунь Цзы о том, что самыми великими являются победы, достигнутые без сражения с противником. К тому же эта концепция попадала в унисон с политическими императивами постмаоистской эпохи, когда Пекину было жизненно необходимо устранить застарелый страх соседних и близлежащих стран перед страной-гигантом с многомиллионной армией, полуторамиллиардным населением и хорошо известной в Азии способностью поглощать и ассимилировать. Одновременно возникала потребность в настройке психологии миллионов китайцев на волну политики «реформ и открытости». Происходила смысловая реаранжировка

---

<sup>118</sup> См.: Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследования // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2 (46). С. 189.

китайского патриотизма, формировался новый образ Китая как стремящейся к процветанию современной страны, восстанавливалось нарушенное «культурной революцией» и другими маоистскими эксцессами чувство связи с многовековой национальной традицией. Эти причины способствовали тому, что понятие «мягкой» силы легко и естественно вошло в китайский политический дискурс.

Среди высших китайских руководителей первым заговорил о «мягкой» силе как особой технологии политического влияния непосредственный предшественник Си Цзинпина на посту Генерального секретаря ЦК КПК и Председателя КНР Ху Цзиньтао. Китайский лидер анализировал проблему «мягкой» силы в свете предложенной им концепции «мирного возвышения» Китая. В связи с этим Ху Цзиньтао призвал активнее популяризировать китайскую культуру и в качестве особого направления в стратегии «мягкой» силы поставил задачу создания общего духовного очага китайской нации<sup>119</sup>.

Вообще говоря, приверженность тому, что Ху Цзиньтао говорил по поводу популяризации китайского культурного наследия и формирования позитивного образа КНР, китайские лидеры проявляли и раньше, хотя и в несколько других терминах. Еще в 1987 г. был образован Совет по распространению китайского языка, в который вошли руководители нескольких министерств. Постоянным рабочим органом этого Совета стала Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) с несколько двусмысленным статусом – с одной стороны она выступала как неправительственная организация, но с другой была подчинена Министерству образования КНР и тем самым входила в его структуру. Однако выступление Генерального секретаря ЦК КПК на партийном съезде выделяло наращивание потенциала «мягкой» силы в качестве особого стратегического приоритета государственной политики, определяло связи между различными ее

---

<sup>119</sup> См.: Лю Цзяйци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 150, 152.

направлениями и тем самым вносило во всю соответствующую деятельность элемент концептуальной системности.

Самым масштабным и, вероятно, самым резонансным китайским проектом, осуществляемым в рамках стратегии «мягкой» силы, стало создание сети институтов, школ и классов Конфуция, представляющих собой образовательные центры по изучению китайского языка и культуры. На фоне других глобальных культурно-образовательных проектов непрерывно расширяющаяся сеть институтов Конфуция выделяется широтой охвата. Своего пика развитие этой сети достигло к середине 2019 г. По состоянию на середину 2020 г. во всем мире насчитывалось свыше 540 институтов и классов Конфуция<sup>120</sup>. Это больше, чем располагают такие известные культурно-образовательные структуры стран Запада, как Британский совет, Институт Гете, Институт Сервантеса и Данте-коллеж вместе взятые. Со временем успешное развитие сети институтов и классов Конфуция вызвало на Западе сильное беспокойство. Против них были выдвинуты обвинения в том, что они работают на китайскую пропаганду и даже на китайские спецслужбы, а также занимаются созданием инфраструктуры влияния. В результате некоторые институты Конфуция были закрыты. Однако китайцы сумели вывести данный проект из-под удара путём ребрендинга, сохранив при этом его институциональную основу. В 2020 г. Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) получила новый статус и название – Центр языкового образования и сотрудничества, а юридические права на бренд «Институт Конфуция» были закреплены за формально негосударственным Китайским международным фондом развития образования (его учредителями выступали университеты, музеи, просветительские организации), а также Всемирная ассоциация преподавателей китайского языка<sup>121</sup>.

Важнейшим инструментом наращивания гуманитарного влияния КНР становятся академические и школьные обмены. Быстрое возвышение азиатского гиганта

---

<sup>120</sup> Confucius Institute Headquarters (Hanban). URL: <http://english.hanban.org/> (дата посещения 18.06.2020).

<sup>121</sup> Селезнева Н.В. Новый вектор «мягкой силы» Китая: трансформация политики в отношении институтов Конфуция // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т.27. № 27.

уже само по себе является веским мотивом, привлекающим в страну иностранных студентов, аспирантов, стажеров. Все понимают, что в ближайшие годы сотрудничество с КНР будет расширяться, и многие связывают с этим свои личные карьерные перспективы. Но Пекин располагает возможностями и для того, чтобы стимулировать увеличение притока международных студентов, используя разные технологии и приемы стимулирования заинтересованности – например, специальные стипендиальные программы (программа для молодых лидеров стран АСЕАН, программа Великой стены для студентов и ученых из развивающихся стран и др.)<sup>122</sup>. Практикуются и дополнительные формы поддержки. Так, в Шанхае, где сосредоточена значительная часть обучающихся в КНР иностранцев, создан специализированный фонд, который полностью или частично компенсирует им затраты на жилье. Число иностранных учащихся в КНР ежегодно увеличивается, и в настоящее время составляет около 500 тыс. В планы Министерства образования КНР заложена задача сделать Китай крупнейшим «образовательным хабом» Азии.

В период «культурной революции» её фанатики целенаправленно дискредитировали и разрушали национальное культурное наследие, нанося тем самым огромный ущерб тому величественному образу тысячелетнего государства-цивилизации, который был одной из главных основ гражданской лояльности и ханьского патриотизма. Фактически государство отказалось использовать во внутренних отношениях технологии «мягкой» силы, сделав ставку на идеологическое зомбирование и репрессии. Вместе с тем в ходе «культурной революции» КНР была практически полностью изолирована от международных культурных контактов. Но уже с первых шагов политики реформ и открытости страна принялась активно наверстывать упущенное. Китайские кинематографисты, музыканты, артисты начали активно участвовать в международных конкурсах за рубежом. Так, уже в 1980-х – 1990-х гг. громкую мировую известность приобрели имена китайских кинорежиссеров Чжан Имоу и Чэнь Кайгэ, сумевших за несколько лет завоевать

---

<sup>122</sup> Сайт Министерства образования КНР URL: [https://www.campuschina.org/content/details3\\_74776.html](https://www.campuschina.org/content/details3_74776.html) (дата посещения 6.11.2022).



целую серию самых престижных кинофестивалей. Китайское кино, еще недавно имевшее весьма незавидную репутацию, становится популярным, привлекает к себе внимание не только знатоков и ценителей, но и массовой киноаудитории в разных странах мира. Рассматривая этот успех с точки зрения концепции «мягкой» силы, можно сказать, что он обеспечил постоянное присутствие эстетически выразительных образов Китая на мировом экране.

Позднее китайцы воспользовались завоеванной репутацией и сделали следующий шаг: они стали проводить множество художественных конкурсов и фестивалей по разным видам искусства непосредственно на своей территории. Среди них особым успехом пользуются учрежденные в эти годы Пекинский и Шанхайский кинофестивали, на которые охотно приезжают самые известные звезды мирового кино, создавая рекламу как самим этим фестивалям, так и стране, в которой они проходят. Интересным имиджевым ходом является проведение художественных смотров совместно с другими странами, обладающими солидным и давно устоявшимся авторитетом в той сфере, в которую теперь хотели бы войти и китайцы. За счет этого Китай получает дополнительные репутационные бонусы. Так, учрежденный в 1992 г. в Москве конкурс юных пианистов им. Ф. Шопена с 2006 г. периодически проводился также и в Китае. Была установлена символическая связь между Шопеновскими конкурсами в Пекине и польской шопеновской традицией: они следовали тем же правилам, что и учрежденные еще в 1927 г. знаменитые конкурсы им. Ф. Шопена в Варшаве, а их победители получают право на участие в состязании музыкальных дарований в польской столице.

Такие искусно выстраиваемые цепочки смысловых ассоциаций работают на создание Китаю репутации поборника и хранителя классического наследия, причем – *общего наследия всего человечества*. Однако в не меньшей степени китайские политические стратеги озабочены созданием для Поднебесной образа современной, передовой страны и одновременно – «ответственной державы», способной в ближайшем будущем взять на себя роль мирового лидера. В китайских информационных источниках широко представлена тема достижений КНР в области науки

и высоких технологий, в особенности, в области искусственного интеллекта, 5 D-коммуникаций, ядерной энергетики, космонавтики, биомедицины, нанотехнологий, скоростного транспорта и т.д. Китай постоянно проводит у себя международные конференции и симпозиумы, на которые охотно приезжают известные ученые из разных стран мира. Всем им обеспечены и радушное внимание, и очень комфортные условия (в отличие от западных стран, китайская сторона нередко идет и на то, что оплачивает зарубежным участникам не только пребывание, но и проезд; во всяком случае автору диссертации известно несколько таких примеров с российскими учеными). Мероприятиям, посвященным наиболее приоритетным направлениям научно-технического прогресса, обеспечивается высший уровень политического патронажа, подчеркивающий внимание китайского руководства к развитию мировой науки. Так, например, участников Всемирных конференций по вопросам Интернета в Учжэне, на которые съезжаются представители IT-бизнеса и интернет-знаменитости из приблизительно ста стран, обычно приветствует сам Си Цзинпин. В этой связи следует обратить внимание также и на стремление Китая играть роль главного спонсора марксистской интеллектуальной традиции. После крушения СССР у КНР в этом отношении не осталось конкурентов. В 2020 г. планировалось проведение в Пекине грандиозного международного конгресса по марксизму, который, правда, не удалось провести по причине пандемии.

Важной смысловой составляющей создаваемого китайскими политическими стратегами образа КНР является репутация «ответственной державы». Эта репутация поддерживается разными способами, в том числе демонстрацией помощи бедным странам Азии, Африки и Латинской Америки. Уровень и объемы этой помощи уже сопоставимы с помощью стран Запада. Для этого создана постоянная институциональная инфраструктура, одним из главных элементов которой является Форум китайско-африканского сотрудничества. Обращаясь к участникам этого Форума, Председатель КНР Си Цзинпин говорил не больше и не меньше, как о

формировании китайско-африканского сообщества<sup>123</sup>. Китайцы постоянно подчеркивают, что их страна оказывает другим помощь не по расчету, а из соображений солидарности, ставя на первое место интересы партнеров. Тем самым подспудно формируется представление, что быстрый подъем Китая идет во благо не только самим китайцам, но и всему человечеству. Пекин неоднократно выступал с инициативой различных проектов в интересах обеспечения глобального устойчивого развития. Так, выступая на саммите по устойчивому развитию, проходившем в рамках 70-й Генеральной Ассамблеи ООН (2015), Си Цзинпин обещал к 2030 г. довести китайские инвестиции в развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки до 12 млрд долл.<sup>124</sup> В этом же выступлении он заявил о намерении КНР создать Международный центр изучения развития и Фонд сотрудничества «Юг – юг» для помощи развивающимся странам, а также предложил создать глобальную сеть источников энергии (с упором на чистую и зеленую энергетику). Китайцы построили плавучий госпиталь на 500 коек, который может быстро подойти к берегам стран, пострадавших от землетрясений или тайфунов<sup>125</sup>. В период пандемии КОВИД-19 на самом высоком уровне была обещана помощь развивающимся странам в борьбе с заболеванием, многим из них была предоставлена вакцина китайского производства.

Поскольку в информационном поле современной массовой культуры большое место занимает спорт, а спортивные достижения подсознательно воспринимаются как символическое воплощение «силы» нации, то спортивным подвигам и «героям спорта» как одной из составляющих образа динамичного Китая в стране уделяется первостепенное внимание. Государство опекает перспективных спортсменов, популяризирует их биографии, создает условия для роста их мастерства. Конечно, спорт в Китае – это особая тема, выходящая за рамки нашего исследования.

---

<sup>123</sup> Программная речь Председателя КНР Си Цзинпина на 8-й министерской встрече Форума китайско-африканского сотрудничества. 29 ноября 2021 г. // Сайт Форума китайско-африканского сотрудничества URL: [http://www.focac.org/focacdaakar/eng/zxyw\\_1/202112/t20211202\\_10461076.htm](http://www.focac.org/focacdaakar/eng/zxyw_1/202112/t20211202_10461076.htm) (дата обращения 6.11.2022).

<sup>124</sup> Стремиться к общему и устойчивому развитию, создавать партнерство на основе сотрудничества и взаимовыигрыша. Выступление Председателя КНР Си Цзинпина на саммите ООН по развитию // Сайт посольства КНР в Москве. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/> (дата посещения 20.06.2020).

<sup>125</sup> См.: Dooley H. J. The Great Leap Outward: China's Maritime Renaissance // The Journal of East Asian Affairs. 2012. Vol. 26. № 1.

Но в русле предмета нашей диссертации уместно заметить, что в постмаоистский период своей истории КНР сумела войти в число ведущих спортивных держав<sup>126</sup>.

Понятно, что для эффективной проекции «мягкой» силы на глобальное политическое пространство не меньшее значение, чем всевозможные акции и инициативы, имеют технологии претворения информационных поводов в поток информации, доходящей до населения различных стран мира. В этом направлении Пекин также действует очень настойчиво, опираясь при этом на созданную им мощную институциональную базу. Ее главные элементы – информационное агентство «Синьхуа», Центральное телевидение Китая (CCNV) с его многочисленными иноязычными аффилиациями, Национальное радио Китая (CRI), Шанхайская медиа-группа (SMG), Хунань бродкастинг систем (HBS), Няньфань жибао (Southern Daily Group) и др. – уже давно превратились в мощные мультимедийные конгломераты, сопоставимые по охвату национальной и зарубежных аудиторий, плотности корреспондентской сети и техническим возможностям с такими глобальными «фабриками» информационного контента, как BBC, CNN, Fox News или, к примеру, арабский канал Аль-Джазира<sup>127</sup>. В технологическом плане китайцы добиваются повышения плотности потока позитивно окрашенных новостей о Китае на информационных лентах мировых агентств. Для этого они умело создают массу информационных поводов – в частности, устраивая у себя множество резонансных политических, общественных, культурных и спортивных мероприятий (так называемая «дипломатия хозяйки»): Олимпийские игры 2008 и 2022 гг., Азиатские игры, всемирная выставка ЭКСПО-2010, саммит АТЭС 2014 г., встреча глав государств и правительств стран «большой двадцатки» (2016), IX (2017) и XIV (2022) саммиты БРИКС и др. В городке Боао разместилась штаб-квартира влиятельной неправительственной организации Боаский азиатский форум, здесь же она периодически

---

<sup>126</sup> Лю С., Лю Ч. Мягкая сила Китая: культура и спорт // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 2.

<sup>127</sup> Ткачёва Н.В. Национальные медиа как инструменты продвижения мягкой силы Китая // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2019. № 6.

проводит свои конференции, которые в международных политических кругах нередко именуют «азиатским Давосом».

Долгое время (по крайней мере с конца 1970-х гг.) безусловным приоритетом для Пекина было развитие экономического сотрудничества с США, Евросоюзом и Японией. Страна остро нуждалась в благосклонности Запада для того, чтобы получить западные инвестиции, технологии и доступ на рынки наиболее развитых и богатых стран. Стремясь заслужить эту благосклонность, Пекин следовал сформулированным главным архитектором политики реформ и открытости Дэн Сяопином принципам – в частности, его знаменитому указанию «держаться в тени», не демонстрируя своих амбиций и скрывая возможности. В то же время в сложный период смены моделей развития и перехода на рельсы рыночной экономики, Китай стремился заручиться благожелательным отношением к себе со стороны соседей, включая изначально враждебных по отношению к коммунистическому режиму союзников США в Юго-Восточной Азии. Их надо было убедить в том, что начавшееся в 1980-е гг. стремительное развитие огромной страны не создает для них никакой угрозы. В этот период КНР репрезентировала себя миру при помощи такой специфической формы «мягкой» силы, как «дипломатия улыбок». Это была дешевая, не связанная с особыми обязательствами, но довольно действенная технология – по крайней мере, благодаря ей китайское руководство вполне преуспело в создании вокруг своих границ «пояса добрососедства».

Однако по мере превращения КНР в современную, технологически развитую державу роль «скромной овечки», которую в течение нескольких десятилетий старательно играла огромная страна с полутора миллиардным населением, стала утрачивать свой смысл. Необходимость смены политических парадигм окончательно созрела к моменту прихода к власти пятого поколения китайских руководителей во главе с Си Цзинпином. Преодолев свою былую технико-экономическую отсталость и твердо встав на ноги, КНР должна была поменять и свои стратегические цели,

перейдя, обобщенно говоря, от задач обогащения к задачам усиления<sup>128</sup>. Соответственно, настроения китайской политической элиты менялись, значительная её часть стала всё громче высказывать мысль о том, что Китай теперь уже может вести себя как по-настоящему мощное государство. Это не означает, что китайские политические стратеги теперь уже рассматривают «мягкую» силу как второстепенную, но её роль на «внешнем контуре» китайской политики определенно подверглась пересмотру. Теперь технология ее применения предполагает, что она будет комбинироваться с демонстрацией потенциала «жесткой» силы, причем не только экономической, но и военной. В то же время, как отмечалось в китаеведческих публикациях, Си Цзинпин, в отличие от своих предшественников, стал говорить о *государственной* «мягкой» силе, подчёркивая ведущую роль государства в её использовании<sup>129</sup>. Таким образом, при Си Цзинпине китайское понимание феномена «мягкой» силы ещё сильнее расходится с американским и, вообще, западным.

В вопросе о месте КНР в современном мире, интеллектуальное ядро китайского руководства все больше начинает рассматривать свою страну не просто как экономически и технологически мощную и преуспевшую в игре по правилам рыночной экономики державу, но и как носительницу определенной идеи или, лучше сказать – исторической альтернативы, значение которой выходит далеко за пределы самой Поднебесной. В частности, при Си Цзинпине имидж страны как источник ее «мягкой» силы был соотнесен с определенной социальной моделью, соответствующей конфуцианскому идеалу гармоничного и благополучного общества *сяо кан*. Так в дискурсе «мягкой» силы появился новый смысловой ракурс – «китайская мечта». Через проблематику «китайской мечты» КНР осуществляет свою самопрезентацию не только внутри страны, но и в глобальном политическом пространстве, утверждая, что значение этой мечты намного шире государственных границ КНР. При этом «мягкая» сила КНР все более приближается к проектному

---

<sup>128</sup> См. подробнее: Ломанов А.Н. Современный Китай: внутренние и внешние вызовы на новом этапе преобразования // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 2. С. 103 - 112.

<sup>129</sup> Хубриков Б.О. «Мягкая сила» Китая в эпоху Си Цзинпина // Дискурс-пи. 2019. № 1 (34).

типу: как сказал Председатель Си, «Китай привнес китайскую мудрость и китайский вариант для решения проблем человечества»<sup>130</sup>.

Именно в таком ключе, в частности, рассматривается китайский мегапроект «Один пояс – один путь». Культурно-историческая и идеологическая его составляющие – все то, что относится к «мягкой» силе – не менее важны, чем экономическая и геополитическая. Можно сказать, что, реализуя данный мегапроект, Китай не только выстраивает для всех его участников общее пространство экономических обменов (фактически оно является расширенным экономическим пространством самого Китая), но одновременно формирует соответствующее ему информационное пространство и пространство смыслов, а в конечном счете также определенную «картину мира». В результате, как надеются китайские стратеги, на экономическом базисе нового «Великого пути» сложится сообщество стран единой судьбы, объединяемое не только коллективным материальным интересом, но и общей исторической перспективой формирования новой мировой цивилизации. Надо ли говорить о том, кто претендует на роль интеллектуального и духовного лидера этого сложного и многогранного процесса? И, соответственно, о том, насколько успех всего этого начинания важен для имиджевой политики Пекина и для наращивания его «мягкой» силы в целом? Но, разумеется, реализация такого колоссального мегапроекта (если его действительно удастся реализовать, по крайней мере, в том виде, как он задуман китайскими политическими стратегами) это дело не одного десятилетия. Пока же, используя проект «Один пояс – один путь» в качестве одного из факторов привлекательности и привлечения симпатий<sup>131</sup>, Китай рассчитывает решить совершенно конкретную и достаточно локальную политическую задачу – убедить весь мир в конструктивности своих намерений как ответственной за совместное процветание великой державы, а свое собственное население – в том, что страна под руководством КПК созрела для мирового лидерства и реально может на

---

<sup>130</sup> Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзинпин на XIX съезде КПК // Сайт агентства «Синьхуа». URL: <http://russian.news.cn/> (дата посещения 21.06.2020).

<sup>131</sup> Сафронова Е.И. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» и безопасность в Центральной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 4. С. 23 – 30.

него претендовать. А это, в свою очередь, должно отвратить политические элиты сопредельных государств от привычки искать поддержку у США и парировать обозначившееся в последнее время намерение американцев создать в Азии антикитайский политический фронт.

Повышенное внимание китайского руководства к наращиванию «мягкой» силы, расширению ее институциональной базы и совершенствованию технологии не прямых смысловых воздействий, естественно, вызвали настороженный интерес на Западе, политические и интеллектуальные элиты которого привыкли считать эту сферу своей монополией. Дж. Най, приглашенный в КНР для чтения лекций, выступил с интервью и статьями о «мягкой» силе Китая в ряде китайских и американских СМИ. В целом он позитивно оценил намерение китайского руководства использовать этот политический инструмент. Однако конечный вердикт маститого американского теоретика оказался довольно скептическим. В КНР, поучал он читателей, не до конца понимают сущность «мягкой» силы. Там видят ее источник в государстве, а назначение – в обслуживании его политики, тогда как на самом деле речь должна идти о «третьем секторе», отдельных людях, частных сообществах. Правда, эти тезисы американский политолог не доказывал, а декларировал как самоочевидные, причем, что характерно, ссылаясь при этом на пример Америки, «мягкую» силу которой создает якобы не государство, а гражданское общество во всех его ипостасях – от Гарварда до Голливуда<sup>132</sup>.

Как полагает Дж. Най, непоправимый ущерб привлекательности КНР наносят репрессии против диссидентов и ряда национальных меньшинств, визовые ограничения для критически настроенных по отношению к китайским коммунистам зарубежных журналистов и т.п. Да, признал он, пример Китая и его опыт во многих странах находят привлекательным. Но тут же сделал показательную оговорку, переводя это признание в довольно двусмысленную формулу: конечно, Китай имеет право применять свою «мягкую» силу, что бы ни думали по этому поводу на Западе, но... в целом ряде случаев (например, когда Пекин перекрывает каналы

---

<sup>132</sup> Nye J. China's Soft Power Deficit // The Wall Street Journal, May 8, 2012; Nye J. What China and Russia Don't Get about Soft Power // Foreign Policy. April 29, 2013.



антикитайской пропаганды или стимулируют самоцензуру работающих в Китае иностранных корреспондентов) это применение становится «нелегитимным» (?)<sup>133</sup>.

Конечно, КНР – не либеральная демократия, в этом Дж. Най прав. Конкретные факты репрессивных действий китайских властей, которые он приводит, тоже соответствуют действительности. Однако это вовсе не значит, что граждане КНР вообще бесправны и не пользуются никакими свободами. С другой стороны, было бы очень интересно послушать, что скажут по поводу репрессий и репрессивных государств участники движения «Black lives matter» (мы имеем в виду, конечно, не эксцессы, а обоснованные протесты по поводу убийства полицейскими чернокожих американцев). Весьма спорно противопоставление «мягкой» силы КНР и США на том основании, что первая исходит от государства и государственных органов, а вторая – от гражданского общества. Ведь не секрет, что институциональная инфраструктура «мягкой» силы США лишь формально состоит из неправительственных организаций; на самом же деле их возглавляют отставные чиновники внешнеполитических ведомств, либо лица, давно с ними сотрудничающие, а главным источником финансирования являются никакие не «общественные пожертвования», а специальные фонды, контролируемые Госдепом и ЦРУ.

Нельзя не заметить и того, что в своей критике Дж. Най делает упор на то, что может вызывать сочувственный отклик у либерально настроенной части среднего класса США и ЕС. Думается, однако, что для лаосского крестьянина, камбоджийского врача, киргизского энергетика, гвинейского учителя или алжирского военного популяризируемые американской пропагандой темы, связанные с китайскими диссидентами, намного менее значимы, чем вдохновляющий пример азиатской страны, сумевшей не только перейти из «третьего» мира в «первый», но и стать фактически вровень с ведущей глобальной сверхдержавой – США. Так что тот подход к оценке «мягкой» силы различных стран, который Дж. Най продемонстрировал на примере сопоставления США и КНР, пригоден лишь для морализаторских сентенций, но не для политической науки или, тем более, для практической

---

<sup>133</sup> Nye J. China's Soft and Sharp Power // Project Syndicate, Jan. 4, 2018.

политики. На самом деле сравнивать «мягкую» силу различных государств надо не в плане легитимности (вообще, насколько можно говорить о легитимности каких-либо технологий, в том числе политических?), а прежде всего в плоскости эффективности. В этом смысле сопоставление технологий «мягкой» силы не слишком отличается от сравнительной характеристики параметров силы «жесткой». Если война выиграна, то не важно, были ли победители одеты в красивые мундиры или в неказистые ватники. Соответственно, совершенно неразумно третировать усилия государства по наращиванию «мягкой» силы просто потому, что это кому-то кажется «неправильным».

В этом плане нам близок подход китайских ученых, поскольку он основан на более реалистичном понимании технологий политического влияния, чем догматический нормативизм Дж. Ная и западной политической науки в целом. Китайские теоретики фактически допускают альтернативные модели «мягкой» силы и по сути дела подошли к идее *параллельного доминирования*, которая представляется очень перспективной для построения теории многополярного мира. Суть её в том, что «мягкая» сила не имеет какой-то универсальной конфигурации: одни ее носители имеют преимущество в одном, другие в другом. «Мы должны учиться у Запада демократии, свободе, правам человека..., – признают китайские авторы. – Но западный мир, обезумевший от погони за личной выгодой, должен воспользоваться традиционной китайской медициной и избавиться от этого яда»<sup>134</sup>. Фактически это своего рода программа исправления установленного в современном мире социального порядка путем распространения ценностей конфуцианской цивилизации взамен западных или же (что, может быть, точнее) наряду с ними. Но при этом соревнование на поле применения технологий «мягкого» влияния не должно привести к искушению перейти к использованию «жесткой» силы, что, в частности, могло бы спровоцировать военное столкновение КНР с США.

---

<sup>134</sup> Чжань Десюн. Запад и «мягкая сила» китайской культуры // Иносми.ру, 25.03.2010). URL: <https://inosmi.ru/20100325/158804621.html> (дата посещения 6.05.2023).

Повторим в качестве итога сказанному в данном параграфе: концепция «мягкой» силы была с готовностью подхвачена как китайским политическим руководством, так и экспертным сообществом, которые усматривают в «мягкой» силе основное средство для формирования образа КНР как «ответственной державы». Вот уже на протяжении нескольких десятилетий КНР проводит политику активного наращивания потенциала «мягкой» силы, расширения её институциональной базы и технологий не прямых смысловых воздействий. Самым масштабным проектом Пекина в области «мягкой» силы является создание глобальной сети Институтов и классов Конфуция. Фактически связанную с «мягкой» силой компоненту имеет и китайский экономический мегапроект «Один пояс – один путь». Вместе с тем в трактовке «мягкой» силы китайцы не разделяют догматического нормативизма Дж. Ная и, по сути дела, первыми начали разрабатывать альтернативную ему концепцию и стратегию, приспособленную к специфическим задачам и возможностям КНР. В рамках своего понимания «мягкой» силы Пекин по сути дела выдвинул своего рода программу исправления установленного в современном мире социального порядка путем распространения ценностей конфуцианской цивилизации отчасти взамен западных, отчасти же в дополнение к ним. Таким образом, современные китайские политические теории фактически допускают альтернативные модели «мягкой» силы и по сути дела подошли к идее *параллельного доминирования*, которая представляется перспективной для обоснования многополярного мира.

### **3.2. Могущественное культурное государство: концепция и ее практическая реализация**

Если Дж. Най выдвигает на первый план политические ценности и ведет речь о преимуществах либеральной демократии западного типа, то у китайских политических деятелей и экспертов главным компонентом «мягкой» силы выступает культура<sup>135</sup>. С их точки зрения, особенности культуры выступают главным фактором,

<sup>135</sup> См.: Медушевский Н.А., Ермакова А.Н. Мягкая сила: американский и китайский подходы // Теории и проблемы политических исследований 2022. Т. 11. № 4-1; Glaser B., Murphy M. Soft Power with Chinese Characteristics: The Ongoing Debate // Chinese Soft Power and Its Implications for the United States. A Report of the CSIS Smart Power Initiative. March, 2009. P. 10 – 26. URL:

определяющим имиджевую привлекательность и духовно-политическое влияние той или иной страны. В докладе китайского лидера Си Цзинпина XX съезду КПК 16 октября 2022 г. речь шла о необходимости укреплять *культурную* (подчеркнуто мной – И.А.) «мягкую» силу Китая и о мудрости многовековой китайской цивилизации<sup>136</sup>. По умолчанию понятно, что активное продвижение позитивного образа Китая в мире, помогает решать и некоторые достаточно сложные внутренние проблемы – в частности, налаживать диалог между сформировавшимся в условиях относительной открытости молодым поколением и партийно-государственным руководством КНР, поскольку сознание того, что страна вызывает интерес и уважение других народов, способствуя повышению самооценки китайцев, в определенном смысле компенсирует довольно сильно проявляющееся у молодежи влечение к западным ценностям.

Думать, по примеру Ная, что смещение акцента с политических ценностей на культуру, объясняется «неправильным» пониманием природы «мягкой» силы, чрезвычайно наивно. На самом деле это вовсе не банальная «ошибка», а вполне разумный и обоснованный выбор. Очевидно, что китайцы не хотели бы ввязываться в бесконечное муссирование таких тем, как демократия, конкуренция политических проектов, политические свободы, права человека и т.п., в которых они чувствуют себя недостаточно уверенно, а стремятся перенести акцент на такую сферу, где у них есть неоспоримые козыри. Ведь какую бы оценку мы ни дали обществу строю народной республики и ее идеологии, величие, всемирно-историческое значение и совершенно своеобразная эстетика китайской культуры никого не оставляют равнодушным. Притом эта культура уходит далеко вглубь веков и окружена такой притягательной аурой величественной древности, с которой не сравнится ни одна другая цивилизация. За пять тысяч лет своей истории Китай не раз переживал не только взлеты, но и страшные катастрофы. Ему постоянно

---

[https://books.google.ru/books?id=6ac9xolERJwC&pg=PA10&hl=ru&source=gbs\\_toc\\_r&cad=3#v=onepage&q&f=false](https://books.google.ru/books?id=6ac9xolERJwC&pg=PA10&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false). (access 24.05.2020).

<sup>136</sup> Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду Коммунистической партии Китая. С. 16, 22, 42 // Сайт агентства «Синьхуа». URL: <https://russian.news.cn/20221025/b32a2a0cff064246838b0999eedebaa/c.html>

угрожали воинственные соседи, с которыми он далеко не всегда мог справиться. И именно обаяние китайской культуры обеспечила несравненную жизнеспособность государственной традиции Поднебесной, которая, как сказочный Феникс, неизменно возрождалась из руин и пепла.

Стремительное восхождение КНР, всего за три десятилетия прошедшей путь от отсталой, бедной страны до глобальной сверхдержавы, стимулирует повсеместный интерес и к китайскому языку, и к китайскому культурному наследию, и к современным явлениям жизни великой страны. Естественно, что Пекин стремится в полной мере использовать эту благоприятную для него ситуацию. В качестве теоретической основы применения технологий влияния, ориентированного на максимально эффективное использование «мягкой» силы КНР и ее специфических преимуществ, выступает концепция *«могущественного культурного государства»*. Под этим термином понимается государство, располагающее значительными культурными ресурсами и творческим потенциалом, но, сверх того, еще и способностью проецировать свою культуру вовне<sup>137</sup>, используя имеющееся в его распоряжении культурное богатство как один из инструментов завоевания массовых симпатий. Характерные признаки могущественного культурного государства: способность генерировать культурные инновации, проникающие в повседневную жизнь общества; лидирующее положение на мировом рынке культурной продукции; собственные каналы распространения культурных ценностей<sup>138</sup>.

Решающее значение для создания могущественного культурного государства имеют так называемые культурные индустрии. Это понятие, введенное в свое время Хоркхаймером и Адорно<sup>139</sup>, китайцы используют для обозначения сферы производства массовой развлекательно-информационной продукции, которая (сфера), в силу объемов создаваемой здесь стоимости, приобрела значение одной

---

<sup>137</sup> См.: Цзи Юэшэн. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации // Власть. 2017, № 10. С. 148 – 154.

<sup>138</sup> См.: Гомзякова О.А., Абрамова Н.А. Сущностные характеристики китайской стратегии построения «могущественного культурного государства» // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Сборник Восточного центра. 2014. № 15. С. 152.

<sup>139</sup> Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб: Медиум, Ювента, 1997. С. 149 – 209.

из ведущих отраслей экономики. Сюда относятся в первую очередь радиовещание, кино и телевидение, создание мультимедийной видеопродукции (анимационные фильмы, компьютерные игры, разного рода инсталляции и световой дизайн), некоторые направления полиграфии (издание таблоидов, комиксов и манга, буклетов, «мужских» и «женских» журналов, разного рода рекламных альбомов и т.п.), поп-музыка, туризм и вообще sightseeing, сувенирный бизнес и т.п. Поскольку культурные индустрии ориентированы не только на внутреннее потребление, но и на экспорт, их развитие неразрывно связано с формированием образа страны, наращиванием ее культурного влияния, а порой и с решением некоторых пропагандистских задач (конечно, не столько в прямой, сколько в косвенной форме).

Развитие потенциала культурных индустрий является предметом особой заботы стратегов китайского культурного наступления. Здесь они проявляют немалую гибкость, используя весьма разнообразные инструменты и технологические приемы. Заслуживает упоминания, в частности, тактика продвижения китайского контента через иностранные, в том числе и западные, коммуникативные площадки и сети, которая в специфически китайском метафорическом стиле известна как «арендовать лодку и выйти в море» (借船航海): имеется в виду сотрудничество с зарубежными партнерами в производстве и распространении культурной продукции, в результате чего китайский арт-бизнес получает доступ к их творческому опыту, маркетинговым сетям и пользуется их содействием в продвижении своих фильмов, музыкальных дисков, видеоигр и т.п. С другой стороны, через туризм китайцы привлекают иностранных потребителей на внутрикитайский рынок культурной продукции. Китайские делегации активно участвуют в работе международных форумов по индустриям культуры, а также проводят такого рода мероприятия на своей территории. Так, в частности, большой популярностью пользуются международные ярмарки культурных индустрий в г. Шэньчжэне (в сентябре 2021 г. состоялась 17-я такая ярмарка, в которой приняли участие более 2,5 тыс. организаций из разных стран мира). Благодаря грамотным действиям китайских промоутеров, к настоящему времени удалось обеспечить постоянное присутствие образов Китая, соответствующих лейтмотивов и тем, в мировой массовой культуре, продукция

которой затем возвращается в собственно китайское культурно-информационное пространство. В силу этого китайцы получают позитивные образы своей страны не только от собственного правительства, но также и извне, что, безусловно, очень важно для формирования самосознания граждан мировой державы. В то же время в странах, связанных с Поднебесной устойчивыми политическими, экономическими и культурными связями, формируются группы политиков и интеллектуалов, которые, перефразируя одно известное выражение из лексикона современной политики, можно назвать «понимающими Китай».

Есть, однако, и проблемы. Хотя КНР достиг мирового первенства по экспорту товаров и услуг, на рынке культурной продукции страна занимает скромные позиции: на долю США приходится на порядок больший сегмент этого рынка, чем на долю КНР. Причем здесь Китай проигрывает не только США и странам Западной Европы, но и Японии с ее аниме и мангами, Южной Корее, которая стала одним из лидеров мировой индустрии поп-музыки (так называемая «корейская волна» – халлю), и даже небольшому городу-государству Сингапур<sup>140</sup>. Из всех культурных индустрий наибольшего успеха китайцы, как уже отмечалось, достигли в кинематографе<sup>141</sup>, но и здесь они всё ещё не могут бросить вызов Голливуду, да и современные корейские (Пон Чжун Хо), а также японские (Такэси Китано, Ясудзиро Одзу) режиссеры для киноаудитории не менее значимы, чем китайские.

В этой связи надо учесть, что «мягкая» сила рассчитана не столько на интеллектуалов и эрудитов, сколько на «человека массы», который не станет вникать в глубинный смысл изречений Конфуция, вряд ли когда-нибудь откроет томик стихов Ли Бо и, попав почти случайно на выставку, скорее всего, лишь мельком пробежит глазом по причудливой вязи каллиграфических надписей. И это касается не только иностранцев, но и находящегося в глобальном информационном поле молодого поколения китайцев. Реально значимые для него смыслы и ритмы задает

---

<sup>140</sup> Тарасова Д.А. Экспорт массовой культуры как слабое звено мягкой силы Китая // Научные ведомости Белгородского госуд. университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 1; Борох О.Н. Роль культуры в наращивании потенциала «мягкой силы» КНР // Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 65.

<sup>141</sup> Ичэн Х. Китайский кинематограф как эффективный сектор культурной индустрии КНР // Научный поиск в сфере современной культуры и искусства. Материалы научной конференции. Минск: БГУКИ, 2022.

прежде всего глобальная массовая культура, которая в значительной мере формировалась под западным влиянием. И на этом поле китайские «игроки» пока демонстрируют, хотя и неплохие, но пока все же не «чемпионские» результаты.

Хорошо известна способность китайцев перенимать и осваивать достижения других стран и народов, которые в результате кропотливой доводки им даже порой удается усовершенствовать. Но, когда речь идет о сфере культуры, то здесь возникает непростая проблема натурализации заимствований, или, если можно так выразиться, превращения иностранного в китайское. И этого как раз чаще всего добиться не удается. Сошлемся лишь на один пример. Отделы детских игрушек в универмагах всего мира буквально завалены продукцией китайских фабрик, давно уже вытеснившей оттуда изделия других производителей. Но что за образы воплощены в этой китайской продукции? Спайдермены и Супермены, покемоны, Халки, кукла Барби, модели американских автомобилей и самолетов – все это весьма и весьма далеко от культурных образцов, которые можно идентифицировать с китайской традицией<sup>142</sup>. Следует добавить, что иностранная культурная продукция идет нарасхват и в самой КНР, тогда как экспортировать «стопроцентно китайский» культурный продукт, в общем и целом, достаточно трудно.

Надо отдать китайцам должное: эта проблема для них очевидна и является причиной для беспокойства. Получается, что несмотря на быстрый экономический рост и успехи в создании цифровых технологий, оцифровывать в самом продвинутом 5 D формате придется в основном культурно-информационный контент западного происхождения. А это, как отмечалось, вопрос воспитания новых граждан Поднебесной, а значит, и вопрос воспроизводства ханьской идентичности. Получается, что пока «могущественное культурное государство» строит планы по поводу наращивания своей «мягкой» силы, его собственное население подвергается обработке при помощи технологий подспудной «цивилизационной перекодировки».

Для того, чтобы ликвидировать или, по крайней мере, смягчить разительную диспропорцию между культурным потенциалом КНР в целом и ее долей на

---

<sup>142</sup> См.: Борох О.Н. Роль культуры в наращивании потенциала «мягкой силы» КНР // Мягкая сила в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 77.



мировом рынке культурной продукции, китайские власти в союзе с бизнесом предпринимают различные шаги, демонстрируя при этом всю гибкость характерного для китайцев стратагемного мышления<sup>143</sup>. При этом китайцы действуют очень изобретательно, находя весьма оригинальные средства для решения стоящих перед ними задач. Хорошей иллюстрацией к тезису о креативности китайских технологий «мягкого» влияния может служить так называемая «дипломатия панд». Суть ее в том, что китайская сторона на длительный срок передает зоопаркам стран-партнеров чрезвычайно популярных во всем мире и давно уже ставших живым символом Китая больших панд. Присутствие этих любимых всеми животных, конечно же, сразу повышает привлекательность местных зоопарков; но вместе с тем симпатия, которая возникает у людей, наблюдающих за уморительными играми панд, невольно переносится и на страну, символом которой они стали и которая сделала местным жителям такой подарок (технология переноса смыслов)<sup>144</sup>.

Среди технологий, используемых для наращивания «мягкой» силы КНР, отметим целенаправленное формирование эмоциональной привязанности к китайским брендам, а также адаптацию китайского культурного продукта к перспективным глобальным трендам. Правда, при этом часто получается так, что китайский продукт утрачивает свои характерные национальные черты. Например, оригинальность китайской анимации 1950-х – начала 1960-х гг. была связана с тем, что ее создатели следовали приемам традиционной китайской живописи. В последнее же время в китайской анимации используются самые разнообразные техники; значительное распространение приобрели, в частности, подражания популярным японским аниме, но в результате своеобразная, легко узнаваемая китайская стилистика практически исчезает.

Добиваясь расширения своего культурного влияния, китайцы прибегают к комбинированной стратегии. С одной стороны, они проводят в отношении своего кино- и видеопроизводства жесткую протекционистскую политику и в то же время

---

<sup>143</sup> См.: Зенгер Х. фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. В 2-х т. М.: ЭКСМО, 2004.

<sup>144</sup> См.: Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций, 2014, т. 9, № 2.

очень оперативно внедряют современные способы распространения видеопродукции, включая развитие стриминговых сервисов<sup>145</sup>. С другой стороны, они прибегают к уже упомянутой нами технологии «арендовать лодку». Так, они взяли курс на активное проникновение своего капитала в зарубежный медиабизнес. Предоставляя западным продюсерам и дистрибьюторам доступ к многомиллионной китайской аудитории (который, кстати говоря, жестко квотируется), а также создавая совместную экранную продукцию, китайцы получают взамен новейшие технологии, накапливают бесценный опыт организации кинопроизводства и продвигают китайские фильмы в контролируемые американцами прокатные сети других стран. Например, Dalian Wanda Group (туристические агентства, отели, караоке-бары) приобрела контрольный пакет акций кинокомпании Legendary Pictures (известна участием в создании фильмов о Бэтмене и Супермене), вошла в альянс с Sony Pictures (в состав которой входят легендарные Columbia Pictures и Metro Goldwyn Meyer), заключила сделку на приобретение одной из крупнейших американских киносетей Carmike Cinemas. В свою очередь Shanghai Film Groups и Huahua Media инвестировали средства в знаменитую Paramount Pictures и т.д. Китайский капитал финансирует и европейское кинопроизводство, предпринимает усилия к тому, чтобы поставить под свой контроль кинопрокатные сети Индии. Благодаря такой политике китайцы получили в свои руки механизмы и рычаги, позволяющие им оказывать влияние на содержание кино- и видеопродукции, производимой в разных странах мира. И хотя китайцы по своим возможностям всё ещё существенно уступают американцам, которые сохраняют в своих руках контроль не только над глобальной системой дистрибуции, но и над институциональной инфраструктурой символического признания культурных достижений (присуждение различного рода премий, наиболее престижные кинофестивали и т.д.), в настоящее время только КНР могла бы в обозримом будущем реально оспорить гегемонию США в области кино<sup>146</sup>.

---

<sup>145</sup> Паксютов Г.Д. Влияние стриминговых сервисов на киноиндустрию и стратегии мягкой силы Китая Южной Кореи и Японии // Полис. Политические исследования. 2023. № 2.

<sup>146</sup> Паксютов Г.Д. Фабрика грёз – теперь с Востока // Россия в глобальной политике. 2021. № 3 (109). С. 133.

Стремясь к расширению сферы своего влияния, «могущественное культурное государство, избегает характерной для США (а раньше и для СССР) прямолинейной веры в абсолютное превосходство собственного общественного устройства, образа жизни и политических ценностей. Так что КНР не ищет универсальной «формулы привлекательности», подходящей и для самих китайцев, и для шведов, сенегальцев, бразильцев, русских или узбеков. Стремясь привлечь к себе симпатии разных целевых аудиторий, китайцы «нажимают на разные кнопки», используя дифференцированные стратегии и очень разнообразные политические технологии.

Приведем лишь несколько примеров использования дифференцированных технологий культурно-исторического и позиционирования Китая в разных политико-географических ареалах. В отношениях со странами своего ближайшего окружения, в частности, с Японией, которая не нуждается в экономической и технологической помощи со стороны своей западной соседки, китайские политики предпочитают делать акцент на неких «азиатских ценностях», пробуждая чувство региональной солидарности. С другой стороны, они используют подспудную неприязнь к Западу, все еще ассоциирующемуся в исторической памяти вьетнамцев, бирманцев, малайцев, камбоджийцев с колониальным господством. Себя же китайцы позиционируют как «своих», и даже если с кем-то из соседей у них были конфликты, они, китайцы, все равно понимают их лучше, чем «чужие».

Важным направлением культивирования общего наследия стран Юго-Восточной, Восточной и Южной Азии является так называемая «буддийская дипломатия». Китайская буддистская ассоциация (едва ли надо специально говорить о том, что она тесно сотрудничает с государственными органами КНР) активно участвует в укреплении и наращивании «мягкой» силы КНР как во внутренней, так и во внешней политике. Ассоциация взаимодействует с единоверцами во всех странах мира, а правительство КНР частично финансирует такие резонансные мероприятия, как Всемирные форумы буддистов. Пекин регулярно организует выставки буддийского искусства, он принял участие в возрождении знаменитого буддийского университета и монастырского комплекса V – XII вв. Наланда (Индия), при котором, согласно условиям спонсирования, будет создана библиотека китайских

учений. Подчеркивая свою приверженность общим духовным корням, китайские чиновники (в большинстве своем, естественно, члены компартии) смиренно посещают буддийские храмы, в особенности во время визитов в страны буддийского конфессионального ареала, при этом они достаточно эффективно используют разветвленные связи буддийских общин для того, чтобы обходить острые углы и сглаживать противоречия<sup>147</sup>.

Представляется, что буддизм является наиболее универсальной духовной основой для установления духовного контакта Поднебесной с населением большинства соседних стран, включая те, с которыми у нее были серьезные конфликты в прошлом или имеются неурегулированные проблемы в настоящее время. Но, разумеется, при этом используются и другие возможности, и там, где это целесообразно, расставляются и другие смысловые акценты. Так, например, применительно к Вьетнаму и КНДР это общая причастность к мировому коммунистическому движению, наработанные в течение семи десятилетий межпартийные связи КПК с Компартией Вьетнама и Трудовой партией Кореи. В отношениях же с развивающимися странами, не разделяющими ни наследия буддизма, ни наследия коммунизма, Пекин опирается на свои почти столь же давние связи с Движением неприсоединения и успешно поддерживаемый им образ лидера «третьего мира». Китайская пропаганда создает имидж надежного покровителя бедных стран «глобального Юга», который, в отличие от Запада (да и от России тоже), является не просто внешним «благодетелем»: в некотором смысле он «свой», ведь Китай на собственном опыте знает, что такое отсталость, бедность, колониализм, но он сумел разумной политикой и напряженным трудом народа сбросить с себя груз тяжелого прошлого, а теперь помогает в этом другим.

Понятно, что, создавая образ КНР – покровительницы бедных развивающихся стран, китайцы руководствуются отнюдь не чистым альтруизмом: ведь симпатия со стороны народов и правительств стран Азии, Африки, Южной Америки –

---

<sup>147</sup> Бадмаев В.Н. Буддийская дипломатия: идеи и практика // Вестник Калмыцкого университета. 2021. № 1 (49). С. 111 – 117.

это своего рода невидимый ключ, открывающий доступ к богатейшим природным ресурсам. И надо признать, речь идет не о каком-то образе-симулякре. Едва ли кто-либо еще реализует в развивающихся странах столько социально значимых проектов, как КНР. Так, китайцы системно работают над развитием транспортной инфраструктуры; в настоящее время они финансируют на «черном континенте» свыше 3000 необходимых для развития африканских стран инфраструктурных проектов. Большое внимание уделяется и такой острой проблеме, как повышение уровня здравоохранения. И это не только борьба с эпидемиями и вакцинация или помощь в подготовке медицинского персонала и организации первичного медицинского обслуживания, но и весьма затратная высокотехнологичная медицина: центр репродуктивного здоровья в Уганде, кардиологический центр в Танзании, лаборатория биотехнологий в Кении и др.<sup>148</sup>

Надо сказать, что используемые Китаем политические технологии завоевания на свою сторону бедных стран «глобального Юга» в последние годы сталкиваются с возрастающим противодействием Запада, и в особенности, США, наконец-то осознавших, что, инвестируя в Китай, который в 1970-е – 1980-е гг. рассматривался как раскалывающий мировое коммунистическое движение соперник СССР, они в итоге вырастили мощного конкурента самим себе. Выстраивая антикитайский фронт и пытаясь затормозить развитие своего главного конкурента, американцы все громче обвиняют КНР в агрессивности, а в отношении стран Азии, Африки и Латинской Америки – в неокOLONIALИЗМЕ. Но китайская сторона парирует эти обвинения сразу несколькими убедительными аргументами. Во-первых, она подчеркивает, что помогает всем – в том числе и государствам, бедным природными ресурсами и, с этой точки зрения, вроде бы не представляющими особого интереса. А, во-вторых, напоминает, что КНР готова делиться современными технологиями и выступает для многих в качестве главного партнера в деле индустриализации. Важно, что при этом Пекин никогда и никого не пытается «учить жить»,

---

<sup>148</sup> Дейч Т.Л. Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2022. № 7; Она же. Китай в Африке: «неокOLONIALИЗМ» или «win-win» стратегия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 135.

не требует от других стран соблюдения каких-то «стандартов демократии», а работает, если можно так выразиться, с тем, что есть налицо.

Разумеется, китайская внутренняя и внешняя политика не безупречны. Но тем не менее антикитайские выпады западных политиков и СМИ реально действительны преимущественно в западном информационном пространстве. С одной стороны потому, что за пределами этого пространства, в особенности, в развивающихся странах, КНР – в отличие от США, стран ЕС, прозападной Японии, а в какой-то мере и России – воспринимается как антигегемонистская сила. А, во-вторых, потому, что западным «фабрикам новостей» при всей их организационно-технологической и финансовой мощи не удастся подавить механизмы, при помощи которых «могущественное культурное государство» со столицей в Пекине транслирует в информационное пространство свои культурные коды, идеи, трактовки различных событий, проекты и другие смысловые элементы, из которых складывается его имидж. Технологически мощь западных СМИ успешно парируется использованием уже упоминавшегося тактического приема «арендовать лодку».

Задача сменить вектор политического сознания западной аудитории перед Пекином пока не стоит в силу ее нереалистичности. На этом направлении Пекин пока будет ограничиваться стимулированием интереса к Китаю в чисто культурной плоскости. Но зато медийные структуры и СМИ стран «третьего мира» для китайцев вполне могут стать институциональными партнерами, и тем самым успешно влиять на общественные настроения в азиатских, африканских и некоторых латиноамериканских странах. Ещё в 2008 г. медиакорпорация «Синьхуа» выступила соучредителем китайско-африканского агентства новостей; затем она же учредила оператора мобильной связи Safari.com и совместно с кенийскими партнерами начала поставлять новостной материал для мобильных телефонов. Помимо выстраивания институциональных связей китайцы налаживают взаимодействие с журналистскими сообществами развивающихся стран на личном и профессиональном уровне. С этой целью проводятся совместные мероприятия разного формата (например, китайско-африканские медиафорумы). В настоящее время в Африке развернули свою деятельность несколько крупных китайских медиа-

конгломератов (Radio China International, CGTN, Синьхуа-Африка и др.), которые ведут вещание как на английском, французском и китайском языках, так и на некоторых африканских. Вместе с тем китайцы активно инвестируют в местные радиотелевизионные компании. Так, несколько лет назад Radio China International приобрела 20% акций второй по величине южноафриканской медиакомпании Independent Media. Эти действия позволяют китайцам контролировать трансляцию на африканскую аудиторию, блокируя нежелательную для них информации (например, о положении в Синцзян-Уйгурском автономном районе), но акцентируя внимание на достижениях КНР и убеждая африканскую аудиторию в особой психологической близости африканцев и китайцев. Эта стратегия «информационной инфильтрации» с тревогой была встречена старыми колониальными державами – Францией и Великобританией, вынудив их значительно увеличивать ассигнования на противодействие «мягкой» силе Китая и продвижение собственного имиджа в африканских странах<sup>149</sup>.

Важнейшее место в стратегии «могущественного культурного государства» отводится использованию в качестве инструмента «мягкой» силы сотрудничества в образовании и науке. Пекин плотно опекает страны, которые не имеют научно-исследовательских структур и учебных заведений мирового класса, и для которых дружественное покровительство со стороны такой исторически близкой к «третьему миру» державы, как КНР, открывает перспективу когда-нибудь «дотянуться» до этого пока еще «заоблачного» для них уровня. При этом, взаимодействуя с уроженцами этих стран, китайцы придерживаются подчеркнуто уважительного тона, выстраивая отношения как бы на равных. Они не только помогают создавать школы, учебные центры и профессиональные колледжи, готовящие кадры по доступным для местного населения массовым специальностям (медицина и

---

<sup>149</sup> Mahloubi S. Quand les médias chinois s'exportent en Afrique // La revue de medias. Publié le 18 janvier 2021. URL: <https://larevuedesmedias.ina.fr/chine-afrique-influence-medias-covid-19>

ветеринария, электротехника, телекоммуникации, технологии растениеводства и др.), оснащают их компьютерами и другим оборудованием, но и дают почувствовать, что предлагают нечто намного более капитальное, чем элементарная помощь: они помогают развивать местные таланты. Скажем, только в Африке создано более 20 филиалов китайских университетов, а в самом Китае сейчас учится больше африканских студентов, чем непосредственно на «Черном континенте». Некоторое время назад китайские университеты получили право самостоятельно, без санкции министерства решать вопросы сотрудничества с университетами африканских стран, что придало этому сотрудничеству новый импульс и сделало его, с одной стороны, более оперативным и гибким, а с другой стороны, более тесным. Несколько десяткам африканских специалистов, которые получили свои ученые степени в Китае, по возвращении на родину было безвозмездно предоставлено китайское оборудование для продолжения исследований.

При этом, следует отметить, образовательные технологии передачи знаний и компетенций ненавязчиво переплетаются с технологиями интеграции в «китайский мир». В процессе обучения студентам из развивающихся стран предоставляется возможность не только изучить китайский язык как средство общения, но и погрузиться в китайскую культуру. Таким путем Пекин стремится сформировать в других странах мира связанные с Китаем и ориентированные на него интеллектуальные круги. Одновременно проводится работа по стимулированию прокитайских настроений в местных политических элитах. Ставка при этом делается, конечно же, на молодежь. Для её сближения с политическими кругами КНР ежегодно проводятся китайско-африканские форумы молодых лидеров<sup>150</sup>. И эта политика достигает успеха. В частности, в целом ряде стран Африки КНР уже сейчас воспринимается намного доброжелательнее, чем США. Например, в крупнейшей стране континента – Нигерии симпатии к Америке испытывают 62 % опрошенных, а к Китаю

---

<sup>150</sup> Дейч Т.Л. «Мягкая сила» Китая в Африке: сотрудничество в сферах образования и культуры // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 4 (788). 2017.



70 %, в Тунисе соответственно 33 и 63 % (2019)<sup>151</sup>. Эксперты Pew Research Centre, опираясь на данные международных социологических исследований, зафиксировали и еще один довольно многозначительный факт: в странах, где они проводили опросы, убеждение в том, что роль КНР в мире в обозримой перспективе будет возрастать, демонстрируют в основном респонденты младшего возраста.

Как древний, так и современный Китай преподавал миру немало уроков. Один из них состоит в том, что «мягкая» сила не составляет монополию либеральных демократий западного типа. Согласно авторитетному рейтингу Global Soft Power Index (версия Brand Finance), в 2022 г. КНР входила в топ-20 мировых центров «мягкой» силы и заняла в списке 4-е место, уступив только США, Великобритании и Германии (в последнем случае всего несколько десятых балла)<sup>152</sup>. Уже сегодня во многих развивающихся странах ориентированные на Запад политические элиты испытывают немалые трудности перед лицом нарастающей «мягкой» силы Китая. Прокитайская тенденция стала проявляться в общественной жизни даже такого давнего американского союзника, как Таиланд (напомним, что в годы вьетнамской войны эта страна даже направила на помощь опекаемому им сайгонскому режиму 11-тысячный военный контингент)<sup>153</sup>. Некоторые специалисты полагают, что в регионе исторического влияния китайской цивилизации наметилась тенденция к возрождению когда-то бытовавших здесь представлений, согласно которым Поднебесная является креативным лидером, выступающим как образец, которому следуют окружающие её народы<sup>154</sup>.

В этой связи еще раз напомним о сформулированной нами принципиальной методологической установке: в вопросах «мягкой» силы невозможны какие-то абсолютные оценки, всё следует рассматривать применительно к конкретным

---

<sup>151</sup> Silver L., Devlin K. Around the world, more see the U.S. positively than China, but little confidence in Trump or Xi // Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/01/10/around-the-world-more-see-the-u-s-positively-than-china-but-little-confidence-in-trump-or-xi/> (access 6.07.2020).

<sup>152</sup> См.: Global Soft Power Index <https://brandirectory.com/softpower/> (дата посещения 18.08.2022).

<sup>153</sup> См.: Cartalucci T. US Attempts to Shame Asia for “Caving to China” // NEO. New Eastern Outlook, 24.10.2016 URL: <https://journal-neo.org/2016/10/24/us-attempts-to-shame-asia-for-caving-to-china/> (дата посещения 14.12.2021).

<sup>154</sup> См.: Рогожина Н.Г. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXXIV. М.: Ин-т востоковедения, 2017.

историческим и политическим контекстам, а также в связи с меняющимися интересами, целями и планами субъектов – носителей «мягкой» силы. В зависимости от того, какие параметры мы в том или ином случае сочтем наиболее важными, наши оценки эффективности действия «мягкой» силы могут различаться. Приведем поясняющий пример. Американцы в последнее время неоднократно ставили перед собой задачу конвертировать свое ментально-идеологическое влияние в так называемые «цветные революции», направленные на свержение неприемлемых для них политических режимов. Допустим, это можно принять за один из критериев результативности (конечно же, негласный, хотя по сути дела вполне логичный и практически оправданный). Но возникает вопрос: следует ли считать за результат все те случаи, когда ситуацию удавалось довести до стадии кипения и начала массовых выступлений, или же только те, которые привели к конечной цели. В первом случае Болотную площадь или площадь Тахрир 2011 года, «гонконгский Майдан» 2019 – 2020 гг., акции сторонников Гуайдо в Венесуэле надо рассматривать как успех, а во втором случае – как провалы. С другой стороны, если принять данный критерий, то у нас пропадают основания для сравнительных оценок, потому что стратегии политического влияния по странам различаются, и далеко не все придерживаются в этом тех же методов, как американцы.

Очевидно, что китайскую версию «мягкой» силы и специфические для нее политические технологии и стратегии также надо оценивать не «вообще», а с точки зрения решения тактических задач и приближения к стратегическим целям, а также в свете тех принципов, которые руководство страны кладет в основу ее политики. Насколько успешна политическая философия «могущественного культурного государства» и насколько действенна «мягкая» сила КНР? Ответ на этот вопрос будет дифференцированным. Если рассматривать его с точки зрения меры привлекательности государства для собственного населения, то наименее благоприятным является отношение к нему в тех окраинных регионах, где большая часть населения в культурном отношении далека от культуры ханьского большинства: это прежде всего Синьцзян с его тюркско-исламским населением, а также Тибет. Сюда же надо отнести и Гонконг, китайское население которого в условиях британского

колониального господства подверглось сильному влиянию английских политико-правовых и культурных традиций. В этих местах, как известно, не так давно наблюдались сильные вспышки открытых протестов. Но на основной территории континентального Китая обстановка остается стабильной по крайней мере с 1989 г. (мы имеем в виду известные студенческие волнения на площади Тяньаньмэнь, которые были подавлены вооруженной силой). И это несмотря на присущие развитию рыночной экономики (а по сути – капитализма) социальные противоречия. Судя по всему, здесь внутренняя проекция «мягкой» силы современного китайского государства работает вполне успешно, формируя и укрепляя не только политическую лояльность, но и гордость его достижениями.

Оценивая эффективность внешних проекций «мягкой» силы КНР, следует отметить, что в конечном счете стране удалось окружить себя «поясом добрососедства» и, если не считать нескольких особо чувствительных точек (например, на китайско-индийской линии контроля в Гималаях), заметно снизить уровень конфликтности на своих границах, что обеспечило благоприятные условия для экономического и технологического рывка. Воплощая в жизнь образ «ответственной державы», Пекин поддерживает конструктивные отношения с критически важными для него международными структурами Тихоокеанской Азии (АСЕАН, АТЭС, форум Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества); выступая с рядом интеграционных инициатив (крупнейшая – «Один пояс – один путь»), он играет активную роль в создании системы коллективной безопасности и сотрудничества в Центральной (а теперь уже Центральной и Южной) Азии. Технологии «мягкого» влияния дают Китаю реальную отдачу и в Африке, причем не только экономическую (предоставление прав на разработку природных богатств), но и политическую: весьма симптоматично, что из более чем 50 независимых африканских государств, лишь одно небольшое королевство Эсватини признает Китайскую республику на Тайване и имеет с ней дипломатические отношения.

«Фирменный стиль» китайского влияния отличается продуманностью, стремлением избегать всякого рода «резких движений», но этого не всегда достаточно для достижения нужного результата. В некоторых странах, несмотря на все

усилия, китайцам пока не удастся преодолеть исторически сложившиеся предрассудки, корни которых уходят далеко вглубь истории (самые характерные примеры этого – Япония и Вьетнам), а кое-где недоверчивое отношение к Пекину подпитывается противоречиями между местным населением и китайскими эмигрантами-хуацяо (Индонезия). Проблемы возникают и из-за разрыва между формируемыми при помощи «мягкой» силы ожиданиями и реальностью. Так, многие страны Азии соблазнили умело разрекламированные перспективы китайского мегапроекта «Один пояс – один путь». Однако в ходе его реализации выявилась и обратная сторона данного проекта: возрастающая зависимость от Пекина, тяжелое кредитное бремя, ухудшение окружающей среды, коррупция, а в ряде случаев и нарастание социальной напряженности... В результате в Малайзии, Шри-Ланке, на Мальдивах и в некоторых других странах стали все громче звучать требования о пересмотре китайских инвестиционных проектов и самих принципов сотрудничества с Пекином. Определенные сомнения по поводу эффективности и границ применения технологий «мягкой» силы возникли и в самом Китае, вызвав серьезные расхождения во мнениях в среде политической и интеллектуальной элиты страны. Часть ее высказывается за продолжение линии Дэн Сяопина с характерным для нее упором на политическую «скромность» и приоритет «мягкой» силы над «жесткой», другая же настаивает на том, что «мягкого» влияния уже недостаточно; экономически и технологически окрепшей державе пора «выйти из тени» и использовать любые средства обеспечения её интересов по всему миру. Официальные инстанции, судя по всему, занимают в этом споре положение «между крайностями». На сайте центрального органа КПК газеты «Жэньминь жибао» публиковались материалы, призванные остудить чрезмерный пыл китайских «ястребов»; но, с другой стороны, продолжая наращивать потенциал «мягкой силы» как в ее внешней, так и во внутренней проекции, китайское руководство все активнее прибегает к демонстрации своих военных возможностей в территориальных спорах с соседями (в частности, из-за спорных островов в Южно-Китайском море), а на неприемлемые, с точки зрения Пекина, шаги и действия он все чаще отвечает экономическими и правовыми санкциями. Именно так Пекин реагировал на повышение таможенных

тарифов на товары китайского экспорта и на Тайваньский визит спикера палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси, а арест в Канаде топ-менеджера китайской IT-корпорации «Хуавей» Мэн Ваньчжоу вызвал зеркальные меры китайских правоохранительных органов против канадских граждан.

Обобщая данные, характеризующие эффективность «мягкой» силы КНР в глобальном измерении, можно сделать вывод, что в странах, где имеется собственная исторически укорененная, богатая культурная традиция, которая сильно отличается от китайской, китайское «мягкое наступление» приводит лишь к очень ограниченному успеху. Так, например, складывается ситуация в Латинской Америке, где Китай, оставаясь важным партнером и снискав значительные симпатии населения, все же не смог решительно потеснить США или серьезно ослабить привлекательность Японии<sup>155</sup>. Совсем другое дело бедные страны бывшего «третьего мира» – своего рода *tabulae rasa*, за которыми не стоит традиция какой-либо великой цивилизации. Там политика «могущественного культурного государства» КНР в самом деле может создать серьезный противовес бывшим колониальным метрополиям, а также США, России и Японии.

Труднее всего осуществлять проецирование «мягкой» силы Китая в отношении стран с европейским типом культуры. Факторами, затрудняющими эмпатию по отношению к Китаю, для человека европейской культуры является и запредельная сложность иероглифики, и тональный строй китайской речи, и метафоричность мышления, доходящие до противоположности различия в понимании отношений между личностью и обществом, разные иерархии ценностей и др. Сказывается и неизжитый латентный европоцентризм, несоответствие политического строя КНР так называемым «европейским ценностям», привычным для европейского мировосприятия моделям «хорошего общества». Китайцы это понимают и используют на «западном направлении» иные технологии, чем в отношениях со странами, принадлежащими другим регионам. В отличие как от собственной пропаганды былых времен, так и от риторики своих идеологических оппонентов в Северной Америке,

---

<sup>155</sup> См.: Сафронова Е.И. К вопросу о соперничестве Японии и Китая в Африке и Латинской Америке // Японские исследования. 2019. № 3. С. 84 – 111.

Европе и Японии, они не пытаются доказывать, что китайская модель общественного устройства самая лучшая, но добиваются того, чтобы ее признали полноценной исторической альтернативой западной модели, наиболее приспособленной к условиям континентального Китая и задачам его эффективной модернизации на благо китайского народа. Тот же подход используется и внутри страны, где китайским коммунистам приходится сталкиваться с критическим отношением молодежи, испытывающей значительное влияние как западной культуры, так и вестернизированной культуры Японии, Южной Кореи и Сингапура.

Хотя КНР стала крупнейшим торговым партнером стран Запада, последние не испытывают критической необходимости в китайских капиталах и технологиях. Поэтому в отношениях с «западным миром» китайская культурная дипломатия не так тесно переплетается с экономическими интересами, как в отношениях со странами Африки или Латинской Америки. Здесь она выступает в своем наиболее чистом своем виде и становится главным инструментом «мягкой» силы с достаточно ограниченной технологической задачей – ввести далекий и не очень понятный для западного человека Китай в «ближний круг» его сознания, как бы заставить его почувствовать, что «Китай рядом». Эту задачу можно еще охарактеризовать как создание неких «культурных плацдармов», которые, когда наступят подходящие условия, можно будет расширять и использовать для наращивания влияния.

Работая над улучшением имиджа КНР, китайские СМИ настойчиво проводят мысль о том, что всему миру, и особенно американцам и европейцам, надо приобрести способность лучше понимать Китай, его историю и традиции, дух китайской цивилизации и действительные намерения его руководства, которое не вынашивает никаких гегемонистских планов, но стремится к благу всего человечества. Таким образом, на первый план выходят технологии просвещения и разъяснения, которые, надо сказать, применяются с большим размахом. В частности, в странах, представляющих совокупный Запад (США+Канада+Европа без России+Австралия+Новая Зеландия) в своё время была развернута наиболее плотная сеть Институтов и

классов Конфуция: 55 % от общего их числа<sup>156</sup>. Избегая полемики по политическим вопросам или правам человека, МИД и Министерство культуры КНР стараются использовать характерную для людей европейской культуры тягу к экзотическому, равно как и то почтение, которое более молодые народы испытывают к цивилизации – ровеснице египетских пирамид. Опираясь на эту эмоциональную почву, Пекин с одной стороны поощряет развитие въездного туризма, что позволяет миллионам иностранцев увидеть Китай своими глазами, а с другой успешно проводит в странах Европы и западного культурного ареала множество выставок, фестивалей и др. культурных мероприятий. Принимающие в них участие деятели культуры, соответственно, выступают в роли функционеров «мягкой» силы, доказывая как зарубежной аудитории, так и самим китайцам, что Китай предоставляет широкие возможности для свободного развития талантов; и если на Западе обычно думают иначе, то это является результатом незнания истории, традиций китайского народа и его ментальности<sup>157</sup>.

Конечно, по поводу того, как популяризация китайской культуры в странах Запада соотносится с технологиями «мягкой» силы, можно поспорить: ведь интерес к китайскому языку, китайскому кино, живописи или поэзии, а также к китайским обычаям у европейцев или американцев обычно никак не сопрягается с прокитайскими симпатиями, тем более – с симпатиями политическими. По данным международных социологических исследований, проведенных в 2019 г. авторитетным исследовательским центром Pew Research Centre, в США и Канаде Китаю симпатизирует лишь немногим более четверти опрошенных, тогда как антипатию испытывают свыше 60 %. Что касается Европы, то здесь наблюдается сильный водораздел между восточной и западной частью континента. На востоке Китай в целом воспринимается достаточно доброжелательно, а в Западной Европе, а также в Чехии, перевес негативных эмоций и ассоциаций над позитивными достаточно велик

---

<sup>156</sup> Подсчитано по данным Ханьбань по состоянию на 1.07.2020.

<sup>157</sup> См.: D'Hooghe I. The Limits of China's Soft Power in Europe. The Hague: Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael, 2010. P. 6 – 10.

– от 14 % (Испания) до 45 % (Швеция)<sup>158</sup>. И тем не менее... Политические стратегии КНР в целом очень реалистичны. Пекин отнюдь не ожидает, что знакомство с китайской культурой само по себе конвертируется в переоценку ценностей в духе «политической реабилитации» коммунистической сверхдержавы. Но... капля камень долбит. Китайское политическое мышление, в отличие от западного, оперирует не «короткими временами» избирательных циклов, а десятилетиями и даже столетиями.

В заключение параграфа изложим основные выводы. Китайский подход к проблеме «мягкой» силы отличается от американского тем, что он выдвигает на первый план не политические ценности, а культуру и культурные традиции. В качестве теоретической основы китайской модели «мягкой» силы выступает концепция могущественного культурного государства. Используя стратегию завоевания симпатий через культуру, китайские политтехнологи действуют весьма креативно и, что не менее важно, – дифференцированно, применяя при этом оригинальные технологии (буддийская дипломатия, «дипломатия панд», «арендовать лодку» и др.). Создан и успешно поддерживается Пекином имидж великой державы – покровительницы бедного Юга. В то же время, как признают сами китайские авторы, Китай уступает не только США, но и некоторым развитым странам Восточной Азии по эффективности культурных индустрий, и это представляет собой осознаваемую проблему, над решением которой китайские специалисты активно работают. В целом же, КНР разработала адекватную своим задачам и возможностям (и в этом смысле эффективную) модель «мягкой» силы, используя которую она сумела создать по периметру своих границ «пояс спокойствия», обеспечивающий беспрепятственное развитие Поднебесной и создающей условия для трансляции позитивных образов Китая в мировом информационном пространстве.

---

<sup>158</sup> Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/12/05/people-around-the-globe-are-divided-in-their-opinions-of-china/> (дата посещения 6.07.2020).



## Глава 4. «МЯГКАЯ» СИЛА РОССИИ:

### ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

#### 4.1. Образы «северного колосса» в динамике имиджевых циклов

Начиная с определённого этапа своего исторического развития, Россия выступает на политической сцене не просто как государство, но и как цивилизация (государство-цивилизация)<sup>159</sup>. Соответственно, процесс формирования её «мягкой» силы – это процесс большой длительности, и его хронологический масштаб – не время политических режимов и политических систем, но, если можно так выразиться, *время цивилизаций*. Поэтому и нам в нашем анализе придётся на некоторое время уйти вглубь истории.

В сравнительной перспективе рассматриваемый нами процесс имел немало специфических особенностей, одной из которых было то, что политическая идентичность российской государственности, а значит и составляющий основу «мягкой» силы образ России, претерпевали смысловые трансформации, неоднократно сопровождавшиеся радикальными разрывами с прошлым. В XVII в. Российская держава идентифицировала себя как «Третий Рим», в XVIII – как «просвещенная Европа», участница «европейского концерта держав», а после 1917 г. как «весна человечества», первопроходец «нового мира»; на рубеже 1980-х – 1990-х гг. произошёл новый крутой поворот, и Россия позиционировала себя как вернувшаяся в клуб «нормальных цивилизованных государств» молодая демократия, с тем, чтобы всего лишь полтора – два десятилетия спустя выступить в роли хранительницы отвергнутых этим клубом традиционных ценностей.

Кроме того, на российском примере особенно хорошо видно, что когда мы рассматриваем «мягкую» силу как процесс, в ходе которого меняются ее содержательно-смысловые характеристики, равно как и мера ее действенности, необходимо учитывать не только собственные свойства и характеристики ее носителей и субъектов, но также и силы, действующие в противоположном «мягкой» силе этих

---

<sup>159</sup> Не имея возможности в ограниченных рамках нашей работы подробно разбирать содержание концепта государства-цивилизации, сошлёмся на его всесторонний анализ в работе акад. В.В. Наумкина: Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4.

субъектов направлении. Причём в этой связи надо говорить не только о разного рода предубеждениях, или непонимании, но нередко и о «контригре», целенаправленных усилиях, предпринимаемых для того, чтобы лишить данный субъект его привлекательности, представить его отталкивающим, пугающим, наконец, – просто нелепым, вызывающим лишь ироническую усмешку. Отметим попутно, что Дж. Най в своей концепции «мягкой» силы совсем не учитывает данный фактор, от которого, на наш взгляд, совершенно невозможно абстрагироваться, если мы хотим построить реально работающую теорию, а не идеологизированный конструкт, пригодный только для пропаганды.

На «западном фронте» российской политики те эффекты спонтанной симпатии, которые составляют характерный атрибут «мягкой» силы, особенно часто нейтрализуются или вообще перекрываются действием противодействующих сил. Одна из причин этого – широкое распространение такого явления, как русофобия, источник которой следует искать в некоторых исторически сложившихся особенностях «западной» картины мира. Занимавшиеся данным вопросом исследователи, начиная с Н.Я. Данилевского<sup>160</sup>, отмечали, с одной стороны, очень давние корни этого явления, а с другой стороны то, что сформировавшийся в таком негативном контексте миф о России и русских по сути дела является одной из опор западной идентичности, без которой последняя либо разрушается, либо должна существенно переформатироваться. Фактически мы имеем здесь дело с иррациональными структурами бессознательного, мало восприимчивыми к разумной аргументации. По этой причине на пути «мягкой» силы России возникают совершенно особые культурно-психологические барьеры, значительно затрудняющие ее действие. Что,

---

<sup>160</sup> Крыжко, Е. В., Пашковский, П. И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1; Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М.: Паулсен, 2016; Неменский О.Б. Русофобия. Аналитические обзоры РИСИ. Вып. 5. М., 2014; Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991; Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to Mausoleum. Cambridge, L.: The Belnup Press of the Cambridge University Press, 1999; McNally T. The Origins of Russophobia in France: 1812 - 1830 // American Slavic and East European Review. 1958. Vol.17, № 2; Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: a Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1950.

впрочем, не означает, будто такие барьеры непреодолимы или что там, где особенно распространены предубеждения против России, их разделяют все и всегда.

Таинственная Московия издавна возбуждала любопытство: известно, что европейские интеллектуалы с охотой читали Герберштейна, Поссевино и Олеария, а навеянная их сочинениями «русская» тема даже претворялась в художественные образы и сюжеты (например, в пьесах Лопе де Вега и Кальдерона). Но в этом было всё же лишь влечение к экзотике, а не тот *сочувствующий интерес*, перерастающий в эмпатию, который является необходимой предпосылкой взаимного тяготения, основанного на понимании. То отношение к России, которое мы назвали *эмпатическим интересом*, в ведущих странах Европы стало проявляться лишь начиная с эпохи Просвещения, когда в результате Петровских преобразований молодая империя стала претендовать на европейскую идентичность и претендовать на участие в так называемом «концерте» ведущих держав. Правда, отношения в той сфере, где формируются специфические инструменты «мягкого» влияния, были асимметричными: испытывая мощное культурное влияние с Запада, Россия в то время практически ничего не могла предложить ему взамен. Зато она очень успешно выступила в роли выдающегося по своим способностям «ученика», и это не могло оставить равнодушными многих влиятельных деятелей Просвещения, пропагандировавших захватывающий воображение российский эксперимент – прыжок из мрака варварства и невежества к свету познания.

Немалое значение имел опыт социального взаимодействия – то, что в результате Петровских преобразований характер коммуникации между русскими и иностранцами принципиально изменился. У высшего слоя русского общества вошли в обычай длительные заграничные путешествия. Это значительно усилило взаимную информированность и то, что можно назвать *коммуникативной совместимостью* элит. И хотя традиционное представление о России как о варварской стране никогда не исчезало до конца, оно благодаря этому в какой-то мере все же сглаживалось. В космополитической среде «века философов» формировавшиеся в европейских литературно-философских салонах взгляды служили ориентиром и для европеизированного слоя русского общества, формируя его самооценки, самосознание и

даже – хотя бы отчасти – образ самой России (по крайней мере, в модальности должного). Отметим, что уже в это далекое время проявилась примечательная особенность восприятия России на Западе: рост симпатий к ней обычно происходил в те периоды, когда она начинала преобразовываться в соответствии с западными моделями, создавая впечатление, что она вот-вот «станет такой, как мы»<sup>161</sup>, в то время как в отношении европейцев и американцев к Китаю или к Японии такая закономерность не просматривается.

Пик зарождавшихся в эпоху Просвещения симпатий к России пришелся на период завершения общеевропейской освободительной войны против Наполеона, которую по существу возглавил русский император. Заграничные походы нашей армии существенно расширили и в известной степени скорректировали представления иностранцев о России и русских. Конечно, французы, только что испытавшие горечь поражения, не могли восхищаться «казаками»; тем не менее даже в их сознании происходили определенные изменения: так, парижане в плане культуры порой отдавали первенство русским офицерам перед французскими, от которых, по выражению Стендаля, слишком уж сильно отдавало казармой<sup>162</sup>. Эти имиджевые приобретения стали важным фактором укрепления как государственного престижа России, так и личного престижа Александра I, получившего практически никем не оспариваемую возможность формирования европейской повестки дня, которая (возможность) была использована для реализации задуманного им проекта новой политической архитектуры Европы. Мы имеем в виду прежде всего создание так называемого Священного Союза. Этот проект, обычно оценивавшийся как реакционный, на наш взгляд, не поддается такой однозначной оценке. И он заслуживает внимания не только исторической, но и политической науки: по сути дела, это был инновационный для того времени подход к созданию системы коллективной безопасности, равно как и ревизия макиавеллистской парадигмы, возвращающая в политику моральные оценки и отношения солидарности.

---

<sup>161</sup> Тиммерман Х. Европа и ее Восток с геополитической точки зрения // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 10. С. 106.

<sup>162</sup> Ивченко Л. *Повседневная жизнь русского офицера эпохи 1812 года*. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 76 – 77.

Вскоре, однако, в информационном поле Европы вновь обозначилась негативная тенденция. Симптомы этого перелома стали ощутимы уже в конце 1820-х гг. Характерно, например, что знаменитый историк Ф. Гизо в своем труде, посвященном становлению и развитию европейской цивилизации (1828), совершенно исключил из этого процесса Россию и контакты с ней, хотя при этом нашел нужным кратко сказать о визитах европейских путешественников к монгольским ханам<sup>163</sup>. Здесь же, во Франции, в 1843 г. вышел в свет один из самых знаменитых политических бестселлеров – путевые заметки маркиза А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Эта неоднократно переиздававшаяся на разных языках книга надолго – вплоть до наших дней – сформировала метаисторическую парадигму восприятия России<sup>164</sup> как страны с абсолютно деспотической вездесущей властью и, с другой стороны, «нечеловеческой страны», где даже церкви представляют собой «раскрашенные тюрьмы», а народ по самой своей натуре предназначен для рабства, ставшего для него совершенно естественным состоянием.

Поднимавшаяся после окончания Наполеоновских войн и Венского конгресса волна антироссийских настроений к середине 1850-х гг. достигла своего апогея. В этот период в связи с военным противостоянием на Черном море в Англии впервые возникла технология сопряжения информационно-психологического давления в печати и массовых политических акций: во многих городах королевства под влиянием газетной пропаганды прошли антироссийские митинги, причем в их организации участвовали и некоторые известные публицисты антироссийского направления<sup>165</sup>. Эта технология оказалась успешной: она не только наносила России колоссальные имиджевые потери, но и блокировала попытки обозначить в публичном информационном пространстве какую-то иную точку зрения (в частности,

<sup>163</sup> Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. Лекция 8.

<sup>164</sup> В переводе к американскому изданию 1951 года переводчик книги на английский язык Филлис Келер писала, что ее должен прочесть каждый человек на Западе, а автор предисловия – бывший посол США в Москве, а затем директор ЦРУ генерал У. Беделл Смит – утверждал, что она дает нам некие *вневременные* истины, так что ее можно назвать и лучшей книгой о... Советском Союзе (имея в виду, правда, СССР при Сталине). З. Бжезинский в свою очередь называл книгу Кюстина блестящим проникновением в «византийскую сущность» российской политической системы (Journey for Our Time. The Russian Journals of the Marquis de Custune. Wash.: Gateway Editions, 1987. P. 4, 7, cover.).

<sup>165</sup> См.: Badam C. The Ottoman Crimean War (1853 – 1856). Leyden, Boston: Brill, 2010. P. 87 – 90, 142 – 143.

очень популярный в то время политический деятель Р. Кобден из-за своих симпатий к России потерял место в парламенте).

Крымскую войну, на наш взгляд, можно рассматривать как поучительный пример комбинирования «жесткой» (военной) силы с противодействием «мягкой» силе противника, которое, как мы отметили выше, осуществлялось с использованием новой для того времени политической технологии формирования своего рода антисилы. Российское государство и его агентура влияния по сути дела ничего не смогли противопоставить враждебной кампании в английской, французской и немецкой печати. В результате противникам России удалось основательно развеять ее «неодолимое влияние» и «чары»<sup>166</sup>, актуализировав и обновив все антироссийские стереотипы, а также на довольно продолжительное время закрепив в западном самосознании образы русской угрозы и русского варварства. Однако примечательно, что антироссийская кампания, развернувшаяся в странах Западной Европы в канун и во время Крымской войны нанесла ущерб и их собственной «мягкой» силе: уже основательно вестернизированное российское общество стало на опыте убеждаться, что оно *в принципе* воспринимается на Западе как «чужое»<sup>167</sup>, и этот серьезный урок сказался на симпатиях россиян к Европе. Он дал сильный толчок к философскому обоснованию новой модели российской идентичности, не связывающей ее с Западом.

Отметим, что динамику общественных настроений, как правило, можно наглядно представить себе в виде условной кривой с волнообразными колебаниями синусоидального типа. Накал страстей сменяют периоды их затухания, положительная оценка тех или иных явлений рано или поздно переходит в нейтральную, и далее в отрицательную, а эта последняя через некоторое время опять может меняться на положительную и т.д. В принципе этой модели в целом соответствует и динамика восприятия образа той или иной страны в меняющихся исторических контекстах. Назовем такие периодические колебания уровня симпатий и антипатий *имиджевыми циклами*. В отличие от колебаний экономической конъюнктуры

---

<sup>166</sup> Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. Гл. 4. // Вопросы истории. 1989. № 4.

<sup>167</sup> См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1990.

(«кондратьевские волны»), размерность имиджевых циклов у разных стран и у одной и той же страны в разные эпохи может сильно различаться, так что вопрос об их продолжительности должен всякий раз рассматриваться сугубо конкретно.

Это наблюдение в полной мере относится и к образу России. В 1860-е гг. волна антироссийских настроений в Европе постепенно стала сходить на нет, так что с этого времени можно условно датировать начало нового имиджевого цикла, в ходе которого ракурс восприятия России постепенно менялся, хотя в разных странах и разных социальных средах этот процесс происходил по-разному, и в том числе – с разной интенсивностью. Именно в этот период Запад открывает для себя самобытную духовную и интеллектуальную жизнь России. Живой интерес к русской художественной словесности в Европе стал проявляться еще с середины 1820-х гг., но по-настоящему широкая ее популяризации пришлось на вторую половину и особенно на конец столетия, когда образованный зарубежный читатель получил в свое распоряжение достаточно большой и разнообразный по составу массив *действительно качественных* переводов, представляющий развернутую панораму русской литературы «золотого века», включая произведения М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева и др.<sup>168</sup> Именно тогда русская литература получила широкое признание, встав в один ряд с другими великими литературами мира.

Параллельно возрастала степень интегрированности российских ученых в пространство мировой науки. Целый ряд видных русских учёных (С.В. Ковалевская, Н.Н. Зинин, И.И. Мечников и др.) не только жили, но и работали в ведущих научных центрах за рубежом. Если раньше Россия выступала лишь реципиентом европейской науки, то теперь ее опыт в этой области в свою очередь начале становится востребованным в других странах. Так, разработанный в Императорском высшем техническом училище «русский метод» подготовки инженеров, использовался в США, Германии и Скандинавии; президент Массачусетского технологического института Дж. Ранкл популяризировал его в написанной им брошюре.

---

<sup>168</sup> См.: Луков Вл. А. Русская литература: генезис диалога с европейской культурой. М.: Моск. гуманит. университет, 2006.

Выдающиеся российские учёные становились знаменитостями мирового уровня, они получали дипломы почётных докторов европейских университетов, удостоивались других престижных наград, включая иностранные ордена и премии. Всё это, безусловно, работало на «мягкую» силу России, на рост её престижа в качестве одной из «лабораторий» мировой культуры. К началу XX вв. в Германии, Австрии, Англии, Франции, Италии, Швейцарии, а также в США, Канаде, Австралии и других заокеанских странах сложились многолюдные колонии выходцев из России. Возник своеобразный феномен русскоязычного культурного сообщества – своего рода островки формирующегося трансграничного «русского мира», существование которых способствовало развитию культурного диалога на личностно-бытовом уровне, а также преодолению расхожих стереотипов и предрассудков, касающихся России и русских<sup>169</sup>.

Очень важным фактором, придававшим образу России новую позитивную тональность, стали так называемые «великие реформы», в результате которых российский социум на уровне его повседневных практик все больше сближался с привычной для европейской цивилизации XIX – начала XX в. «буржуазной нормальностью». Вместе с тем по мере того, как энтузиазм по поводу реформаторских намерений царского правительства улетучивался, а отчуждение между властью и общественными кругами нарастало, происходило своего рода «разгосударствливание» «мягкой» силы России: привлекательные черты в образе «северного колосса» все больше ассоциировались «прогрессивными элементами» гражданского общества, а негативные – с государственной системой. Эта тенденция затронула как восприятие России за рубежом, так и самосознание самих россиян, что сильно отражалось на гражданской лояльности населения империи.

Впрочем, сопряжение различных смысловых граней образа России было подвижным и не вполне однозначным; оно менялось не только в контексте политической обстановки в стране, но и под влиянием того, что происходило в мире. Возникновение Германской империи не без оснований было воспринято её соседями –

---

<sup>169</sup> См.: Мосейкина М.Н. У истоков формирования русского мира (XIX – начало XX века) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 4 (27).



прежде всего французами – как своего рода экзистенциальная угроза, заставлявшая искать новых сильных союзников. Объективно таким союзником могла стать только Россия, и вот страна, еще недавно казавшаяся олицетворением мрака и варварства, вдруг стала превращаться в глазах французов едва ли не в спасительную «светлую силу». Разумеется, преувеличивать масштабы этой метаморфозы не следует: русофобия на Западе, в том числе во французском обществе, никогда не исчезала до конца. Речь идет лишь об изменившемся *балансе* настроений, а в некоторых случаях – это надо отметить особо – о своеобразном «сплаве» страха перед Россией с подсознательным влечением к ней. В то же время важно отметить, что в популяризацию творческого духа России на Западе в середине и второй половине XIX в. внесли свой вклад известнейшие деятели французской культуры. Книга дипломата и историка литературы Э. де Вогюэ «Русский роман» (1886), в которой автор противопоставил натуралистическую манеру французских писателей способности русских изображать «сложные души», положила начало моде на русскую литературу. Формировалась новая модель восприятия России, снимающая противоречие между республиканскими ценностями французского общества и существованием российского самодержавия. Некоторые даже считали, что в России под сенью монархии вызревает патриархальная демократия, а главное – то, что эта *великая страна* пока еще не сказала своего слова в истории<sup>170</sup>.

Немалую роль в пропаганде франко-русского сближения и формировании соответствующего этой цели позитивного образа России сыграл литературно-политический салон Жюльетт Адан, связанной тесными дружескими отношениями как с крупными государственными деятелями (среди них неоднократно занимавший пост премьер-министра, а впоследствии президента республики А. Тьер, министры и премьер-министры Л. Гамбетта, Ш. Фрейсине, Г. Галифе и др.), так и интеллектуально-художественной элитой страны (П. Мериме, Жорж Санд, Г. Флобер, Ги де Мопассан, А. Доде, А. Франс и др.). В 1879 – 1899 гг. супруги Адан издавали пользовавшийся значительным влиянием журнал *Nouvelle Revue*, открыто выражавший

---

<sup>170</sup> Де Вогюэ Э.-М. Русский роман // Отечественные записки. 2007. № 5.

свои русофильские симпатии. Значительное влияние на формирование их представлений о «русской душе» оказал И.С. Тургенев, с которым Ж. Адан тоже была дружна. В 1882 г. Ж. Адан лично посетила Россию, после чего опубликовала написанную ей биографию одного из самых знаменитых героев Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. генерала М. Скобелева<sup>171</sup>. Свою позицию и свои чувства писательница стремилась донести не только до французов, но и до англичан, венгров и др. – не всегда, правда, с одинаковым успехом.

Хотя Францию и Россию в этот период разделяла свежая еще память о войнах, в которых они противостояли друг другу, постепенно в ходе культурно-информационного диалога двух стран вырабатывались образы и дискурсивные средства, придающие этим противоречиям такой смысл, который делал психологически возможным политическое взаимодействие двух государств. Скажем, подчеркивалось рыцарское отношение друг к другу («противники, но не враги»), общность не только интересов, но и чувств (формулировка французского министра Т. Делькассе), сходные черты ментальности, отличающиеся от «холодности» англичан или «немецкого педантизма»<sup>172</sup>. На фоне возвышения Германии французские инициативы оказывали влияние и на британские политические круги, интеллектуалов, прессу, общество в целом. И хотя энтузиазма по поводу дружбы с Россией там было меньше, все же со временем усиливались и голоса сторонников сбалансированного разрешения британско-российских противоречий.

Хотя политическая самоидентификация Российской империи, да и российского общества, в конечном счете определялась положением страны в концерте европейских держав, всё большее значение постепенно приобретала способность российских правящих кругов оказывать политическое влияние на востоке. Лучше всего Россию знали, конечно, в Турции и Персии. Турки воспринимали Россию как экзистенциального противника, но вместе с тем прогрессивные оттоманские чиновники знали об опыте российской модернизации, и в известной степени

---

<sup>171</sup> Whale S. W. Madame Adam (Juliette Lambert). *La Grande Française; From Louis Philippe Until 1917*. L.: Chapman, 1917. P. 224 – 232.

<sup>172</sup> См.: Рыбачёнок И.С. *Россия и Франция: союз интересов и союз сердец*. М.: РОССПЭН, 2004. С. 191.

ориентировались на неё как на образец. В Персии же, которая последний раз воевала с Россией достаточно давно (в 1826 – 1828 гг.), северный сосед не воспринимался столь враждебно, российская же промышленность, армия, железные дороги, городское благоустройство производили сильное впечатление. Благодаря этому российская политика многого могла здесь добиться именно при помощи технологий «мягкого» влияния. Это были, в частности, различные гуманитарные акции (к примеру, русские создали в нескольких городах страны санитарные станции, оказывавшие населению бесплатную медицинскую помощь). Особое совещание по финансово-экономической политике России в Иране специально обращало внимание на завоевание симпатий населения, в том числе путем оказания ему поддержки и покровительства в случаях злоупотреблений местных властей<sup>173</sup>.

Восхищение шаха Наср эд-Дина выправкой и экипировкой русской армии положила начало созданию в 1879 г. самого боеспособного соединения персидской армии – казачьей бригады, которая находилась под контролем Военного министерства в Петербурге и русского посольства в Тегеране. Бригада стала важным инструментом влияния не только благодаря своей боевой силе. При ней были созданы две школы, дававшие не только военную подготовку, но и общее образование; служить в этом соединении считалось настолько престижным, что среди его офицеров были родственники самого шаха (а также и основатель новой династии Пехлеви Резахан). Очень важную роль играли проверенные технологии внедрения в местные правящие круги. Российские специалисты консультировали как самих правителей, так и их чиновников; при этом удалось установить настолько высокий уровень доверия, что воспитателями наследников персидского трона неоднократно назначались россияне – востоковед С.М. Шапшал, а затем военный разведчик К.Н. Смирнов; врач казачьей бригады Садовский был личным врачом шаха Мохаммеда-Али. Правда, многие расчеты, основанные на комбинировании дипломатического нажима и неформальных каналов влияния, смешала начавшаяся в стране так называемая Конституционная революция (1905 – 1911), осложненная с одной стороны

---

<sup>173</sup> Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX - начало XX века). М.: Ключ-С, 2010. С. 155.

вмешательством российских войск, а с другой стороны – российских революционеров из Закавказья<sup>174</sup>.

К началу XX в. Россия, используя в основном технологии «мягкого» воздействия, значительно потеснила своего главного конкурента в Персии – Великобританию. Это можно расценивать как успех, но вызвало волну антироссийских публикаций в западной печати. В них использовались и старые расхожие клише относительно «терпеливых, вялых и невежественных славян, которые позволяют тащить себя в царскую армию», говорилось о несвободе, коррупции, агрессивности и вероломстве российской бюрократии, в связи с чем еще в 1896 г. в одной из публикаций в британской прессе появилось примечательное выражение «система зла». Но все же – и это примечательно – такой демонизации России, как в годы Крымской войны, уже не было. Более того, в некоторых публикациях говорилось о том, что время работает на Россию, звучали призывы считаться с её интересами.

В краткий период Серебряного века русской культуры роль творческой и научной интеллигенции в формировании образа России за рубежом еще более усиливается. Запад снова открывает для себя ранее практически неизвестные ему или недооцененные им пласты русской культуры – в частности, иконопись. Огромное впечатление на европейскую и американскую публику произвело новаторство русского театра: драматургия А.П. Чехова, актерская школа К.С. Станиславского. В этот период в Европе, а затем в Америке, впервые обращают внимание на оригинальность русской философии. Вносила свой вклад в восприятие России на Западе и быстро развивавшаяся отечественная наука: так, в 1900-х гг. первые русские ученые (И.П. Павлов, И.И. Мечников) становятся лауреатами Нобелевской премии. Страна, которую на Западе всего несколько десятилетий назад привычно считали варварской, вдруг предстала перед глазами западной публики как *страна культуры*. В 1900-е годы Исторические русские концерты и знаменитые Русские сезоны С.П. Дягилева даже способствовали возникновению на Западе моды на всё русское (при этом, что для нас особенно интересно, Дягилев в своих начинаниях

---

<sup>174</sup> См.: Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX - начало XX века) // М.: Ключ-С, 2010; Казем-заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии (1864 – 1914). М.: Центрполиграф, 2004.

пользовался покровительством Императорской фамилии, вполне целенаправленно использовавшей его таланты для укрепления «мягкой» силы империи и распространения её культурного влияния).

Вместе с тем анализ политических технологий Российской империи, показывает, что основным инструментом ее влияния за рубежом вплоть до самого свержения монархии оставалось то, что сегодня принято называть институциональной дипломатией. «Мягкая» сила как особый способ воздействия специально не выделялась, хотя отдельные «мягкие» инструменты влияния, безусловно, использовались (так, Россия участвовала в формировании политических и интеллектуальных элит некоторых стран через систему образования; однако это касалось в основном лишь Болгарии и Балканских стран<sup>175</sup>). В качестве фактора «мягкой» силы активно использовались также личные связи и симпатии: так, не случайно, что практически все видные французские русофилы второй половины XIX в. были завсегдатаями парижских салонов Марии Калергис (племянница министра иностранных дел К.В. Нессельроде, чьи поручения она выполняла), Лидии Нессельроде и Надежды Нарышкиной (будущей жены А. Дюма-сына).

В качестве значимых рекламных акций отметим активное участие России во Всемирных выставках. Российские власти достаточно серьезно подошли к этому участию, вполне понимая его пропагандистское значение. Достаточно сказать, что помощником генерального комиссара русского отдела Парижской выставки 1867 г. был назначен выдающийся химик Д.И. Менделеев. Это, однако, были лишь разрозненные успехи, целостной же имиджевой стратегии у правящих кругов империи не было, как не было и предназначенных к этому специализированных структур и кадров.

В принципе российские правительственные круги и близкие к ним консервативно настроенные интеллектуалы достаточно ясно представляли себе роль общественного мнения<sup>176</sup>. Они даже пытались влиять на него в желательном для себя

---

<sup>175</sup> Колобкова А.А. Первые иностранные студенты в России в XIX веке // Современный ученый. 2020. № 3.

<sup>176</sup> См.: Маргушева А.З., Ширинянц А.А. Русофобия и контрпропаганда: исторический опыт Российской империи // Век информации. 2018. № 2-1.

направлении через заказные публикации и субсидирование лояльных российскому правительству органов печати как в самой империи, так и за рубежом. Однако в конечном счёте политический аппарат империи не смог в полной мере освоить технологии взаимодействия с общественными кругами, что накладывало принципиальные ограничения на способность государства использовать «мягкую» силу как в диалоге с обществом внутри страны, так и вне ее. А между тем в формирующихся в этот период массовых обществах данная способность приобретала ключевое значение. Объективно страна достаточно успешно развивалась, а её отставание от Запада быстро сокращалось. Например, по темпам развития системы образования она не уступала США и опережала все без исключения страны Европы. Однако общественное сознание, как правило, не связывало эти успехи с государством, рассматривая последнее лишь в качестве «реакционной силы» и приписывая ему исключительно тормозящее влияние на прогресс страны. Императорское правительство терпело поражение на внутреннем фронте, а это крайне негативно сказывалось также и на его международной репутации, существенно ограничивая возможности «влияния через симпатию», составляющие суть «мягкой» силы: ведь если у населения той или иной страны отсутствует позитивный образ собственного государства, то трудно формировать и продвигать такой образ вовне. В результате к концу XIX – началу XX в. возникло противоречие между накапливающимся потенциалом «мягкой» силы России и способностью государства к системной и целенаправленной реализации этого потенциала в интересах стабилизации ситуации внутри страны и формирования стабильной (а не ситуативной только) поддержки Российского государства во внешнем его окружении.

Резюмируя сказанное в этом параграфе, надо отметить, что, поскольку Россия представляет собой государство-цивилизацию, формирование ее «мягкой» силы должно рассматриваться как процесс, хронологический масштаб которого значительно превосходит длительность политических режимов и политических систем. Некоторые представления, образы и стереотипы, характеризующие культурно-психологический контекст, в котором складывалась и проявляла себя «мягкая» сила России, имеют очень давние исторические корни и прослеживаются на

протяжении нескольких столетий. Важной особенностью, характеризующей процесс формирования и условия применения «мягкой» силы России, является повышенная агрессивность внешней политической среды, что проявляется, в частности, в периодических вспышках русофобии. Однако в целом ряде стран существует и давняя русофильская традиция, которая также оказывала и оказывает влияние на общественную жизнь и политику. Динамика «мягкой» силы России и восприятия образа России за рубежом может быть описана как циклический процесс синусоидального типа с периодическим чередованием повышающих и понижающих фаз. Так, например, в XIX в. пик её популярности в Европе приходится на окончание наполеоновских войн, после чего вскоре начинается обратный цикл нарастания антироссийских настроений, достигающий кульминации во время Крымской войны. Но во второй половине столетия этот цикл опять сменяется ростом интереса и симпатий к России, который стимулировался комбинацией факторов, таких как мощный подъём русской культуры, появление в российских университетах научных школ мирового класса и возникновение за рубежом разветвлённых интеллектуальных сообществ российского происхождения. В то же время политический аппарат империи не смог в полной мере освоить технологии взаимодействия с общественными кругами, что накладывало принципиальные ограничения на способность государства использовать «мягкую» силу как в диалоге с обществом внутри страны, так и вне ее. В результате к концу XIX – началу XX в. возникло противоречие между накапливающимся *потенциалом* «мягкой» силы России и способностью государства к системной и целенаправленной реализации этого потенциала.

#### **4.2. СССР как субъект «мягкой» силы: институты и технологии политического влияния**

XX век резко изменил вектор развития России, ввергнув ее в невиданные по своему масштабу катастрофы, но в то же время принес ей и беспрецедентные достижения. Социальный эксперимент Страны Советов вызвал мощный резонанс во всем мире. Формировался новый образ России – «весны человечества», вызывавший сильный эмоциональный отклик у многих людей той эпохи. Как

перестраивалось в этом контексте сознание самих россиян, включая восприятие собственной изменившейся до неузнаваемости страны, – это отдельный и притом чрезвычайно объёмный вопрос, который мы сейчас оставим в стороне, поскольку он заслуживает специального исследования. Остановимся лишь на том, как мир воспринимал нашу страну в советский период ее истории и как, при помощи каких средств и методов, советское государство стремилось влиять на это восприятие с тем, чтобы использовать просоветские симпатии в качестве инструмента как политического и идеологического, так и, в известной мере, цивилизационного влияния.

В 1920-е и отчасти в 1930-е гг. по всему миру широко распространились симпатии к Советской России, которые конвертировались в реальные действия. Так, например, массовое движение «Руки прочь от России!» сдерживало правящие круги Запада в их намерениях по расширению масштабов предпринятой ими интервенции. А после окончания Гражданской войны в Советскую Россию начинают приезжать энтузиасты, стремившиеся внести личный вклад в реализацию вдохновлявшего их нового социального проекта. Увы, для большинства из них близкое знакомство с реалиями советской повседневности 1920-х – 1930-х гг. по целому ряду вполне понятных причин оказалось разочаровывающим, и воспоминания об этом периоде их жизни, которыми они по возвращении на родину делились с окружающими, отнюдь не способствовали росту симпатий к СССР и советским порядкам<sup>177</sup>. Тем не менее виртуальное обаяние Страны Советов в то время было столь велико, что даже просачивающаяся за ее пределы неприглядная информация (например, записки бежавшего из страны в 1928 г. бывшего помощника И.В. Сталина Бориса Бажанова или ошеломляющие сообщения о показательных московских процессах) не могла сбить волну просоветских симпатий. Да, образ новой России, рождение которой в 1917 году зарубежная общественность встретила с восторгом, становился более сложным и неоднозначным; на «солнце» все яснее проступали уродливые пятна. Г. Уэллс, который лично встречался и с Лениным, и со Сталиным, и в целом симпатизировал им, стал высказывать опасения, что созданный ими

---

<sup>177</sup> См., напр.: Робертсон Р. Черный на красном. 44 года в Советском Союзе. Автобиография черного американца. СПб.: Симпозиум, 2010.



политический режим движется к новой лжи; передавая свои чувства по этому поводу, он сравнивал их с горечью, которую испытывает влюбленный, когда любимая отдаляется. Однако далеко не все смотрели на ситуацию столь трагически. Несмотря ни на что СССР сохранял благосклонность знаменитых деятелей культуры и науки межвоенных и первого послевоенного десятилетия, оказывавших заметное влияние на общественные настроения своих стран. Среди них Б. Шоу, А. Эйнштейн, Р. Роллан, А. Франс, А. Барбюс, Г. Манн, Ч. Чаплин, П. Пикассо, Т. Драйзер, Э. Синклер, Э. Пискадор, Д. Сикейрос, Ж. Амаду, Р. Тагор, Лу Синь и писатели, входившие в китайское литературно-художественное движение 4 мая, Л. Муссиак, Ле Корбюзье, О. Нимейер, ряд известных деятелей Баухауза и др. И хотя симпатии к СССР обычно были не безоговорочными и не исключали критического отношения, не забудем и о довольно громких случаях прямой апологетики тогдашнего сталинского режима («Сталин» А. Барбюса, «Москва, 1937» Л. Фейхтвангера).

Естественно, среди сочувствующих Советскому Союзу, преобладали люди социалистических и радикальных левых убеждений. Однако – и это надо особо подчеркнуть – дерзкое обаяние обновляющейся России распространялось и на другие сектора идейно-политического спектра. Это проявилось не только в эволюции взглядов таких либералов, как Т. Манн, но и в пророссийских и просоветских увлечениях многих видных деятелей национал-консервативной революции в Веймарской Германии, включая О. Шпенглера, А. Меллера ван ден Брука, Э. Никиша, Э. Юнгера и даже молодого Й. Геббельса (правда, делая карьеру рейхсминистра, этот последний впоследствии солидаризировался с русофобской идеологией и политикой Гитлера)<sup>178</sup>. Такие настроения в русле философской оппозиции между «народами героев» и «народами торговцев» мотивировались противопоставлением России вызывавшему отвращение у «консервативных революционеров» буржуазному Западу. Известно, что к русской теме в этом контексте не раз обращался в своих дневниках («Черных тетрадах») М. Хайдеггер. Странником союза с Россией в

---

<sup>178</sup> Алленов С.Г. «Да», которое мы говорим России, означает «нет» Западу (истоки и метаморфозы «восточной ориентации» немецкого национализма 1910-х – 1920-х гг.) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2012. № 2 (65). С. 120.

1920-е – 1930-е гг. был классик германской геополитики К. Хаусхофер<sup>179</sup>, чья идея «континентального блока» была близка и японским интеллектуалам из окружения принца Ф. Коноэ.

Имиджевая притягательность молодого советского государства складывалась из многих компонентов. Это и массовый революционный энтузиазм («пробуждение масс»), и заявка на реальное осуществление идеалов равенства и справедливости, и невиданно мощная социальная мобильность. Многих (в особенности интеллектуалов) завораживал сам дух новизны и эксперимента. При этом впечатление усиливалось характерным для большевистского политического стиля виртуозным (и в те времена ещё редким) умением вносить пропагандистскую струю в едва ли не любой вид профессиональной деятельности, превращая его в поле актуализации политических смыслов. Так, скажем, зарубежные представительства Наркомздрава занимались не только организацией научных обменов и консультаций, закупкой медицинской техники и лекарств, подбором медицинской литературы для перевода её на русский язык и т.п., но и – в не меньшей степени – продвижением советской модели здравоохранения, пропагандой образа страны, создавшей эффективную медицину для простых людей, формированием сетей симпатизирующих России иностранных специалистов, которые в этом плане могли бы выступать в качестве лидеров мнения в своих профессиональных сообществах. Решение этих политических задач подкреплялось совместным изданием медицинской периодики, организацией ознакомительных поездок для врачей из разных стран, проведением различных совместных мероприятий (курсы для иностранных врачей в Москве, недели советской медицины в Германии и во Франции, лечение иностранных рабочих в Советском Союзе и др.)<sup>180</sup>.

В ряде аспектов, в том числе в плане подбора и комбинирования различных инструментов влияния, советская политическая практика уже в 1920-е гг. продемонстрировала завидный уровень креативности. Одним из ее бесспорных (и

---

<sup>179</sup> Хаусхофер К. О геополитике: работы разных лет. М.: Мысль, 2001. С. 371 – 418.

<sup>180</sup> См. подробнее: Ратманов П.Э. Советское здравоохранение на международной арене в 1920-х – 1940-х гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США). Хабаровск: Изд-во ДВГМУ, 2021.

признанных на Западе) достижений стало развитие того важнейшего компонента «мягкой» силы, который впоследствии получил название «культурная дипломатия». Не случайно данное понятие было предложено в конце 1950-х гг. Ф. Баргхорном именно в контексте изучения советской политической практики<sup>181</sup>. Строго говоря, культурная дипломатия как использование культурных и академических контактов для создания позитивного имиджа страны и презентации этого имиджа за рубежом, не была каким-то специфически советским изобретением. Ее отдельные элементы использовались и раньше, однако без тесной увязки с решением стратегических политических задач. В советской же России все это приобрело невиданный ранее масштаб и целенаправленность, а технология культурной дипломатии была отшлифована до подлинного совершенства.

Еще при жизни В.И. Ленина данное направление деятельности было институционализировано, а в 1925 г. был создан центральный орган культурной дипломатии – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС)<sup>182</sup>. Формально это была неправительственная организация, но реально она, конечно, работала под общим руководством ЦК партии и его внешнеполитического аппарата в тесном контакте с другими заинтересованными советскими оргструктурами, такими как Наркомпрос, агитпроп Коминтерна, Союзкино и др. За время существования ВОКС<sup>183</sup> под его эгидой и при его участии была проделана разносторонняя и в целом продуктивная работа: поддерживались связи с обществами друзей Советского Союза в разных странах, инициировалось создание новых подобных обществ, проводились выставки, гастролы, кинопоказы и творческие встречи, продвигались в зарубежную печать публикации, содержащие информацию о достижениях СССР. В самом деле, художественная жизнь в «стране большевиков» – живопись, скульптура и прикладное искусство советского авангарда, театр К. Станиславского

---

<sup>181</sup> Barghoorn F.C. *The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1960. P. 10.

<sup>182</sup> См.: Жилинская И.В. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей во второй половине 1920-х гг.: выработка целей и задач деятельности // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психологические науки. 2020. № 20-1.

<sup>183</sup> До 1957 г., когда данная структура была реорганизована в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, имевший в значительной степени то же функциональное назначение.

и В. Мейерхольда, творчество кинорежиссеров – С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, Г. Александрова – вызывала за рубежом большой интерес, формируя образ страны, охваченной порывом творческих исканий.

Несмотря на острый дефицит пригодных для такой работы кадров (после революции культурный слой страны сильно истончился) ВОКС удалось создать обширную зарубежную референтуру, изучавшую конкретную ситуацию в культурной жизни различных стран. Собранный ими информация учитывалась при планировании заграничных командировок советских писателей, режиссеров, художников, а также при приглашении сюда деятелей культуры из других стран. Такие приглашения носили целевой характер и увязывались с решением определенных политических и пропагандистских задач. Зарубежным гостям организовывали посещение интересных для них объектов, а иногда и «обычных» семей (при этом соответствующие органы, конечно, тщательно контролировали, что может увидеть и услышать иностранный визитер). Разумеется, советские функционеры рассчитывали, что результатом организованного ими гостеприимства, станут благожелательные публикации в зарубежной печати. Однако значение культурной дипломатии не ограничивалось, как это обычно думают, сферой внешнеполитического влияния. Визиты всемирно известных деятелей культуры становились фактором «мягкой» силы Советского государства и в отношении его собственных граждан – прежде всего, конечно, из числа интеллигенции. В их сознании формировали образ страны, в которой как нигде ценят высокую культуру, что в какой-то мере виртуально компенсировало те стрессы, которые испытывали творческие люди и высококвалифицированные специалисты в условиях репрессивной системы.

В преддверии надвигающейся мировой войны большой политической резонанс произвели такие патронируемые Москвой международные акции, как имевшие яркую антифашистскую направленность Конгрессы писателей в защиту культуры (первый в 1935 г. в Париже, второй в 1937 в Испании), Антифашистский конгресс деятелей культуры (Львов, 1936) и др. При этом, если рассматривать советскую культурную дипломатию с точки зрения используемых ею тактических приемов, то надо отметить, что она умело избегала всего, что могло быть истолковано

за границей как продавливание своей точки зрения и представляла дело так, что инициатива проведения всех этих мероприятий исходила от культурных элит зарубежных стран. Большим успехом советской культурной дипломатии стало участие СССР во Всемирной выставке 1937 г. в Париже. Как известно, для нее был построен павильон, увенчанный «динамичным воплощением будущего» – восхитившей П. Пикассо и Ф. Мазереля скульптурой «Рабочий и колхозница».

Характеризуя инструментально-технологическую сторону советской культурной дипломатии, как отечественные, так и зарубежные исследователи отмечают в ней ряд инновационных черт, которые она демонстрировала уже на этапе своего становления. Во-первых, это личные встречи крупных деятелей культуры, в том числе зарубежных, с высшим руководством страны, и прежде всего со Сталиным. Встречи такого плана в те времена были весьма необычным явлением. Причем, в отличие того, что практиковалось ранее, встречи не были чисто церемониальными, а протекали в форме живой беседы, в ходе которой гости могли задавать и неудобные вопросы. Судя по воспоминаниям участников таких встреч, Сталин отвечал на все вопросы очень откровенно. Это производило на собеседников сильное впечатление, вызывая подчас неподдельное восхищение: конечно, ортодокс марксистской доктрины, но ведь при этом честный, искренний и умный человек! В конечном счете под воздействием подобных впечатлений кричащие изъяны советского образа жизни, которых нельзя было не заметить, у многих как-то сдвигались на задний план, воспринимаясь как второстепенные детали на фоне величественной панорамы строительства нового общества.

Другим примечательным ноу-хау советской культурной дипломатии стала своего рода «технология гостеприимства»<sup>184</sup>. Именитым гостям оказывали лестные знаки внимания, в их честь устраивались пышные приемы, их окружали комфортом самого высшего класса, демонстрируя при этом предупредительность, готовность идти навстречу их пожеланиям (само собой, в той мере, в какой это не

---

<sup>184</sup> Жилинская И.В. СССР и западная интеллигенция: к вопросу о формировании технологии приёма иностранцев в СССР в 1930-е гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психологические науки. 2019. № 19-1; Холландер П. Политические пилигримы. Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928 – 1978. М.: Лань, 2001. С.14.

противоречило целям и задачам принимающей стороны). Все это невольно подкупало; приятное впечатление проецировалось на реальность, преображая ее в желательном для советской пропаганды духе. Побывав на роскошном пиру в каком-нибудь колхозе, трудно было представить себе, что всего лишь несколько лет назад на этой земле свирепствовал голод, унесший жизни тысяч людей! Некоторые из гостей, узнавали об этом только спустя десятилетия и, вспоминая о своем тогдашнем ослеплении, испытывали по этому поводу запоздалые угрызения совести...<sup>185</sup>

Наконец, важной особенностью советской имиджевой технологии было совмещение культурных пластов прошлого и настоящего. Суть данной технологии состоит в политической «инструментализации» признанного всем миром и потому не нуждающегося ни в какой дополнительной рекламе русского классического наследия. Различными средствами создавалась как бы проекция этого великого наследия на текущую ситуацию, на реалии СССР 1930-х годов. В советских пропагандистских «месседжах» классика становилась как бы контекстуальным обрамлением новой советской культуры (например, в пользуемые на Западе популярностью концерты русской классической музыки старались включать и произведения советских композиторов) и одновременно – довольно эффективным средством облагораживания негативного образа большевистской верхушки («вот видите, мы вовсе не дикари и не вандалы, какими нас представляют, мы продолжаем лучшие традиции, мы умеем ценить прекрасное...»).

Если рассматривать эти приемы с точки зрения повышения привлекательности страны и последующей конвертации привлекательности во влияние, то они заслуживают высокой оценки. Конечно, их действенность была далеко не стопроцентной: часто они не срабатывали, а побывавшие в СССР иностранные знаменитости возвращались отсюда гораздо более критически настроенными, чем до поездки. И все же при помощи технологий культурной политики и культурной дипломатии Москве удалось решить некоторые ключевые политические задачи

---

<sup>185</sup> Голубев А.В., Небезин В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

предвоенного периода и прежде всего – внушить либеральной общественности Запада мысль о том, что выступать против СССР значит выступать против культуры. Не обязательно идентифицировать себя с коммунистами или восхищаться Советским Союзом, но перед лицом экзистенциального выбора между нацистской Германией и большевистским СССР следует безоговорочно стать на сторону последнего. На этой платформе удалось консолидировать международный антифашистский фронт, охвативший широкие слои общественности в ведущих странах мира.

В то же время уже в 1920-е и 1930-е гг. стали проявляться такие характерные черты советской культурной дипломатии, которые они в той или иной мере сохраняли на протяжении всей своей истории и которые могли стать и становились источником ее слабостей. В первую очередь это её забюрократизированность и сверхцентрализация. Решение многих важных для нее вопросов требовало выхода на Политбюро, а то и личной санкции самого Сталина. Такая система могла эффективно работать лишь пока культурные обмены носили преимущественно «штучный» характер, при значительном же расширении контактов и неизбежно сопутствующей такому расширению рутинизации соответствующих практик и технологий она начинала давать сбои. Ну, и, разумеется, достаточно проницательные люди без особого труда догадывались, что ВОКС и другие органы советской культурной дипломатии – это «витринные», «фасадные» организации, а их независимость от партийных инстанций, а с середины 1930-х гг. и от НКВД, является мнимой<sup>186</sup>.

Если наглядно представить динамику «мягкой» силы России/СССР в виде кривой, то первые полтора – два послевоенных десятилетия, несомненно, выглядели бы на этом графике в виде своего рода выпуклости, содержащей внутри себя один из достигнутых за все время максимумов. Морально-политический капитал Советского Союза в те годы определялся в первую очередь его ролью во Второй мировой войне (тогда эту роль еще никому не приходило в голову оспаривать).

Ореол безоговорочной победы над абсолютным мировым злом, которое наглядно воплотила в себе нацистская Германия, способствовал как укреплению

---

<sup>186</sup> Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921 – 1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 78, 81 – 91, 490 – 498.

авторитета советской государственности в глазах самих советских граждан (внутренняя проекция «мягкой» силы), так и значительному усилению позиций просоветских политических сил и в других странах (внешняя ее проекция). В послевоенный период в семантике советского «политического месседжа» произошли определенные изменения. Сохраняя тесные (в том числе и секретные) связи с коммунистическими партиями других стран и претендуя в отношениях с ними на положение «высшей инстанции», советское руководство в то же время активно добивалось расширения спектра своего влияния, сдвигая политические акценты на общедемократические начала и ценности и демонстрируя готовность сотрудничать со всеми «прогрессивными» политическими силами и режимами. Показательным примером этого является налаживание отношений СССР с Индией<sup>187</sup>. Первый премьер-министр независимой Индии Дж. Неру первоначально ориентировался преимущественно на Великобританию и Британское содружество наций, а к Советскому Союзу относился с определенной подозрительностью. Тем не менее советской стороне удалось завоевать доверие индийцев, убедив их в том, что она не собирается вмешиваться в их внутренние дела, а, напротив, готова оказать им всемерную поддержку в деле укрепления реальной независимости. Советское государство приобрело немалый авторитет и на почве деятельной поддержки активно развивавшихся в послевоенный период организаций антивоенной и миротворческой направленности (Всемирное движение сторонников мира, Движение неприсоединения, Пагуошское движение).

По мере усложнения политических задач и расширения круга международных взаимодействий, развивался и институциональный аппарат «мягкого» советского политического влияния. Наряду со структурами, возникшими еще в довоенное время (ВОКС, Интурист, творческие союзы) создаются новые – отдельные общества дружбы (по странам) и другие формально неправительственные организации различного профиля (Советский комитет защиты мира, Комитет молодежных организаций, Комитет советских женщин и др.). Будучи нацеленными прежде

---

<sup>187</sup> См.: Черешнева Л.А., Черешнева М.С. «Позитивный нейтраллизм» Индии в оценке советского посла К.В. Новикова // Новый исторический вестник. 2021. № 4 (70).



всего вовне, эти организации имели значение и для «внутренней» идеологической работы – они поддерживали образ СССР как миролюбивой державы. Конечно, самостоятельность этих организаций была очень ограниченной; в стратегическом плане всех их курировал международный отдел ЦК КПСС и в меньшей степени МИД. Тем не менее через эти организации в так называемую «народную дипломатию» реально вовлекалась определенная часть граждан (прежде всего деятели науки и культуры, а также советский политический актив.

Совершенно новым явлением в послевоенный период стало активное подключение к институциональным механизмам «мягкой» силы СССР религиозных организаций, в первую очередь Русской православной церкви, а вслед за ней и других конфессий<sup>188</sup>. Партийно-государственное руководство даже позволило взрастить в недрах РПЦ сильную школу церковной дипломатии, идеологом и вдохновителем которой был митрополит Никодим (Ротов). Основной «специализацией» религиозных деятелей в этом плане стало их участие в международном движении за мир и ядерное разоружение, привлечение симпатий людей, ценящих традиции русской культуры, но не разделяющих коммунистической идеологии, а также содействие формированию нового позитивного образа СССР как «нормальной» страны, уважающей свободу совести и оставившей в прошлом практику идеологически мотивированных репрессий. Надо отметить, что ряду советских религиозных деятелей удавалось занять ключевые позиции как в миротворческом движении, так и в различных международных организациях, объединяющих верующих той или иной конфессии; среди них можно назвать, в частности, митрополита РПЦ Николая Ярушевича, председателя Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов Я.И. Жидкова, 19-го Пандито Хамбо-ламу Ж.-Д. Гомбоева и др.).

---

<sup>188</sup> Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // *Контуры глобальных трансформаций*. 2018. Т. 11. № 4; Кириченко С.В. Миротворческая деятельность буддистской конфессии СССР (1950 – 1980-е гг.) // *Известия Иркутского госуд. университета. Сер.: История*. 2022. Т. 42; Гасанов М.М., Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство во внешней политике Советского государства. 1945-1980-е гг. // *Вопросы истории*. 2011. № 4.

Разумеется, не все политические расчеты оправдывались – отчасти из-за острой межконфессиональной конкуренции, отчасти же потому, что успехи церковной дипломатии порой совершенно сводили на нет неуклюжие действия политического руководства. Так, советские дипломаты настоятельно рекомендовали использовать в интересах укрепления духовного авторитета и влияния СССР потенциал основанной в Пекине еще по указу Петра I православной духовной миссии, во главе с эмигрировавшим сюда в годы гражданской войны, но теперь уже вполне лояльно настроенного по отношению к советской власти архиепископом Виктором. Но вместо этого работа миссии по указанию сверху была свернута, а все немалое имущество, принадлежавшее русской церкви в КНР, было безвозмездно передано китайской стороне<sup>189</sup>. Тем не менее успехи в использовании религиозных связей как инструмента «мягкой» силы тоже были. Когда на приемах в советских посольствах присутствовали духовные лица, то их посещали и те приглашенные, которые обычно предпочитали на таких мероприятиях не появляться<sup>190</sup>. В период холодной войны некоторые епископы и священнослужители на Западе выступали с предостережениями против развертывания «крестового похода» против СССР и участия в нем верующих.

США, Великобритания и их союзники стремились нейтрализовать имеющийся у СССР потенциал «мягкой» силы, превзойти его в технологиях привлечения на свою сторону умов и чувств людей. При этом они использовали и советский опыт. Примечательно, что первоначальное название основного институционального органа британской культурной дипломатии – Британский комитет по связям с другими странами (с 1936 г. – Британский совет) – было почти калькой советского ВОКСа. Одновременно с пропагандой западного образа жизни проводилась работа по снижению образа «Страны Советов». Для этого в качестве мишени выступали в основном три ее наиболее уязвимые точки – относительно низкий уровень жизни,

---

<sup>189</sup> Гусева Е. С.Л. Тихвинский – дипломат, историк, востоковед // *Международная жизнь*, сентябрь 2018.

<sup>190</sup> Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 4. С. 135.

непреодолимый дефицит на потребительском рынке и очень сильные ограничения в свободе политического выбора и свободе самовыражения.

Критика советской повседневности, несомненно, во многом была справедливой. Однако у советской стороны были свои козыри, которые она до поры до времени могла достаточно успешно противопоставлять западной пропаганде. Невысокий жизненный уровень, например, можно было объяснить последствиями разрушительной войны. Зато в послевоенный период советская экономика по темпам роста и качественного развития входила в число самых успешных. По основным показателям «советское экономическое чудо» 1950-х гг. отнюдь не уступало легендарному немецкому. Соответственно этому довольно быстро повышался и уровень жизни. Но дело не только в количественных значениях роста ВВП, производительности труда и доходов населения: ценнейшим активом послевоенного СССР были еще и выдающиеся успехи в науке и технике: искусственные спутники Земли, космический полет Ю. Гагарина, первая в мире атомная электростанция, новаторские исследования по квантовой электронике (изобретение лазера) и др. Демонстрация советских достижений на первой после войны Международной выставке в Брюсселе (Экспо-1958) вылилась в подлинный триумф: несколько сотен советских экспонатов (включая, во что сегодня уже не верится, новые модели автомобилей), были удостоены Гран-при, а также золотых и серебряных медалей. Анализ причин, позволивших еще не преодолевшей бедность и послевоенную разруху стране вырваться вперед на ряде ключевых стратегических направлений, выявил преимущества Советского Союза в постановке образования и мотивации населения на интеллектуальную деятельность, и это не только убеждало советских граждан в том, что их страна идет по правильному пути, но и вызывало на Западе серьезные сомнения по поводу перспектив западного капитализма в соревновании с советской системой. Особенно большое впечатление достижения СССР производили на лидеров освобождающихся от колониальной зависимости стран, среди которых были крупные государства с многочисленным населением и значительными ресурсами, такие, как Индия, Индонезия, Египет и др.

Важным направлением успешного применения Советским Союзом технологий «мягкого» влияния и в послевоенные десятилетия по-прежнему оставалась культурная дипломатия. Упомянутый нами выше Ф. Баргхорн не без оснований характеризовал ее как «советское культурное наступление». Уже в 1950-е гг. гастроли советских артистов стали заметным элементом культурного ландшафта США, Канады, Японии, Западной Европы, не говоря уже о социалистических странах. При этом советские артисты и музыканты участвовали едва ли не во всех самых престижных международных конкурсах и неоднократно занимали на них первые места. Подтвердил свою мировую славу и советский кинематограф, завоевавший на самых престижных европейских кинофестивалях (Венеция, Берлин, Канны) несколько десятков различных призов и наград. В 1968 г. советский фильм «Война и мир» (реж. С.Ф. Бондарчук) был удостоен премии Американской киноакадемии («Оскар»). В послевоенный период СССР буквально ворвался в международный спорт. В 1952 г. советская команда впервые участвовала в Олимпийских играх и сразу же поразила спортивную общественность на Западе, поделив первые два места с командой США. С тех пор на протяжении всего времени своего существования СССР сохранял положение ведущей спортивной державы. Соответственно, многие звезды советского спорта были хорошо известны в других странах и пользовались там определенной популярностью.

В послевоенный период советские технологии «мягкой» силы в соответствии с изменившимися условиями подверглись основательной корректировке. Методы работы с ограниченным кругом лиц отходили на задний план, уступая место новым формам, рассчитанным на массовость и большие информационные потоки. Практика встреч первых лиц, персонифицирующих Советский Союз и «советскую идею», со знаменитыми зарубежными писателями и деятелями культуры, прекратилась; зато, как только страна оправилась от послевоенной разрухи, советское руководство стало подчеркнуто демонстрировать, что наше общество эволюционирует в сторону открытости, и СССР с готовностью начинает брать на себя роль страны-хозяйки различных международных мероприятий. Первым таким мероприятием стал Всемирный фестиваль молодежи и студентов (1957). В 1963 г. и 1987

гг. советская столица принимала у себя Всемирные женские конгрессы, в 1973 г. Всемирные студенческие игры (Универсиада), в 1980 г. – очередные Олимпийские игры<sup>191</sup> и др. Москва становится местом проведения ряда художественных фестивалей и конкурсов, завоевавших большой международный престиж (музыкальные конкурсы им. П.И. Чайковского, Московские кинофестивали). Все эти мероприятия не только имели значительный международный резонанс, но и формировали у советских людей позитивный образ СССР как «страны культуры».

Среди технологических и институциональных новаций послевоенных десятилетий надо особо отметить «детскую дипломатию». Едва ли не во всех советских школах (по крайней мере городских) и домах пионеров создавались Клубы интернациональной дружбы, которые завязывали и поддерживали переписку со сверстниками в других странах. С конца 1950-х гг. уникальным центром детской дипломатии становится пионерский лагерь «Артек», куда ежегодно приглашали несколько сот мальчиков и девочек из разных стран мира. Принимающая сторона, которая и финансировала эти поездки, естественно, рассчитывала на то, что по крайней мере некоторые из этих гостей станут своего рода ретрансляторами позитивной информации о Советском Союзе<sup>192</sup>. Знакомство с «детской республикой» в Крыму производило впечатление и на посещавших ее зарубежных политических деятелей, которых здесь побывало немало (Хо Ши Мин, И. Ганди, У. Кекконен, Сукарно и др.).

Всё возрастающую роль в распространении симпатий и чувства уважения к СССР в послевоенные десятилетия стало играть образование. До конца 1930-х гг. в специализированных советских вузах для иностранцев (Коммунистический университет трудящихся Востока, Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, военные учебные заведения) готовили в основном просоветских активистов, теперь же акцент был перенесён на качественное профессиональное образование. Авторитет Советского Союза – с одной стороны как

---

<sup>191</sup> Введение советских войск в Афганистан дало западным странам повод бойкотировать эти игры, что, разумеется «смазало» пропагандистский эффект от их проведения, но все же не могло погасить его полностью.

<sup>192</sup> Попов А.Д. Международная деятельность «Артека» в контексте детской дипломатии периода холодной войны // *Magistra vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2018. № 2. С. 81 – 88.

сверхдержавы, а с другой как лидера научно-технического прогресса – стимулировали повышенный интерес к советским вузовским дипломам. Но до начала цепной реакции обрушения колониальной системы количество иностранных студентов в советских вузах было сравнительно невелико – в 1950 г. оно составляло менее 6 тыс. человек. За 40 лет оно увеличилось более чем в 20 раз и составило свыше 126 тыс. К концу своего существования СССР занимал по данному показателю 3-е место в мире после США и Франции<sup>193</sup>. Заметное влияние на имидж СССР в мире оказывало и то, что он не просто принимал у себя иностранных студентов, но и содействовал развивающимся странам в развитии высшего образования. Так, в 1958 г. в дар Индии было передано оборудование для технологического института в Бомбее<sup>194</sup>, а в 1960-е гг. Советский Союз в порядке дара построил и оборудовал несколько учебных заведений для Алжира (Национальный институт нефти, газа и химии, Национальный институт легкой промышленности, Национальный гидромелиоративный институт и др.)<sup>195</sup>. Параллельно усилению позиций русскоязычного образования расширялось и обучение русскому языку, который стал приобретать глобальный статус. В 1967 г. была создана существующая и поныне Международная ассоциация преподавателей русского языка (МАПРЯЛ). Хотя штаб-квартира МАПРЯЛ находится в России, по своему правовому статусу, по своему статусу эта ассоциация не была и не является собственно советской/российской структурой; в его руководство всегда входило несколько авторитетных иностранных специалистов, а конгрессы и другие мероприятия МАПРЯЛ (включая последние по времени) проводились в разных странах мира. Тем не менее было бы логично также рассматривать ее как один из латентных элементов институциональной структуры «мягкого» влияния сначала СССР, а потом и Российской Федерации.

Как видно из сказанного, «мягкая» сила, которой располагал СССР в послевоенный период, носила комплексный характер и была более разносторонней и многогранной, чем до войны, а тем более в 1920-е гг. В качестве целевой внешней

---

<sup>193</sup> Арефьев А.Л. Об экспорте российского образования // Образование и наука в России. 2020. № 5.

<sup>194</sup> Andreev A., Andreev I. India and Russia: Relations in the Modality of «Soft Power» // India-Russia Cultural Ties: Changing Dimensions. New Delhi: Ana Books Pvt. Ltd., 2021.

<sup>195</sup> Богучарский Е.М. СССР и Алжир, 60-е – 70-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2008. С. 55.

аудитории «мягкого» влияния так же, как и в довоенный период, рассматривалась «прогрессивная интеллигенция», которая в свою очередь должна была воздействовать на «широкие народные массы»<sup>196</sup>. Но в послевоенный период область приложения «мягкой» силы, значительно расширилось за пределы Европы. Особо отметим проникновение советского влияния в Латинскую Америку, которая со времен знаменитой доктрины Монро считалась «задним двором» США<sup>197</sup>.

Надо отметить, что, используя имидж СССР как страны, способной выступать в качестве лидера научно-технического и социального прогресса, советские политические стратеги сумели разработать для стран, составляющих, по определению И. Валлерстайна, периферию мирового капитализма, определенную повестку дня на будущее, а именно – концепцию некапиталистического развития, которая была взята на вооружение рядом государств и политических движений. Благодаря в значительной степени действию технологий «мягкого» влияния, вокруг советской сверхдержавы сложились своего рода «кольца Сатурна» – с одной стороны, в виде опекаемой им по идеологическим причинам политической клиентелы и, с другой стороны, просто дружественно расположенных к нему развивающихся государств, часто – имеющих давние духовные связи с русской культурой. Опираясь на их поддержку и рассчитывая на их голоса, СССР мог активно действовать в ООН и других международных организациях, блокируя нежелательные для себя инициативы своих политических оппонентов.

Особо надо упомянуть в этом контексте о российско-французских отношениях при де Голле и его ближайших преемниках, которые (отношения) выходили за пределы чисто политического измерения и имели признаки взаимного притяжения культур. Франция, разумеется, оставалась частью Запада. Но в данный период она пыталась проводить независимый от США курс, и в этом плане могла рассчитывать на поддержку СССР. Несомненно, рассчитывая на такую поддержку, де

---

<sup>196</sup> Трегубов Н.А. Советское агитационное воздействие на целевую аудиторию в социалистических, развивающихся и капиталистических странах (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Управление в современных системах. 2017. № 4 (15). С. 22 – 31.

<sup>197</sup> См.: Докучаева С.В., Никонова О.Ю. Институциональная структура и целевые аудитории советской культурной дипломатии в странах Латинской Америки в 1950 - 1960-е гг. // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2018. Т. 18. № 1.

Голль решил принять решение о выходе из военной организации НАТО, что, безусловно, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Однако, говоря о дружественном расположении де Голля к России, надо уточнить, что французский президент ориентировался не столько на привлекательность СССР как такового, сколько на образ *la Russie eternelle*, ипостасью которой для него выступала советская держава.

Поддержание имиджа бескорыстного спонсора прогрессивных сил, борющихся за мир и торжество социальной справедливости было политической технологией «двойного назначения», призванное не только поддерживать симпатии к СССР в других странах, но и формировать у советских людей представления о величии советской державы и востребованности советского опыта, нередко – преувеличенные<sup>198</sup>. Но надо признать, что такая политика высасывала соки из собственной – советской – экономики. Это со временем стало вызывать все больший ропот внутри страны, и образ «бескорыстного международного спонсора», который вначале мог вселять в сознание советских людей определенное чувство гордости за свою страну, реинтерпретировался в негативную сторону.

Огромной проблемой было несовпадение советского пропагандистского дискурса с реалиями повседневной жизни в СССР. Колумбийский писатель Г. Маркес, посетивший СССР в 1957 г. и в целом лояльно настроенный по отношению к нашей стране, писал о ее драматических контрастах: реактивные лайнеры и женщины, занятые на тяжелых дорожных работах, витрины, глядя на которые невозможно поверить, что они находятся в стране, имеющей ядерное оружие, трудящиеся, ютящиеся в маленьких комнатухах и испытываемое ими же чувство гордости за то, что советский космический аппарат побывал на Луне<sup>199</sup>. Между тем начиная с конца 1950-х гг. темпы развития советской экономики начали снижаться, а ее эффективность падала. Под влиянием этой тенденции вера в советский социальный эксперимент постепенно тускнела и угасала, что неизбежно отражалось на привлекательности советского образа жизни и советской модели развития. Надо

---

<sup>198</sup> См. подробнее: Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны: 1945 – 1989. М.: Политическая энциклопедия, 2018.

<sup>199</sup> Маркес Г. СССР: 22400000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Маркес Г. Палая листва. СПб.: Симпозиум, 2000.



упомянуть в этой связи и о разоблачении сталинского режима, которое для многих людей, искренне веривших в советский социальный эксперимент, обернулось настоящим шоком, обрушивавшим всю их картину мира.

В такой обстановке начинается череда политических событий, которые разрушали романтический образ СССР как страны, олицетворяющей собой стремление к миру и свободе – пусть даже допускающей в этом своем стремлении те или иные ошибки и перегибы. Одной из самых серьезных причин этого перелома было подавление протестных выступлений в ГДР (1953) и Венгрии (1956), а затем ввод войск Варшавского договора во главе с СССР в Чехословакию, положившая конец попытке создать здесь «социализм с человеческим лицом» (1968). Эти события сильно повлияли в негативном плане и на общественные круги зарубежных стран, и на немалую часть советских интеллектуалов, стимулируя диссидентские настроения в самом СССР и усиливая там симпатии к Западу. Для симпатизировавших советскому проекту активистов левого толка большим разочарованием стал тогдашний разрыв Москвы с Пекином, сопровождавшийся жесткой, порой даже разнузданной, взаимной критикой. При этом наиболее радикальные левые интеллектуалы, особенно во Франции, ставили в вину советскому руководству «ревизионизм» в отношении к мировому капитализму, стремление договариваться с западными державами. В их глазах лидером революционных сил и символом «Великого Отказа» следовать буржуазным ценностям становился маоистский Китай с его культурной революцией и ведущими «огонь по штабам» отрядами хунвейбинов.

В интеллектуальной жизни период со второй половины 1950-х до второй половины 1970-х гг. был ознаменован «марксистским возрождением» – он характеризуется едва ли не повсеместным увлечением марксизмом, формированием новых, творческих его интерпретаций. Это относится и к СССР, где в 1950-е – 1960-е гг. появилась плеяда талантливых, креативно мыслящих молодых философов, историков, социологов, работающих в марксистской парадигме и внесших существенный вклад в ее развитие. Однако сохраняющийся контроль за умственной жизнью со стороны партийной идеологической бюрократии, для которой привычная ортодоксальность значила намного больше, чем творческий поиск, сдерживал,

а часто и заглушал ростки нового. В итоге советская социальная мысль не смогла использовать исключительно благоприятную для себя ситуацию, заняв лидирующие позиции на гребне интеллектуальных увлечений своего времени, что могло бы послужить существенной добавкой к тому набору факторов «мягкой» силы, которыми располагал СССР. К началу 1970-х гг. охлаждение между «страной победившего социализма» и западными левыми идеологически оформилась в виде идейной противоположности между «советским марксизмом» и так называемым евромарксизмом. Она повлияла и на коммунистическое движение, в рамках которого возник вносящий свою лепту в жесткую критику СССР еврокоммунизм, и, в какой-то степени, ускорила эрозию обаяния советского проекта внутри.

До обозначившегося в развитии советского общества момента утраты внутренней динамики, Советский Союз вызывал на Западе полярные эмоции. Одни его ненавидели, для других он служил если не предметом любви, то, по крайней мере, источником вдохновения. Теперь же поводов для кипения страстей становилось все меньше: советское руководство вело себя предсказуемо, сравнительно легко шло на определенные компромиссы, так что СССР по сути дела, перестал восприниматься его противниками и конкурентами как источник непосредственной опасности: нечто вроде стареющего льва, внешне все еще сильного, но уже показывающего некие признаки, свидетельствующие о том, что внутренне он ослабевает...

Интересно и в то же время парадоксально, но во времена свирепых большевистских «чисток» западная интеллигенция, в общем и целом, воспринимала Советский Союз с большей эмпатией и была менее склонна акцентировать внимание на негативных сторонах советской действительности, чем во времена Хрущева и особенно Брежнева, когда политические репрессии стали несравненно мягче и применялись очень ограниченно<sup>200</sup>. Этот примечательный факт, на наш взгляд, говорит о том, что на Западе СССР, в сущности говоря, воспринимался не сам по себе, а как «свое другое». Просоветские симпатии часто были обусловлены тем, что в экзотической для них стране европейцы и американцы хотели найти и в самом деле

---

<sup>200</sup> См.: Холландер П. Политические пилигримы: Путешествия западных интеллектуалов по Советскому союзу, Китаю и Кубе, 1928 – 1978. – СПб.: Лань, 2001. С. 12.

усматривали (часто иллюзорно) черты, составляющие антитезу того, что их отталкивало в собственном обществе (компенсаторный тип «мягкой» силы). Но в 1960-е гг. Советский Союз в этом специфическом качестве заменил маоистский Китай. А, с другой стороны, западный капитализм, который эволюционировал в сторону общества массового потребления и социального государства, многими стал восприниматься как достаточно приемлемый (с чем, в частности, была связана постепенная эрозия социальной базы европейских компартий).

В плане применения специфических технологий «мягкой» силы советский социально-исторический проект оставался конкурентоспособным примерно до середины 1970-х гг., в немалой мере в силу того, что лидер западного капитализма – США – переживал серьезный внутренний кризис, связанный как с внешнеполитическими неудачами (война во Вьетнаме, закончившаяся поражением и выводом американских войск), так и болезненным процессом смены основополагающих ценностей, сопровождавшихся расовыми столкновениями и молодежными бунтами (движение хиппи, протестные выступления в студенческих кампусах). Но во второй половине «эры Брежнева» советская модель стала стремительно терять свою привлекательность как внутри страны, так и за рубежом. Высокие темпы развития советской экономики остались в прошлом, отчётливо обозначились её неспособность осуществить уже состоявшийся на Западе переход к обществу потребления, а вместе с тем – социальное обособление правящего номенклатурного слоя от основной массы населения и неуклонно расширяющийся разрыв между пропагандистской риторикой и реальной жизнью. Началось свертывание сотрудничества с партнерами, игравшими роль ключевых опор Советского Союза в мировой политике (например, с Индией), поскольку у них возник ряд новых возможностей диверсификации экономических взаимодействий и технологической помощи.

И всё же применительно к этому непростому времени, на наш взгляд, нельзя говорить ни о каком-то необратимом надломе советского общества, ни об исчерпании того потенциала «мягкой» силы, который был наработан за время его существования. Предпринятая в середине 1980-х гг. попытка реформ (так называемая перестройка) вызвала в обществе волну энтузиазма и в то же время всплеск

симпатий за рубежом. Создававшаяся на протяжении многих лет разветвлённая инфраструктура «мягкой» силы продолжала свою работу, популяризируя за рубежом русскую и советскую культуру, науку и героическую историю. Более того, снятие жёстких идеологических ограничений позволило начиная с середины 1980-х гг. подключить к этой инфраструктуре некоторые новые элементы – в частности, стоявшие на антикоммунистических позициях, но тем не менее патриотически настроенные эмигрантские диаспоры, такие организации, как, например, Конгресс русских американцев. Дискурс так называемого «нового мышления» привлекал обаянием неожиданной новизны и резонировал с настроениями и миллионов людей на всех континентах. На первых порах он производил сильное впечатление и внутри страны, способствуя преодолению прогрессирующего во времена «позднего Брежнева» отчуждения граждан от терявшей свой динамизм политической системы и её официальной идеологии. Многим в тот момент могло казаться, что СССР во главе с М.С. Горбачёвым совершает смелый прорыв к каким-то новым историческим горизонтам, и это принесло советскому лидеру и его политическому курсу огромную популярность международных масштабов. М.С. Горбачёв и его советники, безусловно, стремились закрепить и максимально использовать этот эффект, в том числе посредством некоторых специальных решений, в том числе институциональных. Одним из них было, в частности, создание специального Отдела международной информации ЦК КПСС. Но здесь мы должны сделать важный в методологическом плане вывод: популярность отнюдь не равнозначна «мягкой» силе. В рассматриваемом нами случае это так, потому что конвертировать популярность в готовность зарубежных контрагентов идти навстречу интересам Советского Союза у тогдашнего руководства страны (а в этом, собственно, и состоит смысл «мягкой» силы) не получилось. Более того, сама логика «нового мышления», ориентированная на то, чтобы «понравиться» партнёрам и любой ценой интегрироваться с «цивилизованным миром», заставляла это руководство делать серьёзные уступки, шаг за шагом сокращая сферу советского влияния.

Итак, материалы, представленные в этом параграфе, позволяют сделать вывод, что советская эпоха стала очень важным, по сути дела, переломным этапом в

процессе формирования потенциала «мягкой» силы России (в 1922 – 1991 – СССР). В Советском Союзе ещё в 1920 – 1930-е гг. впервые в отечественной истории была создана специализированная институциональная структура «мягкой силы», вырабатывались инновационные технологии завоевания привлекательности. В этом плане советский опыт отличался значительной креативностью и отдельные его элементы в модифицированном виде перенимались за рубежом. Новый толчок к развитию отечественные технологии «мягкой» силы получили после завершения Второй мировой войны, когда Советский Союз стал пользоваться огромным авторитетом в качестве главного победителя фашизма, а его «мягкая» сила приобрела глобальный масштаб. В дальнейшем же обаяние советского проекта и, соответственно, Советского государства, в силу ряда причин, среди которых не последнее место занимала неспособность обеспечить советским людям высокий уровень жизни, стало постепенно тускнеть. Тем не менее в плане применения специфических технологий «мягкой» силы советский социально-исторический проект, в общем и целом, оставался конкурентоспособным примерно до середины 1970-х гг. Определённый шанс на обретение «новой привлекательности» Советскому Союзу дал всплеск его популярности в начальный период перестройки. Однако в конечном счёте он не был использован в силу того, что особенности так называемого «нового мышления» блокировали возможность конвертации популярности в готовность зарубежных контрагентов идти навстречу интересам Советского Союза (в чём, собственно, и состоит основной смысл «мягкой» силы).

### **4.3. «Мягкая» сила современной России**

Переходя к анализу «мягкой» силы современной России, следует учесть, что в условиях социальных и политических трансформаций революционного масштаба, какие пережила наша страна начиная с 1990-х гг., фактор «мягкой» силы государства в его отношениях к собственному населению особенно трудно поддается выделению в качестве поддающегося изолирующей абстракции объекта исследования. Это связано с тем, что образ государства как политического института в такие исторические моменты теряет свою определенность и как бы

«расплывается» из-за неясности перспектив и противоречивости отношений к прошлому. На этой почве возникают конфликты лояльностей и другие социально-психологические aberrации, не позволяющие чётко зафиксировать субъектность государства как источника «мягкой» силы. На протяжении почти всего последнего десятилетия XX в. образы новой российской государственности как бы совмещались в массовом сознании с образом Советского Союза, что создавало специфические эффекты смещения социальных ожиданий (например, население по инерции переносило на конституировавшееся в 1991 г. государство многие социальные обязательства советского времени). На внешнем контуре политических взаимодействий, где источник «мягкой» силы и воспринимающие ее воздействия субъекты четко разделены, такие эффекты сказываются значительно меньше. По этой причине в ходе последующего анализа мы сосредоточим внимание именно на динамике внешнего восприятия «мягкой» силы России, на институциональных основах и инструментах ее мирового влияния.

После распада Советского Союза Российская Федерация унаследовала основные компоненты «мягкой» силы СССР – его культурный капитал, преемственность государственной традиции, статус победителя во Второй мировой войне, авторитет в мировой науке, спортивную репутацию, множество легко узнаваемых брендов. К этому надо добавить наработанные в советский период связи с политическими, интеллектуальными и деловыми кругами различных стран. Тем не менее в 1990-е гг. Россия предстала как перед своими гражданами, так и перед мировым сообществом в сильно изменившемся облике, что, разумеется, не могло не отразиться на содержательных характеристиках и условиях применения ее «мягкой» силы. Если рассматривать положение Российского государства в тот исторический момент, то оно представляется парадоксальным. Падение Берлинской стены, роспуск Варшавского договора, политическое самоубийство КПСС, приход к власти политиков, стремившихся поскорее отречься от советского прошлого, вызвали на Западе прямо-таки взрывы восторга. И надо сказать, что вплоть до определенного момента этому соответствовало симметричное отношение россиян к Западу. Можно, по-видимому, сказать, что внутренняя проекция «мягкой» силы Российского государства

в ценностном отношении также была соответствующим образом окрашена: собственное государство большая часть россиян оценивала тем позитивнее, чем больше оно стремилось войти в западную цивилизацию.

Если следовать логике Дж. Ная, то в ситуации сближения с Западом «мягкая» сила России должна была бы возрасти. Однако реальная картина оказалась прямо противоположной. Это хорошо видно из недавно рассекреченных и опубликованных записей телефонных разговоров между Кремлем и Белым домом. Б.Н. Ельцин неоднократно по-дружески просил Б. Клинтона не допускать расширения НАТО на восток, не проводить военно-морские учения вблизи главной базы Черноморского флота в Севастополе, содействовать американским инвестициям в Россию и др. В ответ на это из Вашингтона следовали лишь вежливые отговорки. За исключением, впрочем, одного вопроса – расширения НАТО. Сделав ряд комплиментов молодой российской демократии, Клинтон дал понять, что не будет учитывать российские озабоченности, мотивируя такую позицию туманным обещанием построить какую-то «новую НАТО»<sup>201</sup>. Таким образом, способность России влиять на своих партнеров снизилась если не до нуля, то, во всяком случае, до исторического минимума. С другой стороны, политический курс тогдашней российской власти, ее попытки постоянными уступками приобрести расположение зарубежных партнеров, вызвал сопротивление со стороны значительной части россиян, вследствие чего использование «мягкой» силы в отношениях между государством и гражданским обществом крайне осложнилось, и это, на наш взгляд, стало одной из причин политических кризисов 1990-х годов (в частности, кризиса 1993 года).

Проводившаяся в начале 1990-х гг. линия на фактический отказ государства артикулировать и продвигать национальные интересы, создала нестандартную ситуацию, для которой трудно найти аналоги и которая, вообще говоря, не вписывается в систему представлений, на основе которых возникла, а впоследствии

---

<sup>201</sup> См.: Declassified Documents Concerning Russian President Boris Yeltsin // Clinton Digital Library. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/> (дата посещения 21.12.2019).

корректировалась и модифицировалась концепция «мягкой» силы. Но подобные не укладывающиеся в рамки теории примеры, вообще говоря, часто имеют немалое эвристическое значение; их осмысление поучительно как для политической практики, так и для теоретической мысли. В частности, российский опыт 1990-х гг. позволяет сделать несколько содержательных выводов.

Первое. «Мягкая» сила гарантированно проявляется лишь при определенном сочетании факторов культурно-психологического влияния с факторами материальной (экономической и военной) мощи. Собственно, *силой* ее делает своеобразный эффект взаимной проекции (или, если угодно, своего рода «просвечивания») одного через другое, без которого потенциал «мягкой» силы большинстве случаев как бы обнуляется.

Второе. «Мягкую» силу следует трактовать как *реляционное* понятие, относящееся не столько к абсолютным, сколько к относительным и притом интерактивным свойствам политических субъектов, которые (свойства) в разных ситуациях могут проявляться и оцениваться по-разному. Полагаем, что эта мысль станет яснее, если представить себе на месте России 1990-х годов страну с другой историей, не выступавшую еще недавно в качестве одного из мировых лидеров, не способную предлагать какие-либо цивилизационные альтернативы Западу или, допустим, потерпевшую *реальное* (а не виртуальное) поражение и начисто лишенную военной мощи (как Германия или Япония в 1945 г.). В этом случае отношение президента сверхдержавы-триумфатора к ее озабоченностям, вероятно, могло бы быть более лояльным. Делаем отсюда вывод, что *понятие «мягкой» силы, строго говоря, характеризует не столько взаимодействие между акторами политического поля как таковыми, сколько отношения между комплексными объектами типа «актор-в-ситуативно-определяемом-политическом-окружении».*

Когда мы обращаемся к начальному периоду существования постсоветской России, не приходится удивляться тому, что первое время у нее не было реальных возможностей для проведения политики глобального влияния. Но не было и соответствующего стратегического целеполагания. Задача создания и продвижения привлекательного образа обновленной Российской государственности,



вызывающего чувство гордости у россиян и почтительное уважение в мире, по существу, не ставилась – «молодым реформаторам» первого призыва казалось, что достаточно просто продекларировать приверженность ценностям «цивилизованного мира». Свидетельством отсутствия ясного целеполагания является характерная для ситуаций стратегической неопределенности институциональная чехарда. Так, в 1992 г. был учрежден отвечающий за внешнюю проекцию «мягкой» силы специализированный орган – Росзарубежцентр, однако в дальнейшем он многократно переименовывался и переподчинялся. Параллельно продолжали свою деятельность переведенные в российский формат общественные организации советского времени, специализирующиеся на гуманитарных контактах, развитии культурных связей и народной дипломатии (Российский комитет защиты мира, Международная ассоциация фондов мира, Союз женщин России, Российский фонд мира, Российская ассоциация международного сотрудничества, ассоциации и общества дружбы и др.). Но без ранее оказываемой им государственной поддержки многие из них быстро приобретали полуфиктивный характер.

Лишь после преодоления экономических потрясений 1990-х гг., в тесной связи с восстановлением государственной мощи России, включая внутреннюю консолидацию государственной власти и дееспособность вооруженных сил страны, можно говорить о начавшейся на рубеже истекшего и нынешнего столетий *регенерации её «мягкой» силы*, причем – как и в прошлом – силы глобально значимой. К концу первого президентского срока В.В. Путина уже существующая институциональная инфраструктура «мягкой» силы стала надстраиваться новыми звеньями, функционально приспособленными для проработки различных аспектов российского подхода к перспективам современной цивилизации, трансляции позитивных образов России аудиториям различного типа – от влиятельных политиков и экспертов до «человека с улицы»: Фонд «Русский мир» (2003), Валдайский клуб (2004), телеканал RT (2005), Институт русского зарубежья (2005), Институт демократии и сотрудничества (с отделениями в Париже и Нью-Йорке, 2007), Федеральное агентство по делам Содружества Независимых государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству

(Россотрудничество, создано в 2008 на базе ранее существовавшего Росзарубежцентра), Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (2010) и т.д. В этом же ряду назовём Фонд исторической перспективы и Фонд стратегической культуры, систематически публикующие новостные и информационно-аналитические материалы на своих Интернет-порталах, рассчитанных и на российскую, и на зарубежную аудиторию.

Основные звенья этой расширяющейся институциональной инфраструктуры создавались уже под новую политическую реальность, характеризующуюся возвышением Китая, восстановлением государственной мощи России, возвращением российского общества к собственным традиционным ценностям, а также кризисом либеральной модели социально-исторического развития и усилением конфронтационности в отношениях России с США и их союзниками. В конечном счете ведущим западным политикам и медиамагнатам пришлось признать, что российский взгляд находит отклик не только внутри страны, но и за рубежом. Своеобразным «отрицательным свидетельством» эффективности институтов российского влияния стали запреты на вещание для RT и блокирование российских источников в Интернете.

Тем не менее сам термин «мягкая сила» в официальный российский политический дискурс долгое время не вводился. Первый случай его употребления на высшем уровне – это опубликованная в преддверии президентских выборов 2012 года статья В.В. Путина «Россия и меняющийся мир»<sup>202</sup>. Предложенная в ней трактовка концептуально отличалась как от взглядов американских политологов, так и от китайского к ней подхода тем, что предлагала четко разделить две формы «мягкой» силы – с одной стороны «цивилизованный лоббизм», а с другой – манипулирование общественным сознанием, в том числе – с целью вмешательства в дела других государств. В такой трактовке концепт «мягкой» силы существенно расширился по сравнению с концепцией Дж. Ная, т.к. в него были включены различные виды

---

<sup>202</sup> Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – 2012. – 27 февраля.

информационно-психологического манипулирования, спецоперации и информационные войны (ведь они тоже представляют собой давление без применения оружия).

Понятно, что такой подход более реалистичен, и возник он отнюдь не «из головы», а на основе совершенно конкретного опыта регенерации и применения «мягкой» силы России в максимально сложных условиях прямого противодействия со стороны США, НАТО и ЕС. Технологии этого противодействия, которые в данном случае имел в виду В.В. Путин, разнообразны и в совокупности рассчитаны на предельно широкий охват. В этой связи появляются веские основания для того, чтобы скорректировать определение «мягкой» силы. Мы добавили бы к нему еще одно свойство – *способность преодолевать сопротивление*. Ведь, в сущности говоря, о силе можно говорить лишь тогда, когда она уравновешивает противоположно направленную силу.

Несмотря на развернувшуюся на Западе массированную антироссийскую кампанию, которая почти безостановочно идет на протяжении вот уже полутора десятилетий, вплоть до начала специальной военной операции на Украине Россия постоянно входила в публикуемый Portland Communications, Brand Finance и другими аналитическими центрами глобальный рейтинг стран, обладающих наибольшим ресурсом «мягкой» силы (Top-30 Soft Power), хотя при этом и занимала далеко не первые места. Главный вклад в общую сумму баллов, из которых складывалась итоговая оценка зарубежных экспертов, она получала по таким индикаторам, как высокий уровень образования населения, продвижение цифровых технологий, культурное наследие и динамичная сфера туризма, развитие которого говорит с одной стороны об интересе к нашей стране, а с другой стороны дает возможность непосредственно увидеть повседневную жизнь россиян.

Весьма информативными и притом располагающими к конкретному анализу тех политических возможностей, которые могут реализовываться с помощью инструментария «мягкой» силы, представляются данные по восприятию России и её политики. Отметим, что локусы с преобладанием положительных (и, наоборот, отрицательных) оценок России, а следовательно, и точки эффективного воздействия

ее «мягкой» силы распределены в пространственном отношении весьма неравномерно. Значения соответствующих индикаторов могут весьма сильно различаться даже в соседних странах, что дает в итоге характерную дробно-мозаичную картину.

Судя по данным эмпирических исследований, проводившихся в относительно спокойный период до начала СВО (Pew International, 2018; BBC World Service Poll, 2018), уровень симпатий достигал наивысших отметок в Азии (за исключением Японии, имеющей претензии по поводу Курильских островов), причём такие настроения близко коррелировали и с одобрительным отношением к российскому влиянию в мире. На Филиппинах, в Индонезии, в Таиланде, Южной Корее число респондентов, положительно воспринимавших Россию и/или российский политический курс фиксировалось на уровне в 1,5 – 2 раза больше, чем сторонников противоположного мнения. Но особенно благожелательное отношение к России сложилось в двух крупнейших странах континента – Индии и Китае. Здесь доля одобрительно относящихся к российскому влиянию в мире поднималась выше отметки 70 %. Характерно, что оба эти государства отказались присоединиться к антироссийской кампании, поднятой Западом, что, безусловно, во многом объясняется фактором «мягкой» силы, симпатией, которую Россия вызывает у китайцев и индийцев. Разница состоит только в том, что индийцы в равной мере симпатизировали и США, а в Китае пророссийские настроения фиксировались в 2 раза чаще, чем проамериканские<sup>203</sup>. Кроме того, в китайском медиадискурсе образ России наделяется некоторыми уникальными смысловыми элементами, отражающими историю прошлых отношений двух стран, выступавших в качестве лидеров коммунистического движения (Россия как «государство-урок» и ряд др.)<sup>204</sup>.

Проведение СВО, последовавшая за этим антироссийская кампания в контролируемых Западом глобальных СМИ, а также так называемая «культура отмены», конечно, не могли не повлиять на восприятие России и ее роли в современном мире.

---

<sup>203</sup> Letterman K. Global Attitudes and Trends. Image of Putin, Russia Suffers Internationally // Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2018/12/06/image-of-putin-russia-suffers-internationally/> (Access 29.12.2019). Ср.: BBC World Service Poll 2018. URL: <https://globescan.com/> (Access 29.12.2019).

<sup>204</sup> См.: Лагуткина М.Д. Языковые способы репрезентации России и Китая в российском и китайском медиадискурсах в контексте «мягкой силы»: дис.... канд. фил. н. М., 2022. С. 141.

Во многих странах, в том числе и в Азии, отношение к России и её Президенту в целом ухудшилось, что западные аналитические центры немедленно зафиксировали. И тем не менее даже после начала СВО отношение к России по крайней мере в целом ряде крупных стран осталось достаточно позитивным. Так, например, в Малайзии доля респондентов, придерживающихся благоприятного мнения о России, летом 2022 г. была зафиксирована на уровне 47%, в Индии (весна 2023 г.) – 57%, в Индонезии (также весна 2023) – 42% при уровне антипатий всего 6%<sup>205</sup>.

Неплохо воспринимается Россия и на Ближнем Востоке. В Латинской Америке картина получается несколько иной – здесь симпатии к ней даже в периоды спада международной напряжённости проявляет меньшинство, хотя и весомое (так, в Мексике, Бразилии, Аргентине, Перу уровень симпатий к нашей стране обычно фиксировался на уровне не ниже 1/3 опрошенных); но вот роль, которую Россия играет в мировых делах, население этих стран оценивают так же сдержанно, как и роль США, тогда как расширение глобального влияния КНР и Евросоюза особой оппозиции у него не вызывает.

В последнее время стало заметным возрастание авторитета России на африканском направлении. Западные эксперты с тревогой отмечают, что Россия возвращается в Африку, вытесняя оттуда бывшие колониальные державы. Это возвращение осуществляется на основе комбинированных стратегий, сочетающих военную помощь с «мягкой» силой. В частности, регенерации «мягкой» силы России сильно способствовал проведенный осенью 2019 г. в Сочи Саммит и Экономический форум «Россия – Африка». При этом, как отмечали комментаторы, одним из важных факторов влияния Москвы на страны «Черного континента» является российская модель выстраивания международного сотрудничества: принимать африканских лидеров и местные элиты такими, какие они есть, и работать с ними, не вдаваясь в нравоучения по поводу того, какой должна быть демократия и как следует

---

<sup>205</sup> Wike R., Fetterolf J., Fagan M., Gubbala S. International Attitudes Towards the US, NATO and Russia in a Time of Crisis. // Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/06/22/international-attitudes-toward-the-u-s-nato-and-russia-in-a-time-of-crisis/> (Access 14.06.2023), <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/10/overall-opinion-of-russia/> (Access 21.09.2023).

соблюдать права человека<sup>206</sup>. Очевидно, что такая политика во многих случаях достигает цели: так, из 39 голосов (помимо РФ), не поддержавших резолюцию XI чрезвычайной специальной Генассамблеи ООН «Агрессия против Украины» (март 2022), 18 принадлежали именно африканским странам.

Вряд ли надо особо доказывать, что в качестве генератора и своего рода полюса антироссийских настроений выступают США, за которыми следует так называемый «коллективный Запад». Причины, обусловившие такое положение вещей, достаточно сложны. Несомненно, определенную роль здесь играют значительные различия цивилизационного порядка. Но, думается, все же основным катализатором антироссийских настроений является ощущение того, что возвышение России представляет собой угрозу положению США и западной гегемонии в мире в целом. Характерно, что, по данным Института Гэллапа, в 2004 г. только 18 % американцев считали, что Российская федерация представляет собой угрозу США, тогда как к концу 2010-х гг. значение этого показателя приблизилось к 60 %. Соответственно этому в американском обществе возрастал и индикатор антипатии к России. Весной 2023 г. неблагоприятное мнение о нашей стране разделяли примерно 91 % американцев, тогда как дружеские чувства к ней сохраняли всего 7 %<sup>207</sup>.

Очень непростые условия для российских информационно-политических институтов, использующих технологии «мягкой» силы, сложились в Европе, при том, что данный регион связан с нашей страной настолько старыми, плотными, глубокими культурно-историческими связями, что отношения с Россией порой становятся здесь одним из значимых элементов национальной идентичности (в том числе, кстати говоря, и в тех случаях, когда эта последняя формируется через «отталкивание» и противопоставление себя России). В этой связи следует учитывать, что определенная часть российской интеллигенции и молодежи весьма чувствительна к оценкам, транслируемым с Запада; их отношение к собственной стране и государству складывается с учетом этих оценок по принципу «эха», так что речь в

---

<sup>206</sup> Cuordifede C. Quand la Russie lorgne les vieux "près carrés" de la France // Marianne. – 2020. – 21 oct.

<sup>207</sup> Fagan M., Poushter J., Gubbala S. Overall Opinion of Russia // Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/10/overall-opinion-of-russia/> (Access 21.09.2023).

данном случае должна идти не только о проецировании «мягкой» силы России вовне, но, опосредованно, и о том, насколько ее «мягкая» сила эффективна применительно к сознанию прозападной части российского общества. Образно выражаясь, можно сказать, что «мягкая» сила Российского государства действует на определенные социально-демографические группы россиян, будучи как бы пропущенной сквозь призму Запада. И это обстоятельство надо рассматривать как немаловажный фактор российской политической жизни.

Данные зарубежной аналитики говорят о том, что население Европы в своем отношении к России сильно дифференцировано. Так, в частности, социологические опросы, проводившиеся в странах Евросоюза<sup>208</sup> показали, что традиционно Россия хуже всего воспринимается в Скандинавии, Нидерландах, Польше, а также в Прибалтике. При этом шаги, которые России предпринимает с целью улучшения своего имиджа, здесь могут расцениваться как угроза, так что попытки использовать «мягкую» силу нередко даже приводят к усилению враждебности и напряженности<sup>209</sup>. Иногда этому можно найти объяснение в «фантомных болях» исторического прошлого. Но, надо заметить, далеко не всегда. Например, у России никогда не было конфликтов с Голландией, и тем не менее уровень пророссийских симпатий здесь ниже, чем в Польше, у которой издавна имеются очень непростые исторические счеты и с царской империей, и с СССР.

Распространение умеренно русофильских настроений более всего характерно для некоторых стран Юго-Восточной и Центральной Европы. Например, в Болгарии, где даже существует институционально оформленное движение русофилов, безусловные симпатии к России незадолго до начала специальной военной операции на Украине выражали до 73% опрошенных. В Словакии аналогичный показатель составлял примерно 60% населения, в Греции – 58%<sup>210</sup>. После начала СВО эти показатели существенно снизились. Например, в Греции – до 27%. Но тем не

---

<sup>208</sup> Huang K., Cha J. Russia and Putin receive low ratings globally // Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/> (access 14.11.2022).

<sup>209</sup> Николаева Н.А. Возможности и ограничения использования Россией «мягкой силы» в отношении стран Прибалтики. дисс... канд. полит. наук. М., 2018.

<sup>210</sup> Huang K., Cha J. Russia and Putin receive low ratings globally // Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/> (access 14.11.2022). (Access 14.11.2022).

менее это на порядок выше, чем, допустим в Польше (2%) или в Швеции (5%)<sup>211</sup>. Однако перечисленные только что страны Юго-Восточной Европы занимают периферийное положение, их самостоятельность ограничена, а политические элиты, в отличие от народных масс, ориентированы не на Россию, а на Запад. Из стран же, которые можно отнести к ядру Евросоюза, наибольший уровень симпатий к России был зафиксирован в Италии. Здесь всегда было немало политиков, которые выступали за улучшение отношений с Россией, вплоть до признания акта о воссоединении с ней Крыма (такая резолюция была, в частности, принята в мае 2019 г. Региональным советом провинции Венето). Но все-таки даже до специальной военной операции на Украине среди итальянцев настороженно-отрицательное отношение к российской политике несколько перевешивало пророссийские настроения, тогда как баланс положительных и отрицательных оценок глобальной роли США и КНР, наоборот, складывался в пользу последних.

Во Франции уровень симпатий к России всегда был ниже, чем в Италии, хотя после начала СВО показатели обеих стран практически сравнялись на отметке 14%<sup>212</sup>. Но во французской политике много весьма интересных оттенков и полутонов, которые проявлялись в периоды особого обострения отношений России с Западом. Так, в своё время, касаясь такого деликатного вопроса, как воссоединение Крыма с Россией, французские политики и журналисты, не порывая с общей идеологией евроатлантической солидарности, максимально смягчали критику в адрес Москвы используя заложенное во французском политическом дискурсе различие между двумя понятиями *legale* и *legitime*. Допуская, что, с точки зрения буквы международного права договор о вхождении полуострова в состав Российской Федерации нельзя признать законным, некоторые французские политики, политологи и политические публицисты тут же делали отсылку к духу высшей справедливости, признавая его «легитимным» в смысле особого морально-исторического права

---

<sup>211</sup> Wike R., Fetterolf J., Fagan M., Gubbala S. International Attitudes Towards the US, NATO and Russia in a Time of Crisis. // Pew Research Centre. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/06/22/international-attitudes-toward-the-u-s-nato-and-russia-in-a-time-of-crisis/> (Access 14.06.2023)

<sup>212</sup> Ibid.



России на эту территорию<sup>213</sup>. При этом патриарх французской политики экс-президент В. Жискара д'Эстен, который в силу своего возраста и статуса мог позволить себе стать выше евроатлантической политкорректности, прямо говорил, что возвращение Крыма соответствует Истории<sup>214</sup>. Близкую к этому позицию в разных вариациях поддерживали многие видные французские политики, представляющие широкий идейный спектр от «Национального фронта» и голлистов до левого Ж.-Л. Меланшона. Для такого подхода к российско-французским отношениям есть причины, связанные как с экономическими интересами страны, так и с голлистскими традициями. Не забудем и об обаянии русской культуры: В. Жискара д'Эстен, к примеру, написал два романа на русские темы<sup>215</sup>, а другой экс-президент Французской республики Ж. Ширак в юности переводил пушкинского «Онегина»<sup>216</sup>.

Что касается Германии, то средние показатели пророссийских симпатий здесь примерно такие же, как во Франции. Но при этом просматривается довольно четкая линия разделения по бывшей границе ФРГ и ГДР: в восточной части страны отношение к России заметно лучше, чем в западной.

При общем стремлении Евросоюза заставить Москву отказаться от роли глобальной державы (такие претензии обычно квалифицируются как реваншизм и проявление чрезмерных амбиций), существуют разногласия между политическими кругами, стремящимися превратить Россию в государство-изгоя («культура отмены»), и политиками, склонными к более примирительному отношению, сочетающему дозированное давление на Москву с прагматичным сотрудничеством. Разумеется, этим надо пользоваться, но в то же время не следует этот факт и переоценивать: все страны проявляют «европейскую солидарность», в частности, в вопросе об антироссийских санкциях.

<sup>213</sup> Нарочницкая Е.А. Крымский вопрос и позиция Франции: критический дискурс французских элит // Перспективы. 2019. № 3. С. 7 – 24. URL: <http://www.perspektivy.info/> (дата посещения 01.01.2020)

<sup>214</sup> Giscard d'Estaing V. La France, l'Europe, le Monde... Entretien avec Valery Giscard d'Estaing // Politique internationale. № 146 Hiver 2015. URL: [politiqueinternationale.com/revue/print\\_article.php?id=1346&id\\_revue=146&conten=t=texte](http://politiqueinternationale.com/revue/print_article.php?id=1346&id_revue=146&conten=t=texte) (дата посещения: 01.01.2020).

<sup>215</sup> Шмелев Д.В. Валери Жискара д'Эстен и Россия (СССР) // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Материалы III Всероссийской научной конференции. Самара, 2016. С. 304 – 314.

<sup>216</sup> Barluet A. L'hommage de Poutine a Jacques Chirac, le plus russophile des presidents // Le Figaro. – 2019, 29 sept.

Вплоть до недавнего окончательного разрыва с Западом Москва не оставляла попыток переломить негативные тенденции с помощью «технологий знакомства» с Россией. Принимались меры по развитию въездного туризма, создавались внесезонные курорты (Сочи), совершенствовалась транспортная инфраструктура, создавались информационные поводы для массовых заездов (такие, как проведение Олимпийских игр 2014 г., чемпионат мира по футболу и другие высокостатусные соревнования). До наступления пандемии ковид-19 существенно облегчала въезд в Россию из близлежащих европейских стран практика предоставления электронных виз. Судя по откликам в зарубежной печати, это реально помогало развеивать расхожие мифы о «российском тоталитаризме», широко тиражируемые западными СМИ. Но все же российский потенциал «мягкой» силы успешнее всего реализовался на постсоветском пространстве – если, конечно, по вполне понятным причинам оставить в стороне вошедшую в Евросоюз и НАТО Прибалтику, а также стремящихся туда же Грузию и Украину. Мы полагаем, что на этом направлении, в отличие от Европы, где главным инструментом сближения являются культура и технологии культурной дипломатии, ключевое значение имеет народная дипломатия – основанное на многовековой привычке жить рядом друг с другом взаимопонимание, широко распространенный билингвизм, в рамках которого русский язык выступает в качестве языка межнационального общения, давние личные связи и знакомства, все еще сохраняющаяся интегрированность систем образования, общие эпизоды исторической памяти (в особенности о совместной борьбе с фашизмом). Огромное значение имеет то обстоятельство, что практически все постсоветские государства находятся в российском лингвоинформационном поле и, соответственно, испытывают его воздействие. В этой ситуации, как показывают некоторые исследования, значительное влияние российской культуры, в особенности массовой, сохраняется даже в условиях проведения политики государственного протекционизма по отношению к местным языкам, исполнителям и культурным трендам (если, конечно, она не принимает экстремистскую форму насильственного «искоренения всего русского»). К примеру, в Казахстане даже такая исключительно

яркая, восходящая звезда эстрады, как Димаш Кудайберген, в разы уступает по популярности «топовым» российским поп-звездам<sup>217</sup>.

Согласно результатам исследования, проведенного несколько лет назад консультативно-аналитической группой Гэллапа, в число стран, население которых наиболее одобрительно относится к лидерству России, входило большинство бывших республик Средней Азии, а также Белоруссия и Армения. На первом месте по этому показателю оказался Таджикистан, где уровень одобрения доходит до 93%. За ним, пропустив вперед африканскую республику Мали, следовала Киргизия (79%) и Казахстан (72%). Для Армении значение данного показателя оказалось равно 66%, для Узбекистана и Белоруссии 62%<sup>218</sup>. Следует отметить, что после начала специальной военной операции на Украине эти цифры, по данным Гэллапа, в целом также снизились, но, в отличие от большинства стран, именованных в недавнем прошлом «дальним зарубежьем», сравнительно незначительно: например, в Узбекистане уровень недоверия в России возрос всего на 3 процентных пункта (примечательно, что ни в Белоруссии, ни в Армении, Азербайджане, Таджикистане и Туркмении данный опрос не проводился)<sup>219</sup>.

Вместе с тем очевидно, что постсоветское пространство как поле российского влияния не является беспроблемным. Практически во государствах СНГ действуют политические силы, стремящиеся оторвать их от России и отказаться от совместной истории, изобразив ее как эпоху подавления их национальной самобытности. Достигнуть этой цели пытаются через технологии «корректировки» или даже смену идентичности народов, входивших в состав Российской империи и СССР (например, белорусов объявляют «литвинами» и т.п.). Основную работу в этом направлении обычно ведут оппозиционные НКО, деятельность которых направляют, координируют и финансируют внешнеполитические ведомства США,

---

<sup>217</sup> См.: Калитко И.И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. Т 10 № 3. В данной статье популярность певцов измерялась количеством запросов в поисковой системе Гугл.

<sup>218</sup> Gallup. World Leaders Report. Опрос 2014 г.

URL: <https://www.gallup.com/services/182771/rating-world-leaders-report-download.aspx> (дата посещения 02.01.2019).

<sup>219</sup> Gallup. Russia Suffers Global Rebuke After Invasion. Опрос 2022 г., проводился в 137 странах. URL: <https://news.gallup.com/poll/474596/russia-suffers-global-rebuke-invasion.aspx> (access 8.05.2023).

Великобритании, Германии, Польши, Румынии, Турции и др.). Но такая линия пользуется негласным сочувствием и определенной части местных элит, которые в собственных интересах также стремятся ослабить «мягкое» влияние России при помощи таких мер, как переименование улиц и городов, названия которых напоминают об общей истории, ограничение сферы распространения русского языка, сокращение числа русских школ, перевод национальных языков с кириллицы на латиницу, блокирование некоторых гуманитарных проектов (так, при подготовке учредительных документов ЕАЭС Казахстан выступил против включения в них сферы гуманитарного сотрудничества<sup>220</sup>).

Характеризуя «мягкую» силу современной России и оценивая потенциал ее влияния, укажем на его внушительную институциональную составляющую. К концу 2010-х – началу 2020-х гг. в Российской Федерации по крайней мере в общих чертах сложилась достаточно целостная, разветвленная и внутренне дифференцированная по функциям, а также по уровню и характеру компетенций инфраструктура «мягкой» силы, включающая в себя высшие государственные органы (Президент и администрация Президента, Федеральное собрание, Правительство с такими его непосредственно занимающиеся консолидацией и проецированием «мягкой» силы органами, как МИД, Россотрудничество, Минобрнауки, Минкультуры и ряд др.), СМИ, электронные платформы, различные «генераторы смыслов» (аналитические центры, экспертные сообщества и дискуссионные площадки), фонды, ведущие университеты, музеи, религиозные организации, творческие союзы, спортивные федерации, клубы и ассоциации соотечественников, другие неправительственные организации<sup>221</sup>. В 2012 г. были воссозданы Российское историческое и Российское военно-историческое общества, располагающие ныне разветвленной сетью интеллектуальных связей и ведущие активную работу по проработке исторических аспектов позитивного образа российской государственности и российской цивилизации. Развитой представительской инфраструктурой располагает

---

<sup>220</sup> Юн С.М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 50. С. 90.

<sup>221</sup> См. подробнее: Ворочков А.П. Институциональное измерение «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. 2021. № 7 (151).

Россотрудничество, имеющее Российские центры науки и культуры, «Русские дома» Российские культурно-информационные центры, и др. в более, чем 80 странах мира, причем в некоторых странах их несколько (в Индии 5, в Белоруссии 3, в Египте 2 и т.д.). Разнообразную работу по формированию позитивного образа России, популяризации русского языка и культуры, а также российской истории и российских ценностей ведет фонд «Русский мир». Фонд позиционирует себя как международный культурный проект и юридически является некоммерческой организацией, хотя его учредителями выступают правительственные структуры – МИД и Министерство просвещения РФ, а финансирование частично осуществляется из бюджета. Деятельность Фонда носит глобальный характер (как и сам проект «русского мира»): в 2020 г. он поддерживал деятельность 119 Русских центров и 139 кабинетов «Русского мира» в более чем 50 странах мира<sup>222</sup>. Таким же широким охватом характеризуется деятельность созданной в 2017 г. Ассамблеи народов Евразии. В отличие от фонда «Русский мир», она зарегистрирована как международный союз неправительственных организаций, и в ее руководящие органы входят общественные деятели из 32 стран. Но при этом она выступает и как одна из площадок российской общественной дипломатии (штаб-квартира организации и ее аппарат находятся в Москве)<sup>223</sup>.

Активно продвигаются в последнее время некоторые форматы институционального взаимодействия, которые уже отработаны ведущими зарубежными странами, специализирующимися на экспорте образования, – например, создание совместных университетов (Киргизско-российский славянский университет, Российско-таджикский славянский университет). Однако россияне пошли и дальше, договорившись о создании в государствах Центральной Азии филиалов брендовых российских вузов (о чем в советское время не было и разговора). Только в Ташкенте в 2000-е и 2010-е гг. были открыты филиалы МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО, МИФИ, МФТИ, МЭИ, Университета нефти и газа им. Губкина, РХТУ им. Д.И.

---

<sup>222</sup> Русский мир. Информационный портал фонда «Русский мир». Годовые отчеты. URL: <https://ruskiymir.ru/fund/reports.php> (дата посещения 17.11.2022).

<sup>223</sup> Ассамблея народов Евразии. Международный союз неправительственных организаций. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru/chleny-generalnogo-soveta> (дата посещения 17.11.2022).

Менделеева, в Астане – филиалы МГУ и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, в Душанбе МГУ, МЭИ, НИТУ МИСиС и т.д. Инновационной формой взаимодействия в интеллектуальной сфере является создание консорциумов ведущих вузов (Сетевой университет СНГ, Российско-Киргизский консорциум технических университетов). В настоящее время прорабатывается также проект Евразийского сетевого университета.

Значимыми институциональными элементами «мягкой» силы России являются пользующиеся солидной репутацией культурные, культурно-информационные, научные и спортивные мероприятия. Причем – не только проводимые в самой России (такие, как Московский международный кинофестиваль, Конкурс имени Чайковского, Чеховский и Тихоокеанский театральные фестивали, Санкт-Петербургский экономический форум и проч.), но и некоторые зарубежные инициативы, такие, как, например, неоднократно проводившиеся кинонедели «Спутник над Польшей»). Конечно, предпринятые после начала Специальной военной операции на Украине попытки элиминировать российскую культуру из глобального поля культурных обменов, сильно сказались на условиях их проведения (так, конкурс имени Чайковского был исключен из Всемирной федерации международных музыкальных конкурсов, в которую он входил с 1971 г.). Но многие из российских мероприятий, ставших уже неотъемлемой частью мирового культурного ландшафта, продолжают цениться среди знатоков и профессионалов. Например, вопреки всем «холодным ветрам» в конкурсной программе 42-го Международного студенческого фестиваля ВГИК (ноябрь 2022) были представлены фильмы молодых кинематографистов из стран, правительства которых участвуют в антироссийских кампаниях (Австралия, Канада, Чехия, Бельгия, Испания, Эстония и др.). Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что институциональная инфраструктура «мягкой» силы России в настоящее время уже сопоставима с тем, что имеют в своём распоряжении другие ведущие глобальные державы.

Начиная с середины 2000-х гг. была основательно модернизирована медийная составляющая институциональной базы «мягкой» силы России. В том виде, в каком она сложилась к настоящему времени, она представлена целым кластером

телеканалов, новостными агентствами, производителями аудиовизуальной продукции, интернет-порталами, веб-сервисами и он-лайн каналами, деятельность которых распространяется как на российскую территорию, так и на зарубежные страны. В этом плане российские структуры вполне сопоставимы с западными или китайскими. При этом, как нам представляется, надо особо выделить медиагруппу «Россия сегодня», созданную в 2013 г. взамен нескольких существовавших еще с советского времени производителей информационно-новостного продукта (РИА «Новости», «Голос России»). Медиагруппа создавалась специально под задачу формирования адекватной современным условиям имиджевой стратегии России и, если судить по высказываниям ее организаторов и руководителей, становление данной институциональной структуры начиналось с идеи создания своего рода «русского ВВС», транслирующей «взгляд на мир из России». При этом, как мы полагаем, расчет делался на стремление как российской, так и международной аудитории иметь альтернативные западному «мейнстриму» источники информации. И такой подход способствовал очень быстрому укреплению позиций России в мировом информационном пространстве. Скажем, в 2018 г. входящий в холдинг «Россия сегодня» телеканал RT обогнал по количеству просмотров своей странички на You Tube таких зарубежных гигантов медиабизнеса, как ВВС, CNN или Euronews<sup>224</sup>. При этом в некоторых странах, в том числе и на Западе, RT вошел в число самых популярных телеканалов. Такая тенденция была оценена на Западе как угроза. Однако конкурировать с RT по качеству информации было не просто, поэтому уже с 2015 – 2016 гг. стали приниматься решения на самые примитивные способы противодействия – а именно, на введение против канала различных ограничений. Со временем эти меры все более ужесточались, вплоть до полного запрета на вещание. Тем не менее RT (как и радио «Спутник») продолжает достаточно успешно действовать не только в самой России, но и в странах, не относящихся к коллективному Западу;

---

<sup>224</sup> Толоконникова А.В., Будакова Д.О. Роль телеканала RT в формировании международного имиджа России // Вестник Московского университета. Сер. 10 Журналистика. 2019. № 5.

более того, они продолжают расширять сферу своего охвата: так, в ноябре 2022 г. запущено вещание RT-Сербия на сербскохорватском языке.

Технологии, входящие в арсенал «мягкой» силы современной России, достаточно разнообразны. Частично они восходят к советскому времени (полезен, к примеру, советский опыт «технологии гостеприимства», а также организации различных, в том числе массовых, зрелищных мероприятий), но во многом наработаны в последние десятилетия, в том числе посредством адаптации зарубежных образцов. Так, телеканал RT с самого начала ориентировался на информационные форматы, апробированные зарубежными медиакорпорациями, и не стремился их менять. Одним из способов переноса технологий было, в частности, приглашение известных иностранных журналистов и телеведущих, которые, естественно, приносили с собой и привычные для них (а также для их аудитории) стили и приемы работы.

Российские политтехнологи так же, как и китайские, рассчитывают в основном на обаяние своей культуры, поэтому используемые ими технологии «мягкой» силы в основном культуроцентричны. Ключевое значение при этом приобретают не только *технологии ознакомления*, но и, если можно так выразиться, *технологии вовлечения*. Применительно к России это в первую очередь вовлечение в пространство русскоязычного культурного мира, который, согласно официальной точке зрения, включает в себя не только россиян по гражданству и/или по историческим корням, но и всех, кто знает русский язык и понимает культуру страны. Эти технологии весьма разнообразны, дифференцированы и используют много новых, не использовавшихся ранее форм и методик – проведение «Тотальных диктантов» по русскому языку, специализированные конкурсы («Всемирный Пушкин», «Слово за нами», «Мой Русский мир», евразийские конкурсы моды), этнофестивали и творческие форумы, разного рода коллективные акции, тематические ярмарки, а также международные арт-проекты и т.д. Удачным был опыт проведения перекрестных годов культуры, а также годов взаимных посещений со странами АТР (с КНР, Индонезией, Республикой Корея)<sup>225</sup>. Не забыты и технологии мотивации через

---

<sup>225</sup> Бобыло А.М., Севастьянов С.В. «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор // Ойкумена. 2016. № 4. С. 77 – 78.



символические идентификации (например: присвоение звания «Профессор Русского мира», зачисление в студенты Русского мира и т.п.), которые можно охарактеризовать как *технологии приобщения*.

Создание в марте 2023 г. Международного движения русофилов можно, по-видимому, рассматривать как поворотный пункт в стратегии проецирования «мягкой» силы России, поскольку впервые был практически решён вопрос о создании организационной структуры, объединяющей пророссийски настроенных активистов в различных странах и, соответственно, координирующей их деятельность. Но всё-таки и в этом случае в качестве приоритетных декларируются задачи популяризации русской культуры и российских цивилизационных ценностей, развитие диалога и гуманитарного сотрудничества, а также распространение достоверных сведений о России. Это отличает Международное движение русофилов от большинства прозападных НКО, усилия которых сконцентрированы не на культурном, а непосредственно на политическом поле. Суммируя сказанное, можно утверждать, что объективно, с точки зрения потенциала «мягкой» силы, она достаточно конкурентоспособна – и как государство, и как страна, обладающая великим культурно-историческим наследием. В то же время данные, характеризующие восприятие России в различных странах, а также оценку населением этих стран той роли, которую Россия играет в современном мире, показывают, что над имиджем современной России, над повышением эффективности ее влияния российской политической и интеллектуальной элите ещё надо много работать.

Основные направления и принципы применения «мягкой» силы России, а также продвижения традиционных российских ценностей с целью укрепления роли России в мире и противодействия чуждым этим ценностям деструктивным идеологическим влияниям в сложившихся на сегодня условиях (без употребления самого термина «мягкая сила»), намечена в таких важных политических документах, как «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно нравственных ценностей» (утверждено Указом Президента Российской Федерации от 9.11.2022) и «Концепция внешней политики Российской Федерации» (утверждена 31.03.2023). Понятно, что на этой основе предстоит

разрабатывать конкретную стратегию, позволяющую реализовать имеющийся у России потенциал эффективнее, чем это получалось до настоящего времени. И, естественно, выявить и устранить причины, снижающие эту эффективность.

Причины эти, как мы уже доказывали в главе 1, надо искать, безусловно, не там, где их усматривает Дж. Най, для которого критерием оценки «мягкой» силы является мера её соответствия американскому образцу. Но если не там, то где? Специалисты высказывали по этому поводу различные мнения. Мы согласились бы с той точкой зрения, что одним из факторов, сильно сужающих понимание феномена «мягкой» силы, является его односторонняя инструментализация, широко распространившаяся в российской политической науке<sup>226</sup>. Чисто *инструментальный* подход к наращиванию её возможностей (например, посредством расширения сети культурных представительств, стимулированию изучения русского языка, поощрения национального кинопроизводства и т.п.) может дать лишь ограниченный эффект. Ведь «мягкая» сила – это не только набор инструментов, но ещё и «матрица смыслов», вне которой эти инструменты в значительной мере утрачивают свою функциональность.

Представляется, что приоритетное значение в перспективе приобретают не столько институциональные и технологические аспекты «мягкой» силы (здесь, как мы видели, сделано достаточно), сколько ее интенциональная сторона. Речь должна идти как о содержательном наполнении образа России, так и о смысле того «послания», которое она направляет своим гражданам и всему миру. Пока же приходится говорить о недостаточно четкой артикулированности этого «послания», а также о своего рода «одномерности» складывающегося в массовом сознании образа России – причем, к сожалению, не только за рубежом.

Приведем в пояснение этого утверждения только один, но довольно примечательный, факт – результаты проведенного в 2019 г. исследования российских и белорусских социологов. Как выяснилось, для молодежи обеих стран основной ассоциативной составляющей образа России является «сила», тогда как, например,

---

<sup>226</sup> См.: Борисов А.В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 7. № 2. С. 132.

образ Китая более многогранен и ассоциируется с целым спектром привлекательных качеств, таких, как «эффективность», «динамизм», «интеллект» и т.п.<sup>227</sup> Почему-то достижения отечественной науки, инженерной мысли, образования и культуры «не отложились» в сознании молодого поколения и очень слабо ассоциируются у них со словом «Россия». Ну, а если это относится к самим россиянам и молодежи очень близкой ей Беларуси, то что же можно требовать от населения других стран? Вызовет ли у них эмпатическую реакцию восприятия образ страны, которая может похвастаться перед другими только силой?

Мы делаем отсюда следующий вывод: России долгое время не хватало и сейчас ещё не хватает современного по своей тональности *нарратива успеха*. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что в последнее время эта проблема по крайней мере отчасти осознаётся, и определенные позитивные сдвиги намечаются. Назову в этой связи хотя бы первый снятый в космосе фильм «Вызов», очень ярко демонстрирующий технологические возможности России и с успехом прошедший по экранам целого ряда стран.

Если бы речь не шла о «мягкой» силе глобальной державы, на «нарративе успеха» можно было бы поставить точку. Однако для державы мирового значения «просто успеха» недостаточно. Глобальный статус требует «мягкой» силы проектного типа с определённо прорисованным образом будущего. Когда-то такой образ был у Советского Союза, что помогало ему завоевать на свою сторону симпатии миллионов. Постсоветская же Россия долгое время не могла предложить человечеству ничего принципиально нового по сравнению с западной моделью социального порядка, которой она и сама следовала. Этот отпечаток вторичности существенно ослаблял способность определять повестку дня, вести за собой, вызывать реакцию эмпатии – ведь копия всегда менее привлекательна, чем оригинал. Правда, в начале XXI в. ситуация стала меняться. Социально-исторический процесс приобретал нелинейный характер, а возникновение новых центров силы усиливало его

---

<sup>227</sup> См.: Андреев А.Л., Лашук И.В. Студенческая молодежь России и Белоруссии: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2 (26). С. 34 – 45.

вариативность, создавая запрос на дифференциацию моделей развития. В мире сформировался запрос на сохранение традиционных ценностей, от которых отказывался Запад, и Россия сделала заявку на то, чтобы занять созданную этим запросом новую идеологическую нишу. Таким образом, появилась идея, на основе которой можно восстановить проектный характер «мягкой» силы России, но концептуальная проработка этой возможности находится ещё на начальной стадии. Дальнейшая динамика «мягкого» влияния России, очевидно, будет зависеть от способности российских интеллектуальных и политических элит выработать и предъявить миру свои варианты развития современного мира на новых основаниях, соответствующих политическим, технологическим и экологическим вызовам XXI века.

Итак, после распада Советского Союза Российская Федерация унаследовала немалый политический капитал в виде наработанной в советский период инфраструктуры влияния. Но, хотя события 1990 – 1991 гг. вызвали во многих странах, и прежде всего на Западе, всплеск симпатий к «свободной России», это парадоксальным образом привело не к наращиванию имеющегося в её распоряжении потенциала «мягкой» силы, а к его деградации. Этот факт, не укладывающийся в первоначальную теорию «мягкой» силы Дж. Ная, позволяет вскрыть важную закономерность: «мягкая» сила гарантированно проявляется лишь при определенном сочетании факторов культурно-психологического влияния с факторами материальной (экономической и военной) мощи. Кроме того, «мягкую» силу следует соотносить со способностью преодолевать сопротивление, трактуя её как *реляционное* понятие, относящееся не столько к абсолютным, сколько к относительным и притом интерактивным свойствам политических субъектов.

Лишь после преодоления экономических потрясений 1990-х гг., в тесной связи с восстановлением государственной мощи России можно говорить о начавшейся *регенерации* её «мягкой» силы, причем – как силы глобально значимой и притом тяготеющей к проектному типу. Уже существующая институциональная инфраструктура «мягкой» силы была модернизирована и стала надстраиваться новыми специализированными звеньями, функционально приспособленными для

проработки различных аспектов российского подхода к перспективам современной цивилизации, трансляции позитивных образов России аудиториям различного типа. В последнее время арсенал инструментов «мягкой» силы России пополнился целым рядом креативных находок, которые в большинстве своём носят культуроцентричный характер. В известной мере это сближает российские технологии «мягкого» влияния с китайскими, хотя на концептуальном уровне подходы к пониманию «мягкой» силы различаются, поскольку российский вариант её трактовки включает в себя не только фактор привлекательности, но и различные виды информационно-психологического манипулирования.

Исходя из анализа российских институтов «мягкой» силы и используемых ими технологий мы сделали вывод о том, что российские возможности в этом плане сопоставимы с возможностями других субъектов глобального влияния, в том числе США и КНР. Продвигаемая США и другими странами Запада «культура отмены», конечно, негативно повлияла на уровень пророссийских симпатий в мире, но при этом очень неравномерно; в частности, она почти не отразилась на восприятии нашей страны в КНР, Индии, Индонезии и многих развивающихся странах. В то же время для наращивания «ресурса привлекательности» России необходимы обновлённые нарративы успеха и более отчётливые образы будущего.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен «мягкой» силы – одна из самых актуальных, практически и теоретически значимых, тем современной политической науки. Введенная в научный оборот на исходе 1980-х гг., она до сих пор остается в эпицентре научных интересов, вызывает оживленные дискуссии и активно обсуждается как зарубежными, так и российскими исследователями, аналитиками и экспертами. Однако это обсуждение до сих пор не затрагивало ряд существенных аспектов рассматриваемой темы.

В частности:

1. Не проработанным остается вопрос о том, как понятие «мягкой» силы вписывается в категориальный аппарат политической науки в целом.
2. Дискуссии вокруг проблем «мягкой» силы почти совсем не коснулись конкретных условий, в которых она реально функционирует. Поэтому далеко не все ее сущностные признаки именно как *силы, способной преодолевать сопротивление*, были отчетливо выявлены. В результате «мягкая» сила как реально осуществляемое воздействие сплошь и рядом смешивается с *потенциалом* «мягкой» силы (который может и не реализоваться).
3. Содержательные сопоставления между различными национальными стратегиями и способами применения «мягкой» силы проводились лишь эпизодически. В частности, нет значительных работ, в которых был бы проведен параллельный анализ, сопоставление особенностей «мягкой» силы основных глобальных держав – США, КНР и России.
4. Феномен «мягкой» силы до сих пор рассматривался почти исключительно в плоскости международной политики, хотя на самом деле «мягкая» сила любого государства имеет две более или менее различающиеся, но связанные между собой проекции – внешнюю (международное влияние данного государства, привлекательность его имиджа в других странах) и внутреннюю (восприятие государства его собственными гражданами, его способность убеждением и другими «мягкими» средствами поддерживать высокий уровень гражданской лояльности).

5. Разработка проблематики «мягкой» силы производится преимущественно в терминах состояний, в пределах анализа сегодняшней (или, в крайнем случае, «вчерашней» политики). Между тем, «мягкая» сила формируется, функционирует и видоизменяется в «длинном» историческом времени, опираясь на те или иные социокультурные основания и традиции, адаптируясь к конкретным политическим контекстам и преодолевая сопротивление.

Некоторые из указанных проблемных «лакун» мы попытались раскрыть в рамках предпринятого нами исследования. Так, в рамках очерка теории политического взаимодействия, в качестве особых его видов были выделены власть и влияние. В этой связи был сформулирован критерий, позволяющий различать власть и влияние: в первом случае это отношение внутри институционализированных субординаций, во втором случае – вне таких институциональных рамок. Исходя из этого была рассмотрена историческая эволюция форм политического влияния, вплоть до появления современных технологий точечного воздействия, которые характеризовались нами как своего рода *политическая акупунктура*.

Выше, в основном тексте диссертации, мы подробно разобрали концепцию «мягкой» силы, которую в свое время предложил Дж. Най и которая до сих пор является как бы «точкой отсчета» для всех рассуждений на данную тему. Со многими из выдвигавшихся в полемике с ней возражений в принципе можно согласиться. Однако, на наш взгляд, который мы обосновывали в диссертации, основная проблема состоит вовсе не в отдельных погрешностях и локальных противоречиях, которые в значительной мере определили вектор корректировки концепции и её модификации. Эта проблема в том, что исходная трактовка «мягкой» силы была изначально жестко связана с политическими практиками США и политическими установками американского истеблишмента, практически не признавая правомерности переопределения «мягкой» силы на базе политического опыта других стран. В этой связи уместно было поставить вопрос об *эпистемологическом статусе* того понимания «мягкой» силы, которую предложил Дж. Най и которая вплоть до настоящего времени по умолчанию сохраняет значение наиболее авторитетной

трактовки данной темы. Мы пришли к выводу, что эта концепция представляет собой не столько собственно научную теорию (хотя *элементы* научности в ней имеются), сколько пример «превращенной» (в смысле Маркса) репрезентации действительности. Исходя из приведенных аргументов, мы доказывали, что не существует какой-то единой для всех («правильной») модели «мягкой» силы, а основным критерием оценки таких моделей должно быть не *сравнение с образцом* (как у Дж. Ная), а *эффективность*, соответствие институциональной инфраструктуры и технологий «мягкой» силы целям и задачам данного политического субъекта, его ресурсам, социокультурным характеристикам, ментальности, политической культуре и имиджевым возможностям. Данный подход открывает путь для полезных, на наш взгляд, концептуальных новаций. В частности, в диссертации введены новые дескриптивные понятия, расширяющие возможности научного описания и анализа феномена «мягкой» силы, предложена трактовка «мягкой» силы как *реляционного* понятия, относящегося не столько к абсолютным, сколько к относительным и притом интерактивным свойствам политических субъектов.

Исходя из запросов практической политики, в диссертации был проведен параллельный анализ институциональной базы, технологий применения и имиджевой основы «мягкой» силы ведущих государств, определяющих структуру политического пространства современного глобального мира – соответственно США, КНР и России. Методологически этот анализ был построен на основе принципа историзма, что позволило рассматривать «мягкую» силу названных государств во временной динамике и в связи с меняющимися социальными обстоятельствами и технологическими возможностями (см. табл. 3).



Табл. 3. Сравнительная характеристика «мягкой силы» США, КНР и РФ

Параметры сопоставления	США	КНР	РФ
Тип «мягкой» силы	проектный	проектный	стремится к проектному
Обобщенные имиджевые характеристики	«лидер прогресса», «лидер свободного мира»	ответственная мировая держава, «китайская мудрость»	«надежный партнер», страна-победитель фашизма, приверженность традиционным ценностям
Главный источник привлекательности	политическая система, динамизм американского бизнеса, массовая культура, американский образ жизни	культура, культурное наследие, стремительное развитие еще недавно отсталой и бедной страны	культура, культурное наследие, разумный традиционализм
Предлагаемый образ будущего	повсеместное утверждение западной модели либеральной демократии под патронажем сверхдержавы, находящейся на «правильной стороне истории»	сообщество единой судьбы, многополярный мир	сохранение цивилизационного многообразия, многополярный мир
Основные технологии «мягкого» влияния	структурирование массивных информационных потоков, визуализация «американских ценностей» в произведениях экранных искусств, создание контролируемых Интернет-сетей, поддержка проамериканской оппозиции в различных странах и создание в них подконтрольных НКО, продвижение поддерживаемых США фигур в руководящие органы международных организаций, организация «согласованного» голосования в международных организациях, привлечение международных студентов, проведение демонстрационных международных форумов («Саммит в поддержку демократии» и др.).	структурирование информационных потоков, дифференцированные формы культурной дипломатии («буддийская дипломатия и др.), дипломатия «страны-хозяйки» резонансных международных мероприятий, межпартийные связи КПК с идеологически близкими политическими организациями (Партия трудящихся Вьетнама и др.), привлечение международных студентов и поддержка ученых из развивающихся стран	создание альтернативных западным каналам информации (RT и др.), вовлечение в мир российской культуры, организация независимых дискуссий по актуальным проблемам мирового развития (на международных форумах), привлечение международных студентов и экспорт российского образования
Институциональная база	глобальные медийные конгломераты, глобальная сеть спонсируемых НКО, Корпус мира, Агентство по международному развитию, система образования (в том числе элитарного)	сеть Институтов и классов Конфуция, крупные медиакорпорации (китайские и с китайским участием), система кинопроизводства, первоклассные университеты	Россотрудничество, Ассамблея народов Евразии, фонд «Русский мир», медиагруппа «Россия сегодня», Российские культурно-информационные центры, международные форумы (Валдайский, С.-Петербургский экономический), филиалы российских вузов в странах СНГ
Зоны наиболее благоприятного восприятия и наибольшего влияния	Европа (кроме России и Беларуси), страны европейского культурного круга, страны Юго-Восточной Азии, Япония, Индия, Латинская Америка	страны АСЕАН, Центральная Азия, Россия, Африка, Латинская Америка	СНГ, Китай, Индия, Индонезия, Арабский мир, некоторые страны Европы (Болгария, Сербия, Словакия, Италия и др.), некоторые страны Латинской Америки, Африка

Анализируя генезис и эволюцию «мягкой» силы США, мы рассмотрели содержание складывавшихся в различные исторические периоды символических

репрезентаций Америки – от ранних романтических идеализаций («страна свободных людей», живущих в гармонии с нетронутой природой, «страна возможностей») до более поздних образов «деловитости» и обосновываемых американскими политиками претензий на роль «лидера прогресса». Была выявлена роль этих репрезентаций в возникновении охватившего в свое время многие страны мира увлечения Америкой и американским образом жизни, который в определенных исторических условиях принял специфическую форму так называемой американизации. Проведенное исследование показало, что именно в результате превращения американизации в инструментально ориентированную политическую идею «мягкая» сила Америки приобрела отчетливо выраженный проектный характер, причем – с претензией на глобальный охват. В технологическом плане «мягкое» влияние США как внутри страны, так и вне её опирается на так называемые культурные индустрии и индустриальные методы производства информации. Приведенные в диссертации данные показывают, что в настоящее время США занимают лидирующие позиции как в создании разветвленной, многопрофильной институциональной базы «мягкой» силы, так и в ее техническом оснащении. Многие институты американского «мягкого» влияния добились преобладающего или даже доминирующего положения в своей сфере (кинопроизводстве, телевидении, создании Интернет-ресурсов, формировании так называемой цифровой культуры и др.). Сопоставление различных стратегий и технологий влияния дало нам основания для вывода о том, что специфической особенностью американской модели «мягкой» силы является целенаправленное выстраивание в других странах разветвленной инфраструктуры влияния, «рабочими элементами» которой выступают прямо или косвенно поддерживаемые американцами неправительственные организации. В качестве итога проведенного в диссертации анализа американских политических практик был сформулирован вывод о том, что американская технология завоевания политического влияния имеет вид многофазного процесса, начинающегося с выстраивания композиции факторов влияния и заканчивающаяся петлей обратной связи с источником «мягкой» силы. При этом, однако, мы указали на участвовавшие случаи сбоя в динамике данного процесса, которые, на наш взгляд, доказывают, что

американская модель «мягкой» силы и используемые ею политические технологии, при всей их весьма высокой эффективности, не являются универсальными.

Проведенный нами анализ тех подходов к проблематике «мягкой» силы, которые разрабатываются в КНР, показал стремление адаптировать технологии «мягкой» силы к китайским традициям и китайской ментальности. Выражением этого стремления стала концепция «могущественного культурного государства». Существует содержательная связь этой концепции с уходящими вглубь столетий традициями косвенного управления внешним окружением Поднебесной и различными смысловыми блоками «внутренней» политической идеологии КПК («китайская мечта», общество *сяо кан* и др.). В то же время на основе анализа современных политических практик в диссертации были описаны конкретные шаги и планы китайского руководства по развитию институциональной базы «мягкой» силы, совершенствованию различных ее компонентов и стратегии ее применения. Обращает на себя внимание присутствующий в китайских политических практиках значительный креативный компонент, включая использование таких уникальных технологий «мягкой» силы, как буддийская дипломатия, «дипломатия панд» и др.

Особое внимание в диссертации было уделено «мягкой» силе России, генезис и эволюция которой впервые рассматривались в социально-историческом контексте. Проведенный историко-политологический анализ обосновывает вывод о том, что формирование и эволюцию «мягкой» силы России следует отнести к процессам большой длительности; его темпоральный масштаб – это не время политических режимов и политических систем, а, если можно так выразиться, *время цивилизаций*. Если рассматривать динамику «мягкой» силы России на длинных временных отрезках, то она, как было показано в ходе исследования, имеет выраженно циклическую или, если можно так выразиться, синусоидальную конфигурацию с чередованием периодов усиления и, соответственно, ослабления потенциала и возможностей российского «мягкого» влияния. Исходя из этого была построена модель исторической динамики имиджевой привлекательности России. В этой связи были введены новые понятия эмпатического интереса (как предпосылки формирования политических симпатий) и имиджевых циклов. Показано, как при смене смысловой

окраски образа России, одни и те же ее характеристики оценивались попеременно то со знаком «плюс», то со знаком «минус».

Значительное место в диссертации было уделено анализу институциональных и технологических аспектов советского опыта создания потенциала «мягкой» силы и ее применения. Рассматривалась эволюция образа СССР в мировом общественном мнении, был показан новаторский характер советской культурной дипломатии и технологий, которые она использовала, дана общая характеристика ее результативности в разные периоды существования советского государства. При этом выявлялась двусторонняя связь между тем, как его «мягкая» сила проявляла себя на внешнем контуре и тем, каким образ Советского государства воспринимался глазами его населения.

С учетом результатов этого анализа, в диссертации обсуждался вопрос о стратегиях и технологиях «мягкой» силы применительно к условиям, возможностям и политическим задачам современной России. Как было показано в ходе исследования, потенциал «мягкой» силы России в 1990-е гг. снизился до исторического минимума, но после 2000 г. начался процесс ее регенерации, сопровождающийся модернизацией ее институциональной базы и освоением новых технологий влияния, в том числе оригинальных и инновационных. Отмечая некоторые моменты сходства между «мягкой» силой Российской Федерации и КНР (в обоих случаях она имеет культуросцентричный характер), диссертант предложил типологизацию активно используемых в настоящее время российских технологий «мягкой» силы (технологии ознакомления, технологии вовлечения и технологии приобщения). На основе данных социологических исследований в диссертации была дана дифференцированная характеристика уровня симпатий к России в различных странах и регионах мира.

Итоговый вывод, который был сделан на основе проведенного исследования, состоит в том, что главным условием наращивания «мягкой» силы современной России, в настоящее время становится разработка собственного проекта будущего как самой страны, так и всего человечества. Таким образом, стратегическая задача состоит в том, чтобы придать «мягкой» силе России отчетливо выраженный

проектный характер. Содержательное обновление имиджевой основы «мягкой» силы и вся работа по совершенствованию технологий её проецирования, должна увязываться прежде всего с этой задачей. Но её решение, безусловно, сильно осложняется беспрецедентным по своему накалу обострением отношений между Россией и Западом, поводом для которого послужила военная операция по демилитаризации и денацификации Украины. Насколько длительными и глубокими окажутся последствия ведущейся в глобальных СМИ антироссийской кампании, еще невозможно просчитать до конца. Это должно стать предметом специальных исследований. Но, исходя из исторического опыта противостояния массированным кампаниям такого рода, можно высказать осторожное предположение, что по крайней мере в среднесрочной перспективе процесс регенерации и наращивания «мягкой» силы России будет продолжен.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

### Официальные документы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023) // URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
2. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно нравственных ценностей (утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9.11.2022) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>
3. Путин, В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – 27.02.2012.
4. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзинпин на XIX съезде КПК // URL: [https://russian.news.cn/2017-11/03/c\\_136726299.htm](https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm)
5. Программная речь Председателя КНР Си Цзинпина на 8-й министерской встрече Форума китайско-африканского сотрудничества. 29.11.2022 г. // Сайт Форума китайско-африканского сотрудничества. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.focac.org/focacdakar/eng/zxyw\\_1/202112/t20211202\\_10461076.htm](http://www.focac.org/focacdakar/eng/zxyw_1/202112/t20211202_10461076.htm)
6. Стремиться к общему и устойчивому развитию, создавать партнерство на основе сотрудничества и взаимовыигрыша. Выступление Председателя КНР Си Цзинпина на саммите ООН по развитию, 28.11.2015 // Сайт посольства КНР [Электронный ресурс]. URL: [http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztd/QQ13/201512/t20151202\\_3113372.htm](http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/ztd/QQ13/201512/t20151202_3113372.htm)
7. Bush, J. Remarks Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in New York City // The American Presidency Project. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-accepting-the-presidential-nomination-the-republican-national-convention-new-york>
8. Declassified Documents Concerning Russian President Boris Yeltsin // Clinton Digital Library. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/>
9. Inaugural Address of J.F. Kennedy // National Archives. [Электронный ресурс]. URL: [https://translated.turbopages.org/proxy\\_u/en-ru.ru.c04aa28b-636542f0-](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c04aa28b-636542f0-)

[8173cf0474722d776562/https/web.archive.org/web/20070514235348/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/presiden/inaug/kennedy.htm](https://web.archive.org/web/20070514235348/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/presiden/inaug/kennedy.htm)

10. President Harry Truman's Address before a Joint Session of Congress, March, 12, 1947 // The American Presidency Project. [Электронный ресурс]. URL: [https://avalon.law.yale.edu/20th\\_century/trudoc.asp](https://avalon.law.yale.edu/20th_century/trudoc.asp)
11. Remarks by President Biden before the 76<sup>th</sup> Session of the UN General Assembly // White House, September 21, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/21/remarks-by-president-biden-before-the-76th-session-of-the-united-nations-general-assembly/>

### **Монографии и статьи**

12. Агеева, А.В. Инструменты «мягкой силы» во внешней политике России: проблемы и перспективные решения // Власть. – 2020. – Т. 28. – № 1. – С. 190 – 193.
13. Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. – М.: АСТ, СПб: Полигон, 2009. – 384 с.
14. Алексеева, Т.А. «Мягкая сила» в теории и практике международных отношений // Политическое пространство и социальное время: идентичность и повседневность в структуре жизненного мира: тезисы XXX Харакского форума 26 – 30 мая 2016 г., г. – Ялта. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 5 – 21.
15. Алленов, С.Г. «Да», которое мы говорим России, означает «нет» Западу (истоки и метаморфозы «восточной ориентации» немецкого национализма 1910-х – 1920-х гг.) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2012. – № 2 (65). – С. 120 – 137.
16. Андреев, А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 122 – 133.
17. Андреев, А.Л., Лашук И.В. Студенческая молодежь России и Белоруссии: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации. Часть 2. // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7. – № 2 (26). – С. 34 – 45.
18. Андреев, И.А. Китайское кино: контуры «мягкой силы» // ПОИСК. – 2019. – № 1 (72). – С. 101 – 109.

19. Андреев, И.А. «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта // Вестник Института социологии РАН. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 143 – 154.
20. Антюхова, Е.А. Образование в политике мягкой силы США // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 2. – С. 123 – 136.
21. Антюхова, Е.А. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // Сравнительная политика. – 2019. – № 10. – С. 86 – 98.
22. Арефьев, А.Л. Об экспорте российского образования // Образование и наука в России. Ежегодник. Вып. 5. – М.: ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 393 – 415.
23. Артамонова, У.З. «Попкорн-дипломатия»: роль американских блокбастеров в вопросах миропорядка // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 76 – 90.
24. Артюх, А.А. Время конгломератов. Последствия глобализации американской киноиндустрии // Искусство кино. – 2010. – № 3. – С. 79 – 87.
25. Артюх, А.А. Новый Голливуд. История и концепция./ А.А. Артюх. – СПб.: Алетейя, 2015. – 286 с.
26. Аршинов, В.И. На пути к сетецентрическому пониманию сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2018. № 3. С. 34 – 55.
27. Бадмаев, В.Н. Буддийская дипломатия: идеи и практика // Вестник Калмыцкого университета. – 2021. – № 1 (49). – С. 111 – 117.
28. Без России нет порядка (интервью с Г. Киссинджером) // Российская газета. – 26.03.2019.
29. Белякова, Н.А., Пивоваров, Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 130 – 149.
30. Березина, Е.К. Публичная дипломатия России в Латинской Америке: особенности и институты // Латинская Америка. – 2021. – № 9. – С. 25 – 41.
31. Бинцин, Ч. «Мягкая сила» в концепции внешней политики Китая // Информационные войны. – 2022. – № 1 (61). – С. 23 – 25.



32. Бобыло, А.М., Севастьянов, С.В. «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор // Ойкумена. – 2016. – № 4. – С. 75 – 85.
33. Богучарский, Е.М. СССР и Алжир, 60-е – 70-е годы XX века // Новая и новейшая история. – 2008. – № 3. – С. 51 – 64.
34. Борзова, А.Ю., Николашвили, Н.Д. Сравнительный анализ испанской и португальской модели «мягкой» силы // Современная Европа. – 2021. – № 3 (103). – С. 38 – 49.
35. Борисов, А.В. «Мягкая сила»: специфика отечественного понимания // Международные отношения и мировая политика. – 2020. – Т. 7. – № 2. – С. 130 – 141.
36. Борох, О.Н. Роль культуры в наращивании потенциала «мягкой силы» КНР // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 62 – 111.
37. Борох, О., Ломанов, А. От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10. – № 4. – С. 54 – 67.
38. Бу Р.Х. Туризм и внешняя политика Китая. – СПб: Нестор-история, 2021. – 170 с.
39. Васильченко, М.А. Российская цивилизация в работах Т.Г. Масарика // Власть. 2021. № 5. С. 159 – 164.
40. Волков, Н. Трумен // Континент. – 2001. – № 4 (110). – С. 224 – 282.
41. Волхонский, Б.М. Американо-пакистанские отношения при правительстве Наваза Шарифа // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 1 (28). – С. 40 – 53.
42. Ворочков, А.П. Институциональное измерение «мягкой силы»: методика анализа и российский опыт // Управленческое консультирование. – 2021. – № 7 (151). – С. 80 – 97.
43. Гаджиев, К.С. Политология. Базовый курс. / К. С. Гаджиев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2015. – 467 с.
44. Галларотти Дж. Как измерять «мягкую силу» в международных отношениях // Полис. – 2020. – № 1. – С. 89 – 103.

45. Гасанов М.М., Сулаев И.Х. Мусульманское духовенство во внешней политике Советского государства. 1945-1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 152-156.
46. Гизо, Ф. История цивилизации в Европе. / Франсуа Гизо. – М.: Территория будущего, 2007. – 336 с.
47. Голубев, А.В., Невежин, В.А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. — М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 238 с.
48. Гомзякова, О.А., Абрамова, Н.А. Сущностные характеристики китайской стратегии построения «могущественного культурного государства» // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Сборник Восточного центра. — Чита, 2014. — № 15. — С. 150 – 159.
49. Грачиков, Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследования // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19. – № 2 (46). – С. 187 – 200.
50. Гусева, Е. С.Л. Тихвинский – дипломат, историк, востоковед // Международная жизнь. – Сентябрь 2018. – С. 23 – 36.
51. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. / Н.Я. Данилевский. — М.: Книга, 1991. — 576 с.
52. Дубасова, П.К. Культура и культурная дипломатия как основной инструмент внешней политики «мягкой силы» Италии // Россия в глобальном мире. – 2022. – № 24 (47). – С. 7 – 22.
53. Де Вогюэ, Э.-М. Русский роман // Отечественные записки. –2007. – № 5. – С. 170 – 190.
54. Де Кюстин, А. Россия в 1839 году: В 2 т. Т.1./ Астольф де Кюстин. Пер. с фр. В. Мильчиной, И. Стафф. Под общ. Ред. В. Мильчиной. — М. Изд-во им. Сабашниковых, 1996. — 528 с.

55. Дейч, Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 5. – С. 119 – 141.
56. Дейч, Т.Л. «Мягкая сила» Китая в Африке: сотрудничество в сферах образования и культуры // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 4 (788). – 2017. – С. 44 – 56.
57. Дейч Т.Л. Экономические связи Китая с Африкой: проблемы и перспективы // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 7. – С. 48 – 56.
58. Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е. «Мягкая сила» как орудие политики Китая в Африке // Азия и Африка сегодня. 2017. № 3. С. 2 – 8.
59. Докучаева, С.В., Никонова, О.Ю. Институциональная структура и целевые аудитории советской культурной дипломатии в странах Латинской Америки в 1950 - 1960-е гг. // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 14 – 17.
60. Дэвид-Фокс, М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921 – 1941 годы. / Майкл Дэвид-Фокс. Пер. с англ. В. Макарова. — М.: Новое литературное обозрение, 2015. — 562 с.
61. Емельянова, Н.Н. Использование коллективной памяти как инструмента «мягкой силы» // Вестник Московского университета. – Сер. 12: Политические науки. – 2020. – № 4. – С. 83 – 90.
62. Жилинская, И.В. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей во второй половине 1920-х гг.: выработка целей и задач деятельности // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психологические науки. – 2020. – № 20-1. – С. 289 – 296.
63. Жилинская, И.В. СССР и западная интеллигенция: к вопросу о формировании технологии приёма иностранцев в СССР в 1930-е гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психологические науки. – 2019. – № 19-1. – С. 95 – 103.
64. Зарянский, С.А. Современное состояние «мягкой силы» Японии: достижения и проблемы // Дискурс-пи. – 2021. – № 2. – С. 91 – 110.

65. Зенгер, Х. фон. Стратегемы. О китайском искусстве жить и выживать. В 2-х т. / Харро фон Зенгер. Предисл. В.С. Мясникова. Серия «Антология мысли». — М.: ЭКСМО, 2004. — 512 + 512 с.
66. Зиневич, О.В., Селезнёва, Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО-университета. — 2022. — Т. 15. — № 6. — С. 36 – 54.
67. Иванченко, В.С., Чимерис, Е.С. Русский язык на постсоветском пространстве как фактор политики // Вопросы политологии. — 2020. — Т. 10. — № 8. — С. 2473 – 2486.
68. Ичэн, Х. Китайский кинематограф как эффективный сектор культурной индустрии КНР // Научный поиск в сфере современной культуры и искусства. Материалы научной конференции. — Минск: БГУКИ, 2022. — С. 45 – 50.
69. Казем-заде, Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии (1864 – 1914) / Фируз Касемзаде. Пер. с англ. Е. А. Верховской, Н. И. Лисовой.— М.: Центрполиграф, 2004. — 542 с.
70. Калитько, И.И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. — 2020. — Т. 10. — № 3. — С. 29 – 36.
71. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. / Пер. с англ. В Матвеева. Серия «Академический бестселлер». — Екатеринбург: У-фактория, 2004. — С. 176. – 328 с.
72. Касюк, А.Я. «Мягкая сила и ее роль во внутренней политике государства // Вестник российской нации. — 2019. — № 1. — С. 93 – 105.
73. Катасонова, Е.Л. Япония – Южная Корея: поп-культурные войны // Актуальные проблемы современной Японии. — 2018. — № 32. — С. 221 – 239.
74. Кириченко С.В. Миротворческая деятельность буддистской конфессии СССР (1950 – 1980-е гг.) // Известия Иркутского госуд. университета. Сер.: История. 2022. Т. 42. С. 50 – 57.
75. Кобзева, М.А. Дискурсная власть Китая: инструменты и стратегия // Восток (Oriens). — 2022. — № 4. — С. 173 – 184.

76. Козлов К.В. Упадок «мягкой силы» США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – № 10. – С. 63 – 77.
77. Колобкова А.А. Первые иностранные студенты в России в XIX веке // Современный ученый. – 2020. – № 3. – С. 163 – 170.
78. Косякина, А.С Российский подход к концепции “мягкой силы” // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2022. – № 2. – С. 63-75
79. Кошкарова, Н.Н., Мукушев, И.О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. – 2021. – № 3 (87). – С. 87 – 100.
80. Крыжко, Е. В., Пашковский, П. И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 30–45.
81. Кузюра, Ю.С., Рычкова, А.Л. Роль спорта как инструмента «мягкой силы» в политике стран АТР // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 12 (88). – С. 4449 – 4455.
82. Кулагина, Л.М. Россия и Иран (XIX - начало XX века). / Л.М. Кулагина. — М.: ИД «Ключ-С», 2010. — 271 с.
83. Купина, Н.А. Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 82 – 90.
84. Лебедева, М.М. «Мягкая сила»: понятия и подходы // Вестник МГИМО-университета. – 2017. – № 3 (54). – С. 212 – 223.
85. Ленин, В.И. Выступление на заседании Президиума ВСНХ 1 апреля 1918 г. // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Изд. полит. лит., 1974. С. 212.
86. Ленин, В.И. Очередные задачи советской власти // В.И. Ленин Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Изд. полит. лит., 1974. С. 165 – 208.
87. Леонова, О.Г. Политика «умной силы» – продукт эволюции «мягкой силы» // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 5. – С. 25 – 31.
88. Леонтьев, Е.Д. Спорт как элемент «мягкой силы» государства // Вестник государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 1 (846). – С. 40 – 44.

89. Липпман, У. Общественное мнение. / Уолтер Липпман. Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. — М.: Изд. Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
90. Логвенков, И.С. Образ советского прошлого как фактор «мягкой силы» России // Современный мир: стратегии развития, технологии и образы будущего. Материалы международной научно-практической конференции. — М.: НИУ МЭИ, 2020. — С. 231 – 235.
91. Ломанов, А.Н. Современный Китай: внутренние и внешние вызовы на новом этапе преобразований // Вестник Российской академии наук. — 2020. — Т. 90. № 2. — С. 103 - 112.
92. Луков, Вл. А. Русская литература: генезис диалога с европейской культурой. — М.: Моск. гуманитар. университет, 2006. — 100 с.
93. Луман, Н. Власть. / Никлас Луман. Пер. с нем. А. Антоновской. Серия «Образ общества». — М.: Праксис, 2001. — 256 с.
94. Лю С., Лю Ч. Мягкая сила Китая: культура и спорт // Социально-политические науки. — 2022. — Т. 12. — № 2. — С. 127 – 133.
95. Лю Хаочунь, Цю Ипин. Китайское телевидение за рубежом как канал «мягкой силы» Китая // Научный аспект. — 2022. — Т. 3. — № 4. — С. 301 – 311.
96. Лю Цзяйци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. — 2009. — № 4. — С. 149 – 155.
97. Льюкс, С. Власть. Радикальный взгляд. / Стивен Льюкс. Пер. с англ. А.И. Кырлежава. — М.: Изд. ВШЭ, 2010. — 240 с.
98. Майнцер, К. Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009. — 464 с.
99. Манукян, А.Р. Роль образования в «мягкой силе» современного государства // Социально-гуманитарные знания. — 2023. — № 3. — С. 133-137.
100. Маргушева, А.З., Ширинянц, А.А. Русофобия и контрпропаганда: исторический опыт Российской империи // Век информации. — 2018. — № 2-1. — С. 44 – 45.
101. Маркес, Г. СССР: 22400000 квадратных километров без единой рекламы кока-колы // Габриэль Гарсиа Маркес. Палая листва. — СПб.: Симпозиум, 2000. — С. 462 – 500.

102. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 3 – 19.
103. Медушевский, Н.А., Ермакова, А.Н. Мягкая сила: американский и китайский подходы // Теории и проблемы политических исследований. – 2022. – Т. 11. – № 4-1. – С. 273 – 282.
104. Меттан, Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. / Ги Меттан. Пер. с фр. М. Анненская, С. Булгакова, Ю. Обозный.— М.: Паулсен, 2017. – 468 с.
105. Мильчина, В.А. «Русский мираж» как прообраз «русской идеи» // К истории идей на Западе: «Русская идея». — М.: Изд. Пушкинского дома, Изд. дом «Петрополис», 2010. – С. 206 – 217.
106. Мировое производство автомобилей // За рулем. —1928. — № 6. — С. 43.
107. Михневич, С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. —2014. — т. 9. — № 2. — С. 95 – 129.
108. Михневич С.В. Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник международных организаций, 2016, т. 11, № 1. С. 92 – 125.
109. Мосейкина М.Н. У истоков формирования русского мира (XIX – начало XX века) // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 4 (27). С. 179 – 193.
110. Мохаммад, М.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике королевства Саудовская Аравия // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2018. – Т. 14. – № 1. – С. 183 – 198.
101. Муратшина, К.Г., Бородина, Е.А. Культурные связи Китая и Индии: битва «мягких сил»? // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 10. – С. 27 – 33
102. Най, Дж. С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. / Джозеф С. Най. Пер. В.И. Супруна. — Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. — 221 с.

103. Най, Дж. С. Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2013. – 448 с.
104. Наумкин В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78 – 93.
105. Наумов, А.О. Идеино-политические истоки концепции «мягкой силы» Джозефа Ная // Новая и новейшая история. – 2021. – № 1. – С. 223 – 229.
106. Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия. – М.: Изд. МГУ, 2020. – 215 с.
107. Наумов, А.О., Положевич, Р.С. Проблематика «мягкой силы» в китайском научном и общественно-политическом дискурсе: история и современность // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. – 2021. – № 71. – С. 74 – 82.
108. Небренчин, С.М. Русофобия в медиа-войне против России: целеполагание, контент, технологии // Информационные войны. 2020. № 2. С. 18 – 22.
109. Неймарк, М.А. Геополитика «мягкой силы»: опыт России. – Изд. 2-е. – М.: Дашков и К, 2022. – 350 с.
110. Неймарк М.А. Кризисная геополитика: опыт и перспективы «мягкой силы» России. – М.: Дашков и К<sup>о</sup>, 2023. – 323 с.
111. Неменский, О.Б. Русофобия. Аналитические обзоры РИСИ. Вып. 5. — М., 2014. – 48 с.
112. Никитина, Ю.А. Российский подход к продвижению «мягкой силы» во внешней политике // Вестник МГИМО-университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 30 – 35.
113. Паксютов, Г.Д. Влияние стриминговых сервисов на киноиндустрию и стратегию «мягкой силы» Китая // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 2. – С. 41 – 53.
114. Паксютов, Г.Д. Фабрика грёз – теперь с Востока // Россия в глобальной политике. – 2021. – № 3 (109). – С. 122 – 135.
115. Паршин, П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-университета. — 2014. — № 2 (35). — С. 14 -21.



116. Песцов, С.К., Бобыло, А.М. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2 (34). С. 108 – 114.
117. Плеханов, С.М. Естественное сообщество интересов и симпатий: Россия и Америка в XIX в. // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — № 1 (21). — С. 77 – 106.
118. Погорлецкий, А.И. «Мягкая сила» и экспортный потенциал России в несырьевых секторах экономики // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65. — № 3. — С. 102 – 110.
119. Подосокорский, Н.Н. «Мягкая сила» тиктока: соцсеть, которая покорила мир // Наука телевидения. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 117 – 146.
120. Попов, А.Д. Международная деятельность «Артека» в контексте детской дипломатии периода холодной войны // Magistra vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2018. — № 2. — С. 81 – 88.
121. Попова, Е.А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2022. № 12. С. 40 – 45.
122. Пугачев, В.П. Введение в политологию. / В.П. Пугачев, А.И. Соловьёв. — Издание 4-е, перераб. и доп. — М.: Аспект-пресс, 2005. — 478 с.
123. Ракитов, А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопр. Философии. — 1992. — № 5. — С. 3 – 15.
124. Ратманов, П.Э. Советское здравоохранение на международной арене в 1920-х – 1940-х гг.: между «мягкой силой» и пропагандой (Западная Европа и США) / П.Э. Ратманов. — Хабаровск: Изд-во ДВГМУ, 2021. — 388 с.
125. Робертсон, Р. Черный о красных. 44 года в Советском Союзе. Автобиография черного американца. / Роберт Робинсон. Пер. с англ. Г. Лапиной.— СПб.: Симпозиум, 2010. — 496 с.
126. Рогожина, Н.Г. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XXXIV. — М.: Ин-т востоковедения, 2017. — С. 24 – 33.

127. Розанов, В.В. Американизм и американцы // Новый путь. — 1904. — № 2. — С. 265 – 269.
128. Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / Институт социологии РАН. Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. – М.: Весь мир, 2022. – 284 с.
129. Русакова, О.Ф., Грибовод, Е.Р. Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы» // Международные процессы. – 2019. – Т. 17. – № 1 (56). – С. 62 – 72.
130. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-пи. 2017. № 1 (26). С. 61 – 72;
131. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология. / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, фак. политологии; под ред. А. Ю. Шутова и А. А. Ширинянца.— М.: Изд. Моск. университета, 2013. – 624 с.
132. Рустамова, Л.Р. «Мягкая сила» и публичная дипломатия. – М.: КноРус, 2021. – 254 с.
133. Рыбачёнок, И.С. Россия и Франция: союз интересов и союз сердец. Русско-французский союз в дипломатических документах, фотографиях, рисунках, карикатурах, стихах, тостах и меню. / И.С. Рыбаченок. — М.: РОССПЭН, 2004. — 278 с., ил.
134. Салимова, Э.А. «Мягкая сила» во внешней политике Российской Федерации в арабских странах // Вестник гуманитарного образования. – 2021.- № 1 (21). – С. 73 – 78.
135. Саримсоков, З.С. Инструменты «мягкой силы» России и их применение в Центральной Азии // Постсоветские исследования. – 2019. – Т. 2. – № 5. – С. 1267 – 1279.
136. Сафронова, Е.И. К вопросу о соперничестве Японии и Китая в Африке и Латинской Америке // Японские исследования. — 2019. — № 3. — С. 84 – 111.
137. Сафронова, Е.И. Проект «Экономический пояс Шелкового пути» и безопасность в Центральной Азии // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 4. – С. 23 – 30.

138. Селезнева, Н.В. Новый вектор «мягкой силы» Китая: трансформация политики в отношении институтов Конфуция // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – Т. 27. – № 27. – С. 284 – 297.
139. Смирнов, В. Индустрия впечатлений как пространство аппликации «мягкой силы» // Индустрии впечатлений. – 2022. – № 1. – С. 117 – 136.
140. Смирнова, Л. «Утечка умов» в Соединенные Штаты из развивающихся стран в начале 1970-х годов // Расы и народы. Вып. 6. — М.: Наука, 1976. — С. 102 – 118.
141. Советская культурная дипломатия в условиях холодной войны: 1945 – 1989. коллективная монография / [О. С. Нагорная, О. Ю. Никонова, А. Д. Попов и др.; науч. ред. О. С. Нагорная]; Южно-Уральский государственный университет. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. - 446 с.
142. Согрин, В.В. Американская цивилизация / В.В. Согрин. – М.: Весь мир, 2020. – 256 с.
143. Солги, Т., Старовойтова, И.Е. Кино как инструмент «мягкой силы» и его влияние на культурный капитал страны // Наука. Искусство. Культура. – 2023. – № 1 (37). – С. 167 – 172.
144. Соломатин, А.Н. Формирование имиджа России средствами канала «РТ» в условиях информационных войн // Вестник Череповецкого госуд. университета. — 2014. — № 1. — С. 56 – 59.
145. «Социализм – это рай на земле»: крестьянские представления о социализме в письмах 20-х гг. / подгот. к публикации В. В. Кабанова, Т. П. Миронова, Е. В. Хандурина // Неизвестная Россия. XX век.: Архивы. Письма. Мемуары. / Московское городское объединение архивов; Гл. ред. В. А. Козлов ; Ред. серии С. И. Вакунов, И. С. Давидян, и др. – М. : Историч. наследие. – Кн. III. / Составители В. А. Козлов, С. М. Завьялов . – М. : Историч. наследие (М). 1993. – С. 199-226.
146. Сталин, И.В. Об основах ленинизма // И.В. Сталин. Соч. Т. 6. — М.: ОГИЗ, Госуд. изд. полит. лит., 1947. — С. 69 – 188.

147. Столетов, О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? // Полис. Политические исследования. — 2009. — № 4. — С. 173 – 178.
148. Супоницкая, И.М. Цивилизация США. Контуры истории. / И.М. Супоницкая. — М.: URSS, 2017. 298 с.
149. Тарасова, Д.А. Экспорт массовой культуры как слабое звено мягкой силы Китая // Научные ведомости Белгородского госуд. университета. Серия: История. Политология. — 2019. — Т. 46. № 1. — С. 162 – 170.
150. Тейлор, Р. Борис Шумяцкий и создание советской кинематографии в 30-е годы // Киноведческие записки. — М.: ВНИИ киноискусства. — 1989. — № 3. — С. 38 – 66.
151. Темербаева, А.С. Американские кинокомиксы как инструмент «мягкой силы» США // Общество: политика, экономика, право. — 2022. — № 3 (104). — С. 40 – 44.
152. Тиммерман, Х. Европа и ее Восток с геополитической точки зрения // Мировая экономика и международные отношения. — 2009. — № 10. — С. 105 – 115.
153. Ткачёва, Н.В. Национальные медиа как инструменты продвижения мягкой силы Китая // Вестник Московского университета. — Сер. 10: Журналистика. — 2019. — № 6. — С. 94 – 128.
154. Токвиль, А. Демократия в Америке: Пер. с фр. / Алексис де Токвиль; Предисл. Г. Дж. Ласки. — М. : Прогресс, 1992. — 559, [1] с.
155. Толоконникова, А.В., Будакова, Д.О. Роль телеканала RT в формировании международного имиджа России // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. — 2019. — № 5. — С. 89 – 119.
156. Торкунов, А.В. По дороге в будущее. 4-е изд., переработанное и дополненное. — М.: Аспект пресс, 2020. — 740 с.
157. Трегубов, Н.А. Советское агитационное воздействие на целевую аудиторию в социалистических, развивающихся и капиталистических странах (вторая половина 1940-х – середина 1960-х гг.) // Управление в современных системах. — 2017. — № 4 (15). — С. 22 – 31.

158. Троцкий, Л. Литература и революция. / Л. Троцкий; [Вступ. ст. Ю. Борева]. — М.: Изд-во полит. лит., 1991. — 400 с.
159. Устинович, Е.С., Переверзева, О.В. «Мягкая сила» Испании: потенциал и проблемы наращивания // Вестник Юго-Западного. гос. ун-та. Сер. История и право. — 2020. — Т. 10. — № 6. — С. 154 – 166.
160. Устюжанцева, О.В. Образовательное сотрудничество в российско-индийских отношениях // Сибирские исторические исследования. — 2016. — № 3. — С. 43 – 64.
161. Уткин, А.И. Вудро Вильсон. / А.И. Уткин. — М.: Культурная революция, 2010. — 552 с.
162. Уткин, А.И. Теодор Рузвельт. / А.И. Уткин. — М.: ЭКСМО, 2003. — 544 с.
163. Ушаков, В.А. Политико-государственное устройство США: восприятие в Российской империи // Клио. — 2014. — № 10 (94). — С. 47 – 51.
164. Файетта, М. «Мягкая сила» Швейцарии: равный диалог с мировыми державами и малыми нациями. / Мишель Файетта. — СПб: СПбГУ, 2016. — 32 с.
165. Федотова, Н.Н. Мягкая сила России: вызовы и перспективы // Вестник государственного университета Дубна. Сер. Науки о человеке и обществе. — 2022. — № 2. — С. 10 – 17.
166. Филимонов, Г.Ю., Карпович, О.Г., Манойло, А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: Юнити-Дана, 2015. — 582 с.
167. Фукуяма, Ф. Конец истории // Вопр. философии. — 1993. — № 3. — С. 134 – 155.
168. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. / Фрэнсис Фукуяма. Пер. М.Б. Левина.— М.: АСТ: АСТ Москва: Полиграфиздат, 2010. — 584 с.
169. Харитонова, Е.М. Мягкая сила Великобритании. — М.: ИМЭМО РАН, 2018. — 139 с.
170. Харкевич, М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-университета. — 2014. — № 2 (35). — С. 22 – 29.
171. Хаусхофер, К. О геополитике: работы разных лет. / Карл Хаусхофер; Пер. с нем. и послесл. И. Г. Усачева.— М.: Мысль, 2001. — 426 с.

172. Холландер, П. Политические пилигримы: Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928 – 1978. / Пол Холландер.— СПб.: Лань, 2001. — 592 с.
173. Хоркхаймер, М., Адорно, Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. / Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно. Перевод с нем. М. Кузнецова - М., СПб: Медиум, Ювента, 1997. - 312 с.
174. Хубриков, Б.О. «Мягкая сила» Китая в эпоху Си Цзинпина // Дискурс-пи. – 2019. – № 1 (34). – С. 77- 89.
175. Цветкова, Н.А., Федорова, И.В. Дипломатия данных США: цели, механизм, содержание // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2021. – Т. 51. – № 1. – С. 104 – 116.
176. Цзи Юэшэн. Приоритеты внешней культурной политики Китая в условиях глобализации // Власть. — 2017. — № 10. — С. 148 – 154.
177. Чаевич, А.В. Мягкая сила как фактор обеспечения национальной безопасности современной России. – М.: Спутник, 2019. – 185 с.
178. Черешнева, Л.А., Черешнева, М.С. «Позитивный нейтрализм» Индии в оценке советского посла К.В. Новикова // Новый исторический вестник. – 2021. – № 4 (70). – С. 77 – 93.
179. Чугров, С.В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 88 – 98.
180. Шангараев, Р.Н., Исхаков, А.С. Роль «мягкой силы» во внешней политике Турции // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 9. – 3056 – 3066.
181. Шестопал, Е.Б. «Они» и «мы»: восприятие своей и других стран российскими гражданами // Общественные науки и современность. 2021. № 2. С. 90 – 102.
182. Шмелев, Д.В. Валери Жискар д'Эстен и Россия (СССР) // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Материалы III Всерос. научной конференции. Самара, 2016. С. 304 – 314.
183. Шмитт, К. Понятие политического. / Карл Шмитт. Пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. — СПб.: Наука, 2016. — 568 с.

184. Эмерсон, Р.У. Молодой американец // Эстетика американского романтизма. Составитель: А. Н. Николукин. — М.: Искусство, 1977. — С. 281 – 301.
185. Эфендиева, Н.Э.К. Лингвокультурная организация иновещания в МИА «Россия сегодня» // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. — 2021. — Т. 26. — № 2. — С. 247 – 255.
186. Юдин, Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. — 2013. — № 4. — С. 134 – 163.
187. Юн, С.М. Образование как сфера сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. История. — 2017. — № 50. — С. 89 – 92.
188. Юсев, А. Кинополитика. Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. / Алексей Юсев.— М.: Альпина паблишер, 2017. — 300 с.
189. Янгутов, Л.Е. Буддизм как фактор мягкой силы в политической стратегии Китая // Философская мысль. — 2019. — № 10. — С. 49 – 53.
190. Adams, J.T. The Epic of America / J.T. Adams. — Boston: Little, Brown & Co, 1931. — 434 p.
191. Andreev, A., Andreev, I. India and Russia: Relations in the Modality of «Soft Power» // India-Russia Cultural Ties: Changing Dimensions. — New Delhi: Ana Books Pvt. Ltd., 2021. — P. 11 – 33.
192. Badam, C. The Ottoman Crimean War (1853 – 1856) / C. Badam. — Leyden, Boston: Brill, 2010. — 432 p.
193. Barghoorn, F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy / F.C. Barghoorn. — Princeton: Princeton Univ. Press, 1960. — 353 p.
194. Barluet, A. L'hommage de Poutine a Jacques Chirac, le plus russophile des presidents // Le Figaro, 29 sept. 2019.
195. Carr, E.H. Twenty years' crisis, 1919 – 1939: An Introduction to the Study of International Relations / E.H. Carr. — N.Y.: Harper & Row, 1964. — 180 p.

196. Cheney, R. B. *Exceptional: Why the World Needs a Powerful America* / R.B. Cheney, E.L. Cheney. — N.Y., L., Toronto, Sydney, N. Delhi: Threshold Editions. 2015. — 338 p.
197. Cuordifede, C. *Quand la Russie lorgne les vieux "près carrés" de la France* // *Marianne*, 21.10.2020.
198. D'Hooghe, I. *The Limits of China's Soft Power in Europe* / I. D'Hooghe. — The Hague: Nederlands Institute of International Relations 'Clingendael', 2010. - 40 p.
199. Dooley, H. J. *The Great Leap Outward: China's Maritime Renaissance* // *The Journal of East Asian Affairs*. — 2012. — Vol. 26. — № 1. - P. 53 – 76.
200. Ferguson, N. *Colossus: The Price of America's Empire* / N. Ferguson. — New York: Penguin Press, 2004. — 416 p.
201. Glaser, B., Murphy, M. *Soft Power with Chinese Characteristics: The Ongoing Debate* // *Chinese Soft Power and Its Implications for the United States. A Report of the CSIS Smart Power Initiative*. — March, 2009. — P. 10 – 26.
202. Gleason, J.H. *The Genesis of Russophobia in Great Britain: a Study of the Interaction of Policy and Opinion* / J.H. Gleason. — Cambr.: Harvard Univ. Press, 1950. — IX, 314 p.
203. Gray, C.S. *Hard Power and Soft Power: the Utility of Military Force as an Instrument of Policy in 21<sup>st</sup> Century* / C.S. Gray. — Strategic Studies Institute: US Army War College, 2011.
204. Hart, J. *Empire of Ideas: The Origins of Public Diplomacy and the Transformation of US Foreign Policy* / J. Hart. — N.Y.: Oxford Univ. Press, 2013. — 296 p.
205. Hughes, T. *American Genesis. A Century of Invention and Technological Enthusiasm 1870 – 1970* / T. Hughes — Chi: Univ. of Chicago Press, 2004. — 548 p.
206. *Issues in Americanization and Culture* / Neil Campbell, Jude Davies, George McKay, eds. — Edinburg: Edinburg Univ. Press, 2004. — 316 p.
207. *Journey for Our Time. The Russian Journals of the Marquis de Custune*. — Wash.: Gateway Editions, 1987. — 376 p.
208. Kagan, R. *Of Paradise and Power. America and Europe in the New World Order* / R. Kagan. — New York: Alfred A. Knopf, 2003. – 104 p.



209. Kooijman, J. *Fabricating the Absolute Fake. America in Contemporary Pop Culture.* – Rev. ed./ J. Kooijman. — Amsterdam: Amsterdam Univ. Press, 2013. — 231 p.
210. Kurlantzick, J. *The Decline of American Soft Power // Current History.* Vol. 104, No. 686, Dec, 2005. P. 419 – 424.
211. Lasswell, H.D. *Propaganda Technique in the World War / H.D. Lasswell.* — Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1971. — 233 p.
212. Lasswell, H.D., Kaplan, A. *Power and society: a framework for political inquire / H.D. Lasswell, A. Kaplan.* — New Haven: Yale Univ. Press, 1950. — 295 p;
213. Lebedeva, M.M. *Russian Public Diplomacy. From USSR to the Russian Federation.* L.: Routledge, 2021. 78 p.
214. Leonard, M. *Why Europe will Run the 21st Century / M. Leonard.* — L: Fourth Estate, 2005. — 170 p.
215. Malia, M. *Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to Mausoleum / M. Malia.* — Cambr. (Mass), L.: The Belnup Press of the Cambridge University Press, 1999. — XII, 514 p.
216. Manners, I. *Normative Power Europe: Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies.* — 2002. — Vol. 40. — № 2. — P. 235 – 259.
217. Manners, I. *Normative Power Approach to European Union External Action // The External Action of the European Union: Concepts, Approaches, Theories / Ed. by Sieglinde Gstöhl, Simon Schunz.* - London, N.Y., Dublin: Bloomsbury Publishers, 2021. P. 69 – 84.
218. Mattern, J.B. *Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Socio-linguistic Construction of Attraction in World Politics // Millenium: Journal of International Studies.* — 2005. — Vol. — № 3. — P. 583 – 612.
219. McNally, T. *The Origins of Russophobia in France: 1812 - 1830 // American Slavic and East European Review.* — 1958. — Vol.17. — № 2. — P. 173 – 189.
220. Mokken, R.J., Stokman, F.N. *Power and Influence as Political Phenomena // Barry B. (ed.) Power and Political Theory: Some European Perspectives.* — L.: Wiley, 1976. — P. 33 – 54.

221. Moffett, S.E. *The Americanization of Canada* / S.E. Moffett. — Collingwood: Trieste Publishing Pty Ltd, 2017. — 138 p.
222. Nolan, M. *Visions of Modernity. American Business and the Modernization of Germany* / M. Nolan — N.Y., Oxf.: Oxford Univ. Press, 1994. — 324 p.
223. *Power and Political Theory: Some European Perspectives.* / Barry B. (ed.) — L.: Wiley, 1976. — 296 p.
224. Roosevelt, T. *True Americanism // The Works of Theodore Roosevelt. American Ideals.* — New York and London, The Co-operative publication society, 1896. — P. 31 – 50.
225. Shambaugh, D. *China’s Soft-Power Push – the Search for Respect // Foreign Affairs.* — 2015, July/August. — P. 99 - 107.
226. Shao-Cheng Sun. *The Confucius Institutes: China’s Cultural Soft Power Strategy // Journal of Culture and Values in Education.* 2023. Vol. 6. № 3. P. 52 – 68.
227. Stead, W.T. *Americanization of the World, or The Trend of the Twentieth Century* / W.T. Stead – L.: Andesite Press, 2017. — 192 p.
228. *Americanization of the World, or The Trend of the Twentieth Century.* — Whitefish, Montana: Kessinger Publishing, 2011. — 460 p.
229. Whale, S. W. *Madame Adam (Juliette Lambert). La Grande Française: From Louis Philippe until 1917* / S. W. Whale — L.: Chapman and Hall, 1917. — 256 p.

### **Диссертации**

1. Лагуткина М.Д. *Языковые способы репрезентации России и Китая в российском и китайском медиадискурсах в контексте «мягкой силы»: дис.... канд. филол. наук* / М.Д. Лагуткина. — М., 2022. — 249 с.
2. Николаева, Н.А. *Возможности и ограничения использования Россией «мягкой силы» в отношении стран Прибалтики.: дис.... канд. полит. наук* / Н.А. Николаева. — М., 2018. — 239 с.
3. Сухарев А.И. *Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира : дис. ... доктора политич. наук* / А.И. Сухарев. — М.: 2011. — 461 с.

## ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

1. Ассамблея народов Евразии. Международный союз неправительственных организаций. [Электронный ресурс]. URL: <http://eurasia-assembly.org/ru>
2. Голливуд становится китайским // Информационный портал «Мир новостей». [Электронный ресурс]. URL: <https://mirnov.ru/politika/sobytaja-v-mire/gollivud-stanovitsja-kitaiskim.html>. - Дата публикации 5.10.2016.
3. Китай принимает больше всего иностранных студентов // Жэньминь жибао, 03.04.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0403/c31517-9445353.html>.
4. Нарочницкая, Е.А. Крымский вопрос и позиция Франции: критический дискурс французских элит // Перспективы. — 2019. — № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/>.
5. Официальный сайт Китайского фонда международного образования. Глобальная сеть (全球网络). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cief.org.cn/qq>
6. Официальный сайт Госдепартамента США. Бюро по делам образования и культуры. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/bureau-of-educational-and-cultural-affairs/>
7. Официальный сайт Иммиграционной и таможенной службы США. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ice.gov/>
8. Президент Литвы: война и оккупация – это уже не исторические термины // Портал Delphi.lt. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.delfi.lt/> Дата публикации 27.03.2014.
9. Рузвельт, Т. Новый национализм. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/noviy-nacionalizm.php>.
10. Русский мир // Информационный портал фонда «Русский мир». [Электронный ресурс]. URL: <https://russkiymir.ru/fund/reports.php>

11. Чжань Десюн. Китайское «могущественное культурное государство» и западная культура // Иносми.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/fareast/20100325/158804621.html>. Дата публикации 24.05.2020
12. BBC World Service Poll 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://globescan.com/>
13. Cartalucci, T. US Attempts to Shame Asia for “Caving to China” // NEO. New Eastern Outlook. 24.10.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-neo.org/2016/10/24/us-attempts-to-shame-asia-for-caving-to-china/>.
14. Connaughton, A., Clancy, L., Gubbala, S. Far more Americans see US influence on the world stage getting weaker than stronger // Pew Research Centre. 11.12.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2022/12/22/far-more-americans-see-u-s-influence-on-the-world-stage-getting-weaker-than-stronger/>
15. Declassified Documents Concerning Russian President Boris Yeltsin // Clinton Digital Library. [Электронный ресурс]. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/>
16. The EducationUSA Network. [Электронный ресурс]. URL: <https://educationusa.state.gov/us-higher-education-professionals/educationusa-network> (дата посещения 30.12.2021)
17. Fukuyama, F. The Future of American Power: Francis Fukuyama on the End of American Hegemony // The Economist, Aug. 18, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/by-invitation/2021/08/18/francis-fukuyama-on-the-end-of-american-hegemony>
18. Gallup U.S. Global Leadership Update, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.gallup.com/opinion/gallup/328490/gallup-global-leadership-update.aspx>
19. Gallup. Russia Suffers Global Rebuke After Invasion. Опрос 2022 г., проводился в 137 странах. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.gallup.com/poll/474596/russia-suffers-global-rebuke-invasion.aspx>

20. Giscard d'Estaing, V. La France, l'Europe, le Monde... Entretien avec Valéry Giscard d'Estaing // Politique internationale. – № 146, Hiver 2015. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/12/03/valery-giscard-d-estaing-le-reformateur-incompris\\_6062053\\_3232.html](https://www.lemonde.fr/idees/article/2020/12/03/valery-giscard-d-estaing-le-reformateur-incompris_6062053_3232.html)
21. Global Attitudes and Trends. Image of Putin, Russia Suffers Internationally. Poll 2018. // Pew Research Centre. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewsearch.org/global/2018/12/06/image-of-putin-russia-suffers-internationally/>
22. Global Soft Power Index 2022 // Brand Finance. [Электронный ресурс]. URL: <https://brandfinance.com/press-releases/global-soft-power-index-2022-usa-bounces-back-better-to-top-of-nation-brand-ranking>
23. Hannah, J. How Do You Solve a Problem Like Erdogan? // Foreign Policy, 15.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/06/15/how-do-you-solve-a-problem-like-erdogan/>
24. Wer beherrscht Medien? // Institut für Medien- und Kommunikationspolitik. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mediadb.eu/>
25. Leonard, M. Europe's Soft Power Problem // Project Syndicate, May 4, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/europe-soft-power-problem-by-mark-leonard-2022-05?barrier=accesspaylog>
26. Mahloubi, S. Quand les médias chinois s'exportent en Afrique // La revue de médias. Publié le 18 janvier 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://larevedesmedias.ina.fr/chine-afrique-influence-medias-covid-19>
27. Nye, J. China's Soft Power Deficit // The Wall Street Journal. 08.05.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304451104577389923098678842>
28. Nye, J. China's Soft and Sharp Power // Project Syndicate, 4.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-soft-and-sharp-power-by-joseph-s--nye-2018-01?barrier=accesspaylog>.

29. Nye, J. Donald Trump and the decline of US soft power // The Strategist, 12 Feb., 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/donald-trump-decline-us-soft-power/>
30. Joseph S Nye, jr. Says more... // Project Syndicate, 06.06. 2023. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm\\_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm\\_campaign=6c92d09c6e-sunday\\_newsletter\\_06\\_11\\_2023&utm\\_medium=email&utm\\_term=0\\_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc\\_cid=6c92d09c6e&mc\\_eid=aa1eebfd2](https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=6c92d09c6e-sunday_newsletter_06_11_2023&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc_cid=6c92d09c6e&mc_eid=aa1eebfd2) [https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm\\_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm\\_campaign=6c92d09c6e-sunday\\_newsletter\\_06\\_11\\_2023&utm\\_medium=email&utm\\_term=0\\_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc\\_cid=6c92d09c6e&mc\\_eid=aa1eebfd2](https://www.project-syndicate.org/onpoint/an-interview-with-joseph-nye-on-us-china-rivalry-soft-power-ukraine-taiwan-2023-06?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=6c92d09c6e-sunday_newsletter_06_11_2023&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-6c92d09c6e-107698642&mc_cid=6c92d09c6e&mc_eid=aa1eebfd2)
31. Nye, J. Soft Power after Ukraine // Project Syndicate, 3.05.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/soft-power-after-russia-war-in-ukraine-by-joseph-s-nye-2022-05?barrier=accesspaylog>
32. Nye, J. What China and Russia Don't Get about Soft Power // Foreign Policy. 29.04.2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/>.
33. Pew Research Centre, Jan 10, 2020. [Электронный ресурс]. Around the world, more see the U.S. positively than China, but little confidence in Trump or Xi. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/01/10/around-the-world-more-see-the-u-s-positively-than-china-but-little-confidence-in-trump-or-xi/>
34. Pew Research Centre, Feb 7, 2020. [Электронный ресурс]. Russia and Putin receive low ratings globally. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/>

35. Pew Research Centre, Jun 22, 2022. [Электронный ресурс]. International Attitudes Towards the US, NATO and Russia in a Time of Crisis. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2022/06/22/international-attitudes-toward-the-u-s-nato-and-russia-in-a-time-of-crisis/>
36. Pew Research Centre, July 10, 2023. [Электронный ресурс]. Overall opinion of Russia. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2023/07/10/overall-opinion-of-russia/>
37. Portland Communications. [Электронный ресурс]. The Soft Power Top 30. URL: <https://softpower30.com/>
38. Rating World Leaders Report: What People Worldwide Think of the U.S., China, Russia, the EU and Germany / Gallup. – 2015. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.meridian.org/wp-content/uploads/2015/07/Rating\\_World\\_Leaders\\_Report\\_04-20-15.pdf](https://www.meridian.org/wp-content/uploads/2015/07/Rating_World_Leaders_Report_04-20-15.pdf)
39. Reinhart R.J. U.S. Public sees Russia – Ukraine Conflict as Critical Threat // Gallup, 25.02.2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.gallup.com/poll/390140/public-sees-russia-ukraine-conflict-critical-threat.aspx>
40. Silver, L. Americans differ from peoples in other societies over some aspects of US “hard” and “soft” power // Pew Research Centre, November 1, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2021/11/01/americans-differ-from-people-in-other-societies-over-some-aspects-of-u-s-hard-and-soft-power/>
41. Superpowers and Country Reputation. // YouGov. Poll 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://d25d2506sfb94s.cloudfront.net/>
42. Yan Xuetong. Becoming Strong: The New Chinese Foreign Policy // Foreign Affairs. July/August 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-06-22/becoming-strong>